ЖИЗНЬ
СЛАВНЫХ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-
БОЛЬШЕВИКОВ

Иван ГАЗА

В. А. Комяков



ЖИЗНЬ
СЛАВНЫХ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-БОЛЬШЕВИКОВ

В. А. Комяков

Иван ГАЗА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ
ПОВЕСТЬ

ЛЕНИЗДАТ · 1985

66.61(2)8
К63

В книге, написанной в форме документальной повести, рассказывается об основных этапах жизненного пути и революционной деятельности потомственного путиловца большевика И. И. Газа, активного участника Февральской революции и Октябрьского вооруженного восстания, стойкого борца за проведение генеральной линии партии.

Отдельная глава посвящена участию И. И. Газа в гражданской войне в качестве комиссара бронепоезда № 6 имени В. И. Ленина.

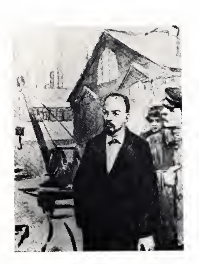
Повесть, рассчитанная на широкий круг читателей, иллюстрирована документальными фотографиями. Существенную помощь автору в подборе иллюстраций оказали члены семьи И. И. Газа, а также один из авторов «Истории Кировского завода» (М., 1966) С. А. Костюченко.

Рецензент: кандидат исторических наук *Ю. С. Кулышев.*

К $\frac{0902030000-234}{М171(03)-85}$ 78–84



И. И. Газа. 1930 год.



8 декабре 1894 года на Кировский завод (бывш. Путиловский) приезжал

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

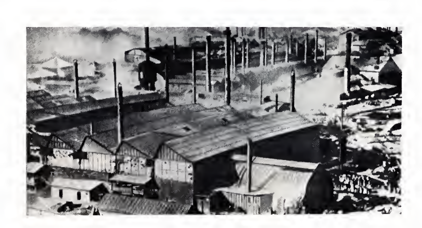
с целью ознакомления с жизнью и работой трудящихся крупнейшего предприятия страны.

12 (25 по новому стилю) мая 1917 года

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

выступал на 20-тысячном митинге рабочих Путиловского завода и Путиловской судоверфи с докладом по текущему моменту.





В лафетносборочной мастерской. 1914 год.

←

В. И. Ленин на Путиловском заводе в 1894 году. *Рисунок художника В. Селезнева.*

Мемориальная доска о посещении В. И. Лениным Путиловского завода в 1894 году и 12 (25) мая 1917 года.

Так выглядел завод в конце прошлого столетия.







Рабочий Путиловского завода Г. М. Шкапин.

Вася Алексеев.

Иван Газа — рядовой технической команды при школе оружейных мастеров в Ораниенбауме. 1916 год.

←

У заводской проходной во время забастовки.





Молодые путиловцы — члены Социалистического союза рабочей молодежи перед выходом на демонстрацию. 1917 год.



Красногвардейцы Путиловского завода в наряде у Смольного. 1917 год.



В. И. Ленин среди красногвардейцев Путиловского завода. 1917 год. *Плакат работы художника А. Лаврова.*

→

Путиловец М. А. Войцеховский.

Золотом на мраморе увековечено еще одно посещение завода В. И. Лениным.

Здание, в котором размещался первый завком Путиловского завода.



В ночь с 28 на 29 октября (с 10 на 11 ноября по новому стилю) 1917 года

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ

ЛЕНИН

приехал на завод, чтобы лично проверить выполнение задания путиловскими рабочими, данного им утром 28 октября (10 ноября по новому стилю) о срочном изготовлении боевого оружия для фронта.

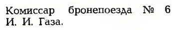












Комиссар бронепоезда № 6 И. И. Газа.

Машинист бронепоезда № 6 А. А. Майлов.

Значок бойца бронепоезда № 6.



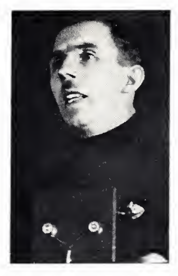
←

А. Е. Васильев, председатель завкома, первый директор завода в 1917 году.

Командир бронепоезда № 6 А. И. Шмай.

Бронепоезд № 6 имени В. И. Ленина.





И. И. Газа выступает во Дворце культуры имени А. М. Горького на собрании партийного актива. 1930 год.



Рабочий-путиловец Ф. И. Гяч.

←

С. М. Киров, первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).





Дворец культуры имени И. И. Газа.

Бюст И. И. Газа в сквере Дворца культуры, носящего его имя.

Ветераны завода возлагают цветы на могилу И. И. Газа на Марсовом поле.



ДЕПУТАТ БАШЕННОЙ

1

В понедельник, 6 февраля 1912 года, Нарвскую заставу огласили разноголосые гудки. Послушные их зову, из домов выходили люди. Со всех улиц и переулков они шли к Путиловскому заводу, который темной громадой возвышался на окраине города. У широких заводских ворот стояли полицейские.

Рабочие, хмурые и недовольные, ругали директора Лабунского, который ввел овальные номера в добавление к квадратным. Раньше стоило опустить квадратный номер в кружку у ворот до штрафного гудка, и ты уже считаешься приступившим к работе. Теперь к этому времени надо успеть дойти до мастерской и повесить на доску овальный номер. Трудовой день, и без того длинный и изнурительный, еще более увеличивался.

Вот что писала 29 января 1912 года газета «Звезда»: «Господин Лабунский ссылается, когда ему выгодно, на правила да на законы. А не то, так и закон под стол... Так, что ли, товарищи? Что же вы молчите? Действуйте. За вами право. Идите в союз».

Правление Союза металлистов обсуждало вопрос о забастовке почти каждый день. 2 февраля к дому, где собрались члены правления, подъехали конные городовые и всех арестовали. Руководителя заводской партийной организации Антона Васильева схватили еще раньше.

Несколько дней завод не работал — масленица. А сегодня вступили в силу новые правила.

...Рабочие, торопясь, опускали в кружки квадратные номера. Вслед за отцом сунул туда металлический квадратик Иван. Быстро шагая по захламленному двору, они добрались до своей новомеханической мастерской и повесили на доску овальные номера.

Многие слесари, невыспавшиеся, вялые, были уже на местах, негромко переговаривались. Иван открыл ящик, взял инструмент и развернул чертеж. Пронзительно завыла заводская сирена — начался рабочий день.

Иван подошел к слесарю Матвееву:

— Я слышал, бастуем, Степан Петрович?

Матвеев утвердительно кивнул головой:

— Забастовка, видимо, будет трудной, Ваня. Члены правления Союза арестованы. На заводе много новых людей. Надо бы разузнать об их настроении.

— Я сейчас выясню,— сказал Иван.

Улучив момент, когда мастер вышел из помещения, он подошел к рабочим. К Ивану присоединился его товарищ Василий Куренков, лохматый, чернявый, в засаленной куртке.

После революции 1905 года администрация завода выгнала из новомеханической всех, кто участвовал в демонстрациях, выступал на митингах, бастовал. В мастерскую пришли новгородские и вологодские крестьяне, которых нужда заставила уйти из деревень. Они держались особняком, замкнуто, боялись мастера, который каждого предупреждал: «Будешь бунтовать — с завода вон».

Лишь один из новых рабочих, Дмитрий Кузнецов, со злостью ответил мастеру:

— А чего нам бояться? В деревне не только стращали, но и пороли.

— Молодец, Митя, правильно ответил,— поддержал его Иван, когда Дмитрий рассказал ему об этом.

Иван показал парню, как надо держать рашпиль,

чтобы не ободрать кожу на пальцах. Сейчас Газа и Куренков подошли к Кузнецову, который обтачивал зажатый в тисках кусок металла. Иван, улыбаясь, похлопал его по плечу:

— С кем ты, Митя, вчера вечер проводил?

— Нашел время лясы точить,— отмахнулся от него Дмитрий.

Но Иван так хитро повернул разговор, что получилось, будто сам Дмитрий подал мысль о забастовке.

— Мы присоединяемся,— сказал Иван.

— А я, как все,— ответил Кузнецов и, чуть помедлив, добавил: — Только не знаю, как это сделать.

— Научим,— пообещал Куренков.

Они подошли к слесарю Свиридову — высокому, костистому старику. Узнав, в чем дело, он шепнул:

— Я не подведу вас, ребята.

Труднее всего было с Митрофаном Касьяновым. Еще не проспавшийся после пьянки, дыша водочным перегаром, он заорал:

— Смутьяны, забастовщики! Вот мастеру скажу...

Парни решили не рисковать, разговор прекратили. Но здесь, в мастерской, работало еще несколько родственников Митрофана. Один из них, Илья Касьянов, подошел к Ивану и тихо сказал:

— Мы поддержим.

Неожиданно появился мастер.

— Что за сборище?! — закричал он.— Марш по местам!

Когда Иван возвращался к своему верстаку, его остановил отец и строго спросил:

— Почему болтаешься?

— Выполнял поручение,— спокойно ответил Иван.

— Ты у меня смотри.

Матвееву Газа доложил:

— Настроение у рабочих боевое. Думаю, что большинство поддержит забастовку.

— Хорошо, Ваня,— улыбнулся Степан Петрович.— А теперь незаметно сбегай в лафетно-снарядную мастерскую, найди Андриана Иванова и скажи, что у нас все готово.

Иван сейчас же пошел. Между корпусами, в сумраке, расхаживали полицейские. Иван, ловко обходя их, пробрался в лафетно-снарядную мастерскую.

— Хватит, помордовали! — вдруг услышал он чей-то резкий, злой голос и увидел пожилого токаря в рваной телогрейке, который остановил станок и, размахивая руками, что-то доказывал товарищам.

Остановились и другие станки. Рабочие возбужденно говорили о забастовке. Ивана обрадовало это единодушие рабочих, их гневные слова. К нему подошел молодой парень и сказал:

— Я — Мещерский. Вы кого ищете, Андриана?

Он указал на Андриана Иванова, который шел с группой рабочих и говорил им:

— Наша сила — в организации. Все заранее надо учесть...

Газа передал ему то, что велел Матвеев.

— Хорошо,— обрадовался Андриан, пожимая руку Ивана.— Скажи ему, что лафетно-снарядная, пушечная и паровозомеханическая мастерские уже бастуют. Пусть немедленно поднимает слесарей.

А Мещерский, провожая Ивана, сунул ему в руку листовку, напечатанную на гектографе.

— Прочти сам и передай товарищам. От группы революционной молодежи.

Возвращался Газа, задыхаясь от волнения, так как чувствовал: начинаются чрезвычайно важные события.

Матвеев трудился за верстаком. Выслушав сообщение Ивана о настроении рабочих лафетно-снарядной мастерской, сказал:

— Молодец, Ваня. Иди на свое место. Листовку вывеси где-нибудь на людном месте.

Газа зашел в курилку и хлебным мякишем приклеил листовку к стене. Два человека прошли мимо, косясь на нее, но не остановились. Тогда Иван как бы невзначай подошел к стене и стал вслух читать текст:

— «Товарищи! Администрация, опираясь на силу полицейского правительства, издает новые «правила», новые притеснения. Стремясь увеличить наш и без того долгий и тяжелый день, она вводит вторые номера и новые штрафы, как будто недостаточно мы работаем у станков на обогащение капиталистов...»

Несколько человек остановилось послушать его. Прочитав листовку, Иван хотел вернуться в цех, но подошли другие рабочие и стали спрашивать, что написано в листовке. Газа объяснил и второй и третий раз, так как одни уходили, другие подходили. А когда вернулся в мастерскую, там уже бросали работу, было шумно, оживленно. Василий Куренков возбужденно повторял:

— Кончай работу, кончай работу!

Вокруг него уже собрались слесари.

Начальник мастерской подходил то к одному рабочему, то к другому, убеждая их приступить к работе. За ним шел мастер, встревоженный и бледный. Уговорить им, видимо, удалось лишь кое-кого из Касьяновых. Старик Свиридов, расправляя бороду, подошел к ним и стал увещевать:

— Что же это вы, ребята, всех подводите?

Илья Касьянов, а за ним и другие стали складывать инструменты в ящики. Только старший — Митрофан — продолжал работать. Свиридов, сурово сдвинув лохматые брови, накинулся на него:

— А ты что, Митрофан? Супротив рабочего класса? А ну, кончай волынку!

Митрофан бросил работу. Начальник и мастер ушли в конторку.

Иван Газа, взволнованный, закричал:

— Товарищи! Покажем администрации, что мы, путиловские рабочие, умеем дружно защищать свои права!..

— Это что за петух такой все рвется наперед старших! — добродушно проворчал Свиридов, подходя к Ивану.— Молод еще кукарекать. А ну, слазь! Пусть Степан Петрович все скажет.

Раздался голос Матвеева:

— Товарищи, бастует весь завод! Мы должны дружно протестовать против беззакония администрации. Если не дадим ей сейчас отпора, то она будет создавать нам все новые и новые трудности, рассчитывая на ту же покорность.

Толпа вокруг все росла, раздавались громкие восклицания:

— Верно, Матвеев! Правильно, слесарь!..

У Ивана не было уверенности, что забастовка протянется до вечера. В обед все сходили домой, жены плакали. Иван слышал, как мать, всхлипывая, говорила отцу:

— Сегодня последний рубль разменяла. На что дальше жить? Ведь семья...

Отец хлебал пустые щи и, насупив брови, молчал; на Ивана он не глядел. Наскоро поев, Иван стал собираться на завод.

— Постой! — резко сказал отец, вставая.— Ты почему с бунтарями связался?

— Я не могу иначе,— ответил Иван.

Отец стал снимать с себя поясной ремень: хотел выпороть сына.

Иван решительно сказал:

— Не тронь!

— Чего? — спросил отец, надвигаясь на Ивана.

— Не трогай его! — закричала мать, выбегая из кухни.— Он уже взрослый.

Отец, не слушая ее, больно ударил Ивана по плечу

пряжкой ремня. И хотел огреть еще. Но тот вырвал у отца ремень и бросил под лавку.

— Ах ты, щенок! — в бешенстве заорал отец.— Вон из моего дома!

Иван пошел на завод. Куренков, взглянув на друга, спросил:

— Ты чего такой пришибленный?

— Отец из дома выгнал,— нехотя ответил Газа.— Не знаю, куда деться.

— Не горюй,— сочувственно сказал Куренков.— Пойдем к нам. Что-нибудь сообразим.

Вечером они зашли за вещами. Мать плакала, просила сына не сердиться на отца. Иван, поцеловав ее, взвалил на спину узел с постелью; Василий взял деревянный сундучок. Они направились вдоль Петергофского шоссе в Лигово, где жил Куренков.

Домик, куда Василий привел Ивана, был разгорожен деревянной переборкой на две горницы. Низкие потолки, русская печь, обеденный стол в углу, под божницей. Ивану понравилось, что в доме чисто, полы выскоблены, вымыты, стены оклеены обоями. Василий представил Газа тетке, пожилой неразговорчивой женщине в темном вдовьем платке.

— Вот, тетка Марья, это Иван Газа. Мы вместе работаем. Отец выгнал его из дома. Может, приютишь?

— За что выгнал-то? — спросила тетка, внимательно оглядывая Ивана.— Не пьешь ли?

— Вина в рот не беру,— сказал Иван.— А выгнал отец потому, что хотел меня выпороть, а я не дался.

— Вон топчан в углу,— сказала тетка Марья.— О плате договоримся потом.

Кроме тетки и Куренкова в домике еще жили сестра Василия Нина и его старший двоюродный брат с женой.

Мужчины умылись в кухне, расчесали волосы, переоделись в чистые рубахи и сели ужинать.

Тетка Марья подала на стол два деревянных блюда: одно сыну с женой, другое — молодежи — и ушла к печи. Ивана посадили рядом с Василием, напротив его сестры — глазастой девушки лет шестнадцати, совершенно непохожей на брата.

После ужина парни вышли покурить, а Нина ушла на текстильную фабрику, где работала.

Иван пошел за печку, разделся и лег на топчан.

2

Окончив эстонскую детскую школу, которую Путилов создал для детей рабочих, завербованных им в Прибалтике, Ваня хотел пойти учиться в гимназию, но отец, малограмотный, задавленный нуждой слесарь, начал убеждать его, что гимназия только для богатых.

— Каждый сверчок должен знать свой шесток,— говорил он, угрюмо насупив брови.

Отец доказывал: сыну рабочего место на заводе. Кроме того, можно устроиться в путиловское ремесленное училище, так что способности, если они есть, не пропадут.

— Выучишься на слесаря, может, со временем и мастером станешь.

А мать, провожая Ваню в заводское училище, внушала:

— Ты не сердись на отца. Он у нас работящий. Только трудно ему одному семью кормить. Помощник нужен...

В тот год семья остро нуждалась. Мать — ткачиху — уволили с Нарвской бумагопрядильни, и она нигде не могла устроиться. Отец тоже несколько месяцев был без работы. А продукты очень подорожали. На хлеб и картошку променяли почти всю одежонку. Нечем было платить за комнату, и хозяин выставил рамы из окон. Спали на голом, холодном полу. Голод-

ная мать совала трехмесячному ребенку пустую грудь, он отказывался ее брать и вскоре умер.

Обливаясь слезами, мать латала рубашку Вани, советовала:

— Слушайся старших, сынок, учись хорошенько, помощником нам с отцом станешь.

Тусклым, ненастным днем отец отвел худенького большеглазого Ваню на Старо-Петергофский проспект в каменный дом, где находилось путиловское ремесленное училище. Сначала Ваню не хотели принимать: мал ростом, худ, слаб. Отец даже встал на колени. Но не его мольба тронула директора училища, а круглые пятерки в Ивановом аттестате.

В группе, куда определили Ваню, было тридцать мальчишек: все шумели, галдели.

В класс вошел худощавый, бледный человек. Оглядев ребят, направился к доске и начал урок:

— Чтобы технически точно обрабатывать сложные детали,— сказал он,— надо уметь читать чертежи, а чтобы читать чертежи, надо знать науку о пространствах и числах...

Это был математик Аполлинарий Митрофанович. Он преподавал основы практической геометрии. Ваня аккуратно записывал в тетрадь правила, которые диктовал учитель.

За партой рядом с Иваном сидел мальчик лет тринадцати, одетый в зеленый костюм и розовую рубашку с галстуком,— Савка Кумичев. Он был толстенький, с льняной челкой, глубокой ямкой на подбородке и бесцветными глазами.

Савка украдкой от учителя вытащил из сумки пирожок, толкнул Ваню локтем:

— С мясом! А у тебя нету!

— Подумаешь — пирожок! — сказал Ваня, отворачиваясь.

Савка оглядел его и ехидно сказал:

— Все одеты, как люди, а ты в заплатанной рубашке, как нищий!

Это замечание точно обухом по голове ударило Ваню. Он пригнулся к парте. И все померкло — надежды, ожидания, радость.

Учитель задал трудную задачу. Все задумались. Ваня, решив ее первым, поднял руку:

— Ну, иди, Иван Газа, к доске,— сказал Аполлинарий Митрофанович.— Объясни, как решил.

Иван после савкиного ехидного укола стеснялся показаться перед всеми в своей залатанной рубашке.

— Я отсюда скажу,— попросил он учителя.

— Делай, как велено,— возразил тот.

«Засмеют»,— подумал Ваня. Он встал у доски боком и, запинаясь от волнения, рассказал, как решил задачу. Ребята слушали внимательно. Учитель одобрительно кивнул головой, а Савка, видимо от зависти, выкрикнул:

— Он оборванец!

Учитель, мельком посмотрев на Ванину чистую, хоть и вылинявшую и заплатанную рубашку, молча поставил ему пятерку и разрешил сесть.

Кроме геометрии в училище преподавали черчение, физику и химию. Обучали по строго продуманному плану: не больше, но и не меньше, чем надобно слесарю. Ваня, отличавшийся любознательностью, взял в библиотеке учебники и приналег на все предметы.

Как и в школе, учителя, приглядевшись к Ивану, стали хвалить его за старание. Живой, способный мальчишка на лету схватывал знания.

Особенно его выделял Аполлинарий Митрофанович. Когда на уроке бывал инспектор, учитель вызывал отвечать Ваню.

— Вам бы, Газа, надо учиться в гимназии,— сказал он однажды.

Уроки теории сменялись практическими занятиями. В полуподвальном помещении ребят поставили к тискам. Мастер группы Агафон Сергеевич показал, как зажимать в тисках небольшие деревянные чурбачки, и дал ребятам для начала деревянные болванки, имевшие форму напильника (они стоили дешевле настоящих, хозяева экономили деньги).

— Главный инструмент слесаря — это его руки,— сказал он.— Если они непослушные, неуклюжие, то хорошего слесаря из вас не выйдет. Так что приучайте руки к труду.

Он показал, как надо держать напильник и водить им по детали, зажатой в тисках. Затем предложил то же самое проделать ученикам.

Ваня, привычный к труду, старался аккуратно водить болванкой по чурбачку, но, видимо, у него не все получалось. Агафон Сергеевич подошел к нему, постоял за спиной, посмотрел, потом молча положил свои широкие ладони на руки Ивана и начал, не спеша, двигать их. Ваня навсегда запомнил неторопливые и размеренные движения мастера, их легкость и силу. Стал работать так, как тот показал. Агафон Сергеевич, понаблюдав за ним еще минуту, добродушно шлепнул его по спине.

— Стой прямо,— сказал он.— Работать должны руки, а не туловище.

И дело пошло. Ваня чувствовал, что у него появилась уверенность и ловкость; это радовало.

А у Савки, стоявшего у соседних тисков, ничего не получалось. Мастер, пробившись с ним четверть часа, дал ему подзатыльник.

— Посмотри, как Иван Газа старается!

Савке это не понравилось. В перерыве, когда все вышли в коридор, он опять стал потешаться над Ивановой рубахой.

— Прекрати! — предупредил его Иван.

Но Савка, ухмыляясь, сделал из проволоки крючок и попытался зацепить им одну из заплаток на рубашке Ивана. Этого Ваня не стерпел. Маленький и тщедушный с виду, он, однако, с такой силой толкнул обидчика в грудь, что тот грохнулся на пол. Завязалась драка. К ним подошел высокий светло-русый паренек из старшей группы токарей. Разнял драчунов, отвел Ваню в сторону и сказал:

— Не связывайся с этим боровом. У него отец — хозяин мастерской. Еще наябедничает. Из училища выгонят.

— Он сам ко мне пристал,— ответил Ваня, заправляя рубаху в штаны.— Я только дал сдачи.

— Если к тебе еще кто-нибудь будет приставать, скажи мне. Я — Вася Алексеев.

Так они познакомились...

Через три дня мастер заменил чурки в тисках металлическими болванками и дал настоящие напильники. Когда ребята научились ровно опиливать, сказал:

— Теперь начнем изготовлять инструмент для себя. Сначала сделаем молоток и зубило.

Иван лучше всех выполнил эту работу.

Дома он сидел за столом и зубрил учебники. На другом конце стола отец чинил прохудившиеся сапоги Ивана — подбивал отставшие подошвы. Он качал головой — лицо коричневое, глаза полны печали. Вчера была получка. Отец заплатил хозяину за комнату, купил Ивану сатиновую рубаху, дал жене трешницу на пропитание, а оставшиеся деньги пропил.

Мать только что пришла с базара. В раскрытую дверь Ваня видел, что она, разложив покупки на кухонном столе, видимо, решала сложную задачу: как приготовить обед на семью из небольших кусочков синеватого мяса. Мать была небольшого роста, молчаливая, тихая, в глазах ее застыло выражение безысходности.

Ваня прошел на кухню и стал помогать матери чистить картошку. Она осторожно спросила:

— Как ты учишься, Ваня?

— Хорошо, мама.

Она улыбнулась и тихо сказала:

— Вся надежда на тебя.

В кухню вошел невеселый отец, поставил под лавку отремонтированные сапоги:

— Больше недели не продержатся. Придется покупать новые.

— Да, надо,— согласилась мать.— Вот если бы ты пил поменьше.

Желая прекратить начавшуюся ссору, Ваня сказал, что этих сапог ему хватит на всю зиму.

Отец усмехнулся:

— Хватит, если будешь их беречь.

Хлопнув дверью, отец вышел из комнаты. А мать, помолчав, заметила:

— Отец после пьянки не в духе.

Она присела на табуретку и сказала, что в молодости отец был очень веселый, любил плясать и петь, а вот после заварухи в 1905 году изменился.

Мать начала рассказывать ему о революционных событиях 1905 года. Многое Ваня видел сам. Ему уже было тогда одиннадцать, и он хорошо помнил, как однажды, придя из трактира, отец стал возбужденно пересказывать матери содержание петиции рабочих к царю.

На другой день отец вместе со всеми рабочими пошел к Зимнему дворцу. Огромная толпа с иконами и хоругвями медленно двигалась по Петергофскому шоссе. К ней примыкали все новые и новые люди. Сбоку бежали ребятишки; среди них был и Ваня. Навстречу двигавшейся колонне вышел жандармский полковник. Он размахивал руками и что-то кричал. Вдруг из-за Нарвских ворот выскочил отряд конной полиции и по-

несся на толпу. Затем прогремел ружейный залп, за ним второй, третий. Многие упали, обагряя снег кровью, другие бросились бежать. Ваню сбили с ног, и он едва уцелел, прижавшись к забору... Через несколько дней появились рабочие демонстрации. Вместе с другими ребятишками Ваня бежал впереди демонстрантов...

Целые дни тогда проводил Иван на улицах Нарвской заставы, среди рабочих. Он узнал, что такое локаут... Голод, изможденные, желтые лица, ввалившиеся глаза, детские гробики, выселение из квартир. Начались аресты. Полицейские врывались в жилища рабочих, обыскивали, били посуду, вспарывали подушки и одежду, уводили людей в тюрьму. В комнате Гаа тоже все перетряхнули.

В душе Вани росла ненависть к богачам, к полицейским. Он хотел защитить всех угнетенных и обездоленных, мечтал о великих сражениях и подвигах. Эти мечты помогали ему в тяжелые годы ученичества, а когда оно кончилось и в 1909 году пятнадцатилетнего Ивана приняли на Путиловский завод, наивные мечты уступили место волевому упорству, которое постепенно развивалось в нем, и чем труднее приходилось, тем более оно крепло.

...Вот уже несколько лет работал Иван в новомеханической мастерской. Стал слесарем четвертого разряда. Вырос, раздался в плечах, на верхней губе появился темный пушок. Мастер доверял Ивану изготовление сложных изделий.

Отец приходил посмотреть на работу сына.

— За одного ученого двух неученых дают,— с гордостью говорил он, оценивая сделанное сыном.— Молодец!

Тем не менее прямо у кассы он отбирал у Ивана получку и часть ее пропивал. Иван жаловался матери, и дома часто возникали скандалы; отец пил и бил же-

ну. Тяжелая домашняя обстановка угнетающе действовала на Ивана, но зато на заводе он чувствовал себя увереннее. Из разговоров старших узнавал и о подпольных типографиях, и о большевиках, читал газету «Звезда».

Отец, жестоко исполосованный казацкой нагайкой в пятом году и павший духом, внушал:

— Не читай большевистскую газету. В тюрьму попадешь.

В мастерской хорошо относился к Ивану Степан Петрович Матвеев, суховатый, с русой бородой, высокой квалификации слесарь. И хотя работал он на Путиловском недавно, однако пользовался у рабочих большим авторитетом.

— Ты, Иван, потомственный пролетарий,— говорил Матвеев.— Учиться бы тебе надо.

Иван очень хотел попасть в гимназию, но там могли учиться только дети богатых. Тем не менее он запомнил слова Матвеева:

— Не всегда будет так, как сейчас. Наступят и иные времена. Возможно, потребуются образованные люди из рабочих.

Матвеев был одним из тех людей, которые в пятом году организовывали демонстрации рабочих.

В обеденные перерывы слесари собирались у верстаков, ели, беседовали о своих делах, о трудностях жизни. Особенно много говорили о хозяевах: с озлоблением, яростью, но шепотом.

Иван дружил с работавшим рядом с ним Василием Куренковым, но были у него знакомые и в других мастерских. Один из них — слесарь высокого разряда Петр Никитин, спокойный, деловитый, немногословный.

Узнав, что Иван решил учиться самостоятельно, Петр махнул рукой: «Пустая затея». А Василий предложил учиться вместе. Они купили на базаре учебники и вечерами стали «грызть науку».

Матвеев посоветовал им побывать на Ушаковской улице в доме № 12. Ивану этот дом был хорошо знаком. В нем находилась эстонская детская школа, которую он окончил. Вечером в классах занимались взрослые. Изучали историю, алгебру, литературу, политэкономию, биологию и даже астрономию. Но набор слушателей был уже закончен.

Когда они стояли в коридоре, раздумывая, что предпринять, к ним подошел широколицый, с короткими черными усами человек в поношенном костюме. Расспросив парней, кто они такие, представился:

— Антон Васильев. Я знаком с директором, могу помочь.

Ни Газа, ни Куренков не знали тогда, что они познакомились с известным большевиком Антоном Ефимовичем Васильевым. Уволенный с Путиловского завода, он жил у отца — рабочего. Как и многие безработные, грузил лес в порту. Когда он, мокрый и грязный, возвращался с погрузки домой, ни у кого из встречных не могла возникнуть мысль, что это один из руководителей большевистской организации на Путиловском заводе. Ушаковская школа служила ему местом для подпольной работы. Вот поэтому он и решил завести знакомство с молодыми путиловцами. Переговорив с директором, сообщил ребятам:

— Все в порядке. Приходите через месяц. А сейчас пока запишитесь в библиотеку культурно-просветительного общества «Образование». Что любите читать?

Газа пожал плечами, а Куренков сказал, что ничего не читает.

— Плохо,— сделал вывод Антон Ефимович.— Есть интересные книги, например «Овод» Войнич, «Спартак» Джованьоли, «Жерминаль» Эмиля Золя. Возьмите их. Не пожалеете.

Библиотека в обществе «Образование» была небольшая.

Иван взял «Овода» Войнич. Хотя Иван читал книгу урывками, она увлекла его. Ивану хотелось быть похожим на героя книги: как и он, бороться за свободу угнетенного народа.

Иван стал приходить в библиотеку регулярно. Прочитав книги, рекомендованные Антоном Васильевым, принялся за чтение Пушкина, которого изучал еще в школе.

Вскоре он вновь встретился с Васильевым. Расспросив Ивана о прочитанных книгах, Антон Ефимович сказал:

— Вот что, Ваня, приходи в воскресенье за Огородный переулок, в Ольховую рощу. Приводи надежных товарищей, которым доверяешь.

Иван пригласил Куренкова и Никитина. В условленное время парни, щелкая семечки, прошли Огородным переулком, вышли за околицу. За огородами, в низине, открывалась Ольховая роща. Иван повел товарищей не прямо, а в обход.

Антон Ефимович сидел на полянке под кустом.

— Посмотрите, нет ли кого поблизости,— велел он парням.

Люди сюда заходили редко. В воскресенье они предпочитали гулять в Екатерингофском парке.

Антон нарочно дал такое задание парням. Пора приучать их к конспирации: пусть осмотрят место, проверят ходы и выходы, убедятся, нет ли опасности.

Ивана и Куренкова он хорошо знал. А вот Никитина видел впервые. Кто такой? Не подвел бы. Правда, Антон полагался на Газа: ненадежного не приведет.

Когда Газа, Куренков и Никитин, осмотрев рощу, вернулись к Антону, тот снял сапог. В портянке была замотана тоненькая, в дешевой бумажной обложке, брошюра.

— Садитесь, товарищи! За эту книжку — тюрьма!— сказал Васильев.

«Вот оно, начинается»,— подумал Иван и с замиранием сердца ждал, что будет дальше.

— Это «Манифест Коммунистической партии»,— продолжал Антон.— В этой книге наша главная наука. Читай вслух,— сказал он, подавая Ивану книжку.

Газа открыл первую страничку и прочел:

— «Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма»...

Книга поразила Ивана. Оказывается, есть законы развития общества, логика истории. Их нельзя изменить. Капитализм будет уничтожен восставшим пролетариатом, который возьмет власть в свои руки. И никакой частной собственности. Об этом говорилось в «Манифесте».

Чтение «Манифеста» продолжалось несколько воскресений.

— А теперь, ребята, вам ответственное поручение,— сказал Антон.— Надо незаметно пронести на завод и распространить вот это.

Он подал Ивану пачку листовок, звавших рабочих на борьбу с хозяевами.

На другой день листовки появились в новомеханической мастерской. Начальство переполошилось. Переодетый под рабочего шпик бегал по цеху, рылся под верстаками. Мастер шел за ним следом, спрашивал у рабочих, откуда листовки, грозил. Но люди молчали.

Через несколько дней листовки появились в соседних мастерских. Но там рабочие, видимо, приметили, что именно после посещения Ивана на верстаках, на стенах конторки и даже на воротах появлялись листовки.

— Вы, ребята, держитесь подальше от Ваньки Газа, а то вместе с ним в участок угодите,— говорили старики.

Но молодые путиловцы тянулись к Ивану, нередко по его просьбе прятали и распространяли прокламации

и политические брошюры, которые он получал от Антона.

Забастовка рабочих Путиловского завода, организованная в знак протеста против введения администрацией новых правил, удлинявших рабочий день, окончилась неудачей. Требования бастовавших рабочих, администрация не удовлетворила. Некоторых участников забастовки уволили. Иван думал о том, какой же смысл в забастовке, что делать дальше. Когда он обратился с этими вопросами к Матвееву, Степан Петрович сказал:

— Забастовка показала, что заводские рабочие способны к сопротивлению. А это очень важно. Кроме того, теперь видно, какие рабочие передовые, на кого можно опереться, и какие отсталые. И еще не забывай, что с помощью забастовки в борьбу включились новые слои путиловцев. Нам надо, брат, смотреть вперед.

Иван внимательно слушал Степана Петровича. У него появилось желание изучить историю рабочего движения.

— Самому тебе сделать это будет трудно,— сказал Матвеев.— Вот подожди, я сведу тебя в одно место.

Ветреным мартовским вечером Иван шагал по Петергофскому шоссе, следя сквозь синий сумрак за коренастой фигурой Матвеева, который шел на некотором удалении впереди. На улице было много прохожих, и Газа шел, как советовал Матвеев: беззаботно насвистывал, напевал, изображая подзагулявшего парня.

Матвеев свернул в переулок и остановился у забора какого-то флигелька. Иван торопливо подошел к нему. Молча перелезли через забор, прошли по дорожке; под ногами хрустел снежок. Осторожно постучали в дверь.

— От Андриана,— тихо сказал Степан Петрович.

— Входите.

В комнате с плотно занавешенными окнами горела небольшая керосиновая лампа, освещая лица присутствующих. Вокруг стола и у стен на лавках сидели незнакомые Ивану люди.

— Все собрались?

— Да.

К столу подошел студент Сергей Багдатьев (его фамилию Иван узнал позже). Он сказал, что будет читать работу «Гражданская война во Франции» — о Парижской коммуне, пояснил, что ее написал Карл Маркс, основавший вместе с Фридрихом Энгельсом Союз коммунистов и Интернационал.

Кто-то сказал:

— Знаем. Читай!

Таинственность обстановки взволновала Ивана. Он чувствовал себя так, как в первый раз в Ольховой роще, когда Антон ознакомил его и товарищей с «Манифестом Коммунистической партии». Все внимательно слушали рассказ о героической борьбе французских коммунаров.

— Вот это да! — произнес кто-то.

— А у нас в пятом году был Совет рабочих депутатов. Это что, то же самое, что коммуна?

Все зашумели, вопрос сыпался за вопросом. Степан Петрович сказал:

— Давайте читать дальше.

Все замолчали и стали внимательно слушать. Ивану пришлись по сердцу умные, четкие мысли; они легко доходили до его сознания.

Как только чтение закончилось, раздались возбужденные восклицания и вопросы:

— Коммуна — наш идеал!

— Нужна смычка с деревней!

— А банки, армия?

И опять раздался голос Багдатьева:

— Товарищи, давайте спокойно разберемся в причинах поражения Парижской коммуны.

— Так. Верно. И сравним с нашей революцией.

Иван с интересом слушал споры. Он понимал, как много полезного здесь узнал.

Домой расходились по одному. Догнав Ивана на Петергофском шоссе, Матвеев тихо спросил:

— Ну как, Ваня?

— Очень интересно было.

Газа говорил то, что чувствовал. Матвеев сообщил, что примерно через неделю даст Ивану знать, где и когда будет следующее занятие. Но его пришлось перенести, так как накануне пришло сообщение о расстреле рабочих на реке Лене.

В новомеханической мастерской был обеденный перерыв, когда принесли газету «Звезда». Иван прочел сообщение о ленском расстреле, напечатанное крупным шрифтом. Возмущенный, он подошел к толпе рабочих, которые окружили Матвеева.

Старик Сизов сказал гневно и громко:

— Мы им попомним это, все попомним!

Затем, оглядев собравшихся, добавил с угрозой:

— Не свернули ему голову тогда, так вот что он делает.

И, злобно сжимая кулаки, отошел в сторону.

Иван понял, что «тогда» — это в пятом году, а «ему» — значит, царю.

Газа ждал, что скажет Матвеев. Степан Петрович послал Куренкова в лафетно-снарядную мастерскую посоветоваться с Андрианом Ивановым. Ожидая его возвращения, он спокойно беседовал. Обеденный перерыв уже кончился, и все стали за верстаки. Наконец прибежал Куренков и выпалил:

— Андриан сказал, что нужно устроить стачку протеста и митинги.

Матвеев, оглянувшись, подошел к Ивану и сказал:

— Возьми парней, Ваня, и останови мастерскую.

Позвав Куренкова, Кузнецова и других ребят, Иван направился к электрическим выключателям и повернул рукоятки массивных рубильников.

Из глубины мастерской прибежал испуганный мастер, бросился к щиту, но парни загородили ему дорогу.

— Вы что задумали, шалопаи? — закричал он, багровея.— В Сибирь захотели? А ну, посторонись!

Однако никто из ребят не сдвинулся с места. Мастер побежал в конторку. Некоторое время было тихо, затем послышался голос Матвеева:

— Получено важное сообщение! Выходите на митинг, товарищи!

Рабочие один за другим двинулись к главному пролету. Толпа все росла. Матвеев шепнул Ивану:

— Собери побольше ребят, Ваня, расставь вокруг мастерской. Смотри, чтоб никто из посторонних не проник.

— Будет сделано,— сказал Иван, радуясь новому поручению, и закричал:

— Ребята, ко мне!

Через две-три минуты он уже расставил пикеты вокруг мастерской, затем разъяснил парням их задачу: никого из посторонних не пускать.

А митинг уже начался. Матвеев громко говорил о расстреле мирного шествия рабочих Ленских золотых приисков:

— По приказу жандармского ротмистра Трещенкова солдаты без предупреждения открыли огонь по рабочим, просившим освободить арестованных. Двести семьдесят человек убито, двести пятьдесят — ранено...

Путиловцы приняли гневную резолюцию: «Мы требуем немедленного расследования и гласного суда над виновниками, а также полного обеспечения семей убитых...»

Завод забастовал. В воскресенье, 15 апреля, назначили демонстрацию.

Петергофское шоссе бурлило, как река в половодье. Народу было больше, чем когда-либо. Тут и там над толпами людей взвились красные флаги и полотнища со словами: «Наказать виновников расстрела!» Колонна рабочих двинулась в сторону Нарвских ворот.

Все происходящее напомнило Ивану демонстрацию пятого года, когда он, будучи еще мальчишкой, бежал со сверстниками впереди революционных колонн.

Ивану казалось, что красные полотнища и флаги имеют удивительное свойство — вздымаясь и трепеща над колоннами, они объединяют людей.

По всем улицам к Петергофскому шоссе двигались рабочие. Газа запел «Варшавянку».

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут...

Песню подхватили тысячи людей, и она грозно разнеслась над заставой. Когда рабочие подошли к Нарвским воротам, передние ряды остановились. По колонне многократно прокатилось:

— Полиция! Казаки!

Передние ряды замедлили движение, затем остановились. Иван закричал:

— Нечего тут стоять! Идем в обход!

Он, Куренков, Никитин и большая группа других рабочих очутились на узкой улице. Иван оглянулся и увидел, что казаки на лошадях загородили проход через Нарвские ворота и расстояние между воротами и домами. В руках казаков блестели обнаженные шашки, за спинами — карабины. Перед строем разъезжал есаул в белых перчатках и нервно курил папиросу. Иван видел, что разгоряченные рабочие медленно надвигаются на казаков, что-то гневно кричат. Но их голоса перекрыл резкий голос есаула:

— Назад! В куски искрошим! Назад!
«Быть кровопролитию»,— с беспокойством подумал Иван, зная, что у рабочих нет оружия.
Но есаул медлил, видимо, не решаясь подать последнюю команду, а рабочие не полезли слепо, как в пятом году, под огонь и шашки. Они отступали, пятясь, грозили казакам и полицейским кулаками, затем разошлись по боковым улицам. Миновав Нарвские ворота, собрались в новую колонну, в центре которой оказался Иван с товарищами. За спиной раздался чей-то голос:
— Бастует весь Петербург!
Шагая в голове колонны, Иван вскоре увидел позолоченный купол и тяжелую колоннаду Казанского собора. Площадь заполнила шумная толпа; ее разгоняли полицейские. То здесь, то там полыхали красные флаги и полотнища с лозунгами, а на скамейках перед собором появились ораторы, которые возмущенно говорили о творимом царем беззаконии. Их стаскивали со скамеек «блюстители порядка».
Иван с гордостью заметил, что перед тесно сплоченной колонной рабочих Нарвской заставы, которая двинулась прямо к памятнику Кутузову, полицейские растерянно отступили. Сразу же перед путиловцами появился какой-то человек в очках и гневно заговорил:
— Товарищи! На Лене расстреляли таких же рабочих, как вы! Боритесь с самодержавием, требуйте демократической республики, восьмичасового рабочего дня и конфискации всей помещичьей земли...
С Невы подул свежий ветер, яркое солнце освещало возбужденные лица, играло в кумачовых флагах. Оратор говорил громко, почти кричал. Один из рабочих, восхищенно глядя на него, произнес:
— Верно! Давай, давай! Нас совсем замордовали. Долой царя!

Вдруг раздались выстрелы, над головами людей просвистели пули.

— Это в нас стреляют, гады,— сказал Куренков.— Надо сматываться.

Но рабочие стояли тесной толпой. Не сдвинулся с места и Газа.

— Царские холуи нас не запугают! — воскликнул оратор, взмахивая шляпой.— Это они из-за угла. Трусы!

Больше ему говорить не дали. Трое полицейских, выскочив из-за памятника, подбежали к нему и, схватив за пальто, стащили со скамейки, стали бить. Газа, Куренков, Никитин и еще несколько человек кинулись ему на помощь. Куренков — кулачный боец — сильным ударом в челюсть сбил с ног первого подвернувшегося ему под руку полицейского, налетел на второго. Иван и Никитин скрутили руки третьему. Оратор вновь поднялся на скамейку:

— Товарищи, нам не дают говорить правду...

По Невскому уже скакал большой отряд казаков. Размахивая нагайками, они врезались в толпу и разогнали демонстрантов у памятника Кутузову. Но через некоторое время люди собрались возле памятника Барклаю де Толли. Здесь появился другой оратор, который кричал:

— Проклятье палачам! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Толпа шумела, многие бросали камни в казаков и полицейских. Одного жандарма стащили с лошади.

Все это выглядело воинственнее, чем на заводе, но как-то хаотичнее, беспорядочнее. Газа тоже кричал и запустил в казака кусок кирпича. Но ему хотелось организовать демонстрантов, выстроить их в цепь. Однако люди, среди которых он стоял, отодвинули его на Невский проспект и бросились бежать. Вдруг Иван увидел, что на него несется казак с поднятой шашкой;

свернуть некуда — всюду, толкаясь, бежали люди. Гаганов упал на землю. Шашка рассекла воздух, просвистела над головой. Иван хотел встать, но получил сильный толчок в бок, и в тот же момент через него перелетел Куренков. К ним подбежал Никитин. Они сели в трамвай и минут через сорок уже были за Нарвской заставой.

На другой день, когда Иван с Куренковым пришли на завод, в новомеханической вновь было неспокойно. Старик Свиридов зажег свечку, поднялся на подкрановые мостки и оттуда громким басом провозгласил:

— Вечная память убиенным на реке Лене...

Люди, стоявшие внизу, сильными хрипловатыми голосами подхватили: «Вечная память»...

3

Жизнь складывалась так, что Ивану не хватало времени. Рано утром он уходил с Куренковым на завод, после работы бежал на занятия в вечернюю школу или, петляя по Нарвской заставе, чтобы запутать шпиков, шел во флигель, где собирались члены тайного кружка. В мастерской он помогал Матвееву собирать деньги на газету «Правда», расклеивал прокламации, распространял листовки. Домой возвращался только поздно вечером.

Как-то в конце апреля, когда кончилась смена, Матвеев отозвал Ивана в сторону и, оглянувшись, шепотом сказал:

— Тебе собираются поручить одно ответственное дело. Но перед этим хотят поговорить с тобой. Согласен?

— Я всегда готов, Степан Петрович.

— Вот и хорошо. Однако это дело особое. От тебя будут зависеть судьбы и даже жизни многих людей. Потребуются смекалка, ловкость и бдительность.

Степан Петрович помолчал, потом пояснил:

— Сегодня я сведу тебя на квартиру одного товарища, и там тебе все объяснят.

Они условились о встрече. Матвеев повел Ивана на Земскую улицу, в квартиру, где жил теперь Андриан Иванов. Тот, бодрый, в вышитой косоворотке, улыбаясь, смотрел на Газа так, как будто видел впервые. Рядом с ним сидел Василий Мещерский и тоже улыбался.

Жена Андриана — молодая красивая женщина — принесла самовар, ватрушки с творогом и пригласила всех к столу.

— Садитесь, товарищи, будем чай пить,— сказал Андриан, пододвигая Матвееву и Газа стулья.— Вы, Степан Петрович, предварительно уже говорили с Иваном?

— Да.

— Мы решили провести сходку, на которой будут представители всех мастерских. Ее организация поручена Мещерскому.

— Я уже многих оповестил,— сказал Мещерский и заговорил о том, как организовать надежную охрану сходки.

— Значит, решено,— сказал Андриан.

Когда они вышли от Ивановых, Матвеев, оглядываясь, зашептал:

— Завтра подбери человек пятнадцать парней, смелых и надежных. И чтоб никакой болтовни. Понял? Ну вот...

Он перешел на другую сторону улицы. Иван, посмотрев ему вслед, озабоченно вздохнул, повторяя про себя: «Выдержка и бдительность».

В этом состоянии внутренней собранности он пришел в свой угол, наскоро выпил стакан молока, оставленный на столе теткой Марьей, и лег на жесткий топчан.

Утром быстро вскочил с постели и несколько секунд постоял, закрыв глаза, ослепленный ярким светом лампы. Василий уже умылся и вытирал влажное лицо полотенцем. На столе шипел самовар, а в сковородке желтела картошка. В открытую форточку вливалась в комнату утренняя свежесть. Иван, поеживаясь от холода, думал о том, какое ответственное задание он получил вчера.

Вечером 30 апреля он прохаживался у ограды Красненького кладбища, делая вид, что поджидает девушку, хотя был занят совершенно иным: следил за тайным сбором представителей мастерских в Поташовом лесу. На его опушках, в подступавших к кладбищу кустах Бабушкина сада и на самом кладбище Газа расставил своих товарищей. Условным сигналом опасности был крик кукушки. Если же к лесу подойдет подозрительный человек, то парни должны внезапно схватить его и, заткнув рот тряпкой, связать. В случае особой опасности следовало выпустить в небо красную ракету. Тяжелая, похожая на револьвер ракетница и три крупные ракеты к ней оттягивали карманы. Самого Ивана подстраховывал Куренков, который спрятался за ближним могильным холмиком.

Было тихо, только шумели на ветру березы. Уже не один раз Иван слышал в тишине цокот подков о камень, говор казаков, которые скакали по Петергофскому шоссе.

Газа встретил почти всех представителей мастерских — в основном рабочих. Они подходили к нему, негромко называли пароль:

— Скажите, молодой человек, как пройти к особняку господина Иванова?

«Господин Иванов» — это Андриан, руководитель сходки; «особняк» — место сбора. Газа произносил установленный отзыв. Вроде все шло гладко...

Люди друг за другом уходили, скрываясь в кустах; некоторые закуривали, другие степенно жали руку Ивану, третьи беспокойно оглядывались.

Стало темнеть. Над лесом, кладбищем и речкой повис густой туман. В домах зажглись огоньки. Из-за угла ограды вышел Матвеев и тихо спросил:

— Ну как, Ваня, все в порядке?

— Пока тихо,— ответил Иван.

Через минуту к ограде подошел Андриан Иванов. Газа доложил:

— Все в сборе.

В лесу началась сходка. Первый оратор заговорил шепотом, но уже следующие забыли о предосторожностях: громко говорили о завтрашней демонстрации, решили 1 мая вывести на нее весь завод.

Разошлись по одному. Газа, получив благодарность от Иванова, облегченно вздохнул. На следующий день рано утром Иван и Василий оделись во все праздничное. Тетка Марья спросила:

— Что это вы так прихорашиваетесь, или в гости собрались?

— Какие там гости? — улыбнулась Нина.— На демонстрацию они пойдут.

Часов около десяти колонны путиловцев с красными флагами неудержимым потоком двинулись к центру города. Вместе со всеми шел Иван. Сметая полицейские заграждения, прорвались к Садовой, прошли по Невскому, опять митинговали у Казанского собора...

4

Газа активно включился в стачечную борьбу. В 1913 году он принимал участие в девяти забастовках. А всего за два с половиной года — более чем в тридцати. Иногда выступал как их организатор. Разумеется, он попал под наблюдение полиции, но у нее не было до-

казательств об участии Газа в революционной борьбе. Он был осторожен, соблюдал правила конспирации.

И все же администрация взяла на заметку Ивана. В конце 1913 года, когда он организовал стачку слесарей-сборщиков, Газа вызвали в кабинет начальника мастерской, где кроме начальника сидел еще и пристав. Иван держался спокойно и уверенно.

Опытный и бывалый пристав понял, что этот «орешек» нелегко раскусить, и действительно на все вопросы услышал «нет» и «не знаю», так что расследование сразу натолкнулось на «стену». Бесполезно потратив часа два, начальник мастерской раздраженно объявил:

— Получай расчет и убирайся ко всем чертям!

А пристав пригрозил:

— И смотри у меня! В остроге сгною!

Иван взял расчет и поступил на небольшой заводик, находившийся тоже за Нарвской заставой. Однако товарищи, с которыми он работал, не примирились с его увольнением. Они пошли к начальнику мастерской и потребовали вернуть Газа на завод. Начальник ответил отказом. Тогда вся новомеханическая забастовала, заявив, что не приступит к работе до тех пор, пока Газа не будет принят обратно. Боясь срыва срочного военного заказа и напуганный настойчивостью рабочих, начальник был вынужден удовлетворить их требование, но Ивана предупредил:

— Запомни, если еще что-нибудь замечу — выгоню и обратно не возьму.

Накануне 1 мая 1914 года партийная организация поручила Ивану разучить со своими сверстниками революционные песни. После работы он собрал парней в раздевалке. И когда молодые голоса дружно и слаженно грянули: «Вставай, проклятьем заклейменный...», в раздевалку неожиданно влетел бледный начальник мастерской. Сжимая кулаки, он закричал:

— Это что за безобразие? Прекратить!

Иван, стоя перед хором, ответил:

— Почему безобразие? Мы разучиваем песню... После смены.

— Запрещаю. Песня революционная. Расходитесь по домам! — приказал начальник и взглянул на Ивана: — А ты зайди ко мне.

Спустя час Газа получил расчет.

В воскресенье Иван поехал в библиотеку, обменял книги и остался в читальном зале. Через некоторое время к нему подошел Василий.

— Вот тебе приглашение в башенную,— сказал он, подавая записку.— Завтра зайдешь к мастеру.

— Кто хлопотал? — поинтересовался Иван.

— Наши... А кто — не знаю. Велено передать. Пошли к нам.

— Зачем?

— Приехала в гости тетка Василиса с Клавой. Девушка что надо. Хочет с тобой познакомиться. Пойдешь?

— Ну что ж, пойдем.

— Она училась в гимназии. Работает на «Скороходе». Тетка говорит, что сватается к ней один,— сказал Василий.— Ну я Клаве про тебя наговорил с три короба. Вот, говорю, у меня мировой дружок есть. За стачку с завода выгнали.

— А она?

— Улыбается. Покажи, говорит, мне своего забастовщика... Тетка со старшими в Иван-город поехали, а она с Ниной дома...

Когда Василий открыл дверь в комнату, Иван увидел невысокую девушку, которая стояла посреди комнаты и громко декламировала стихи Некрасова. Солнечные лучи, проникавшие в комнату, ярко освещали смуглое лицо и стройную фигуру в розовом платье. Певучий голос звенел:

Волга, Волга, весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...

Рыжая, худенькая Нина восторженно забила в ладоши, а девушка в розовом с любопытством взглянула на Ивана. Он был одет аккуратно: сатиновая косоворотка, костюм отутюжен, а ботинки до блеска начищены.

— Знакомьтесь,— весело сказал Василий.— Клава, это мой друг Иван.

Девушка подала узкую теплую руку. Иван, забывшись, задержал ее в своей крупной лапище. Смотрел в миловидное лицо и вдруг подумал: «Хорошо, если судьба подарит мне эту красавицу». Василий подмигнул другу, показав глазами на Клаву, и начал разговор.

— Клава, ну как работается на «Скороходе»?

— Хорошо, Вася. Очень хорошо. Сижу в конторке. Записываю. Тихо.

— Чего же там хорошего-то? Скучно, небось?

— Скучать некогда. Пройду по цеху... Заприходую товар. Выдам накладные.

Иван слушал девушку и думал: «Очень симпатичная! Как жаль, что она мне раньше не встретилась».

Василий пошел в магазин, Нина удалилась на кухню. Иван с Клавой остались одни.

— Я слышала, вас с завода уволили,— вдруг сказала Клава.— Как же вы теперь?

«О-о! — обрадовался Иван.— Она мне сочувствует. Переживает за меня».

— Случилось так,— сказал он.— Революционные песни с ребятами разучивал. А начальник мастерской накрыл. Меня сразу вон.

Клава спросила:

— А какие песни вы разучивали?

— Вы их не знаете.

— Положим, знаю. Ну и скрытный вы. И давно без работы?

— Три дня. Завтра выхожу в башенную,— сказал Иван и стал рассказывать о стычках рабочих с начальством, о забастовках, демонстрациях. Думал, что это не заинтересует Клаву. Но она слушала внимательно. Потом, доверчиво глядя на него, вдруг сказала:

— Рабочим везде трудно. Но придет срок, и все изменится.

«Она все понимает»,— вдруг подумал Иван и обрадовался.

Вечером вышли погулять.

— Расскажите что-нибудь о себе,— попросил Иван, поглядывая сбоку на девушку.

— Зачем?

— Мне интересно знать, кто вы.

Клава рассказала, что она дочь чернорабочего и прачки, в детстве выучилась грамоте. Девяти лет родители устроили ее в земскую школу. Училась старательно, схватывала все быстро. После окончания начальной школы учителя выхлопотали ей, как лучшей ученице, право на бесплатное обучение в гимназии. Клава мечтала стать учительницей. Но ее мечта не сбылась. Жили бедно. В тринадцать лет пришлось пойти работать в портновскую мастерскую, потом на винный склад — приклеивать этикетки на бутылки.

На складе работала до тех пор, пока его не закрыли. С большим трудом устроилась на фабрику «Скороход».

— Я тоже хотел учиться,— сказал Иван, все больше проникаясь уважением к девушке. Он взял ее руку. Клава повернулась к нему...

— Говорят, вас сватают? — вырвалось у Ивана.

Клава улыбнулась:

— Кто говорит?

— Ваш брат.

— А почему вас это интересует? — спросила Клава.
Иван ответил честно и прямо:
— Вы мне нравитесь.
— Очень?
— Очень.
Она счастливо улыбнулась.

5

Башенная мастерская находилась на самом берегу залива. Просторная, с высокими сводами, но темноватая. Ноздри щекотал горьковатый запах дыма. Обстановка непривычная: резкий шум сильных ударов молотов по броне, нет привычных станков. Бóльшая часть корпуса заставлена корабельными башнями. Возле них копошились рабочие. Знакомых Ивану людей не было.

По крутой лестнице Иван поднялся на «галерку» — открытую площадку, пристроенную к железным колоннам здания. Здесь было светлее и как будто тише.

Пожилой мастер с карандашом за ухом деловито сказал:

— Твой верстак — второй слева.

И ткнул пальцем куда-то в угол.

— Будешь подгонять детали поворотного механизма. Работа тонкая. Запорешь — из жалованья вычту.

Иван осмотрел инструменты, приборы и приспособления. Обнаружив, что микрометр неисправен, сказал мастеру:

— Может подвести.

Мастер выдал новый инструмент и сердито спросил:

— Что еще?

— Нужен чертеж.

Мастер выдал чертеж.

Когда Иван стал обрабатывать деталь, мастер долго стоял у его верстака, но придраться к работе не смог.

— Хорошо работаешь. Не обманули.

Справа и слева трудились пожилые слесари, тоже высокой квалификации. Работали, не отвлекаясь от дела, молча. Живому, общительному Ивану первое время было скучновато.

В обеденный перерыв он спустился вниз, подошел к рабочим, которые толпились возле усатого, смуглолицего человека в украинской вышитой рубашке. Он рассказывал о природе Печорского края, об эксплуатации там рабочих.

— Насмотрелся я всего. И должен вам сказать, товарищи: условия, которые там созданы, губят все живое. Гибнут люди, гибнет зверь. Хозяйство ведется варварским способом. А край богатый...

— Кто это? — тихо спросил Иван у стоявшего рядом рабочего.

Тот удивленно ответил:

— Ты что, с луны свалился? Это Георгий Шкапин. Наш лучший разметчик. Голова! В ссылке был на Печоре.

Кто-то стал рассказывать о несчастном случае в литейной. Шкапин изменился в лице, потемнел и начал говорить, повторяя одну и ту же фразу:

— Вот и кончилась жизнь рабочего человека. Вот и кончилась. А из-за чего, из-за чего?

Его успокаивали:

— Брось, Григорий, это у нас обыкновенное дело. Да и ты, чай, не первый день на заводе.

— Никогда не привыкну, нет, не привыкну,— сказал Шкапин и вдруг спросил: — Вы-то хоть знаете, отчего это происходит?

— А как же,— сказал кто-то.— Не туда ступил, не туда руку сунул. Машина слепая, сгрызет.

Шкапин рассердился и стал говорить о причинах несчастий. Иван слушал его с интересом, а после работы подошел к нему.

— Газа? — удивленно спросил Шкапин.— Я слышал о вас от Андриана. Его недавно арестовали. Мещерского тоже. Ведь это вы организовали забастовку в новомеханической? Рад познакомиться.

Он стал расспрашивать о положении в той мастерской, о настроении рабочих. Иван охотно отвечал на умные вопросы, рассказал, как два года назад участвовал в сходке.

— Ну, а как вы себя чувствуете здесь? Скучновато? Хм... Это пройдет. Знакомьтесь с людьми, входите в курс дела. Вы, конечно, знаете, что в нашей мастерской большое влияние на рабочих оказывают большевики? Но есть у нас и меньшевики и эсеры.

Шкапин сразу же поручил Ивану собирать членские взносы в больничную кассу.

— Понимаешь, большевистская партия запрещена, подвергается гонениям. А в помещении больничной кассы мы собираемся и открыто проводим собрания, беседуем с рабочими.

Шкапин познакомил Ивана с Дмитрием Романовым — членом подпольного районного комитета большевиков, который тоже работал в башенной мастерской. Представляя Ивана Романову, Шкапин шутливо сказал:

— Вот вам еще один возмутитель спокойствия. Отличный парень! Дайте ему задание потруднее.

Романов, беседуя с Иваном Газа, спросил:

— Газету «Социал-демократ» видел? Статью Ленина «Маевка революционного пролетариата» читал?

Газа сказал, что газеты читает регулярно, но этот номер достать не смог.

— На, читай,— сказал Романов, доставая из кармана потертую газету.— Будешь лучше разбираться в наших делах.

Утром 1 июля в башенной состоялся митинг-молния (он длился 5—10 минут). В мастерской внезапно дали

аварийный звонок. Машинист остановил мотор и сделал вид, что выясняет причину остановки.

— На митинг! — закричал Романов и быстро побежал вниз.

Иван и другие рабочие устремились за ним. Собрались посередине огромного цеха. На разметочную плиту поднялся Шкапин:

— Сегодня к пяти часам бросить работу. Будет забастовка солидарности с бакинскими рабочими.

Газа знал, что нефтяники бастовали уже целый месяц, нуждались в помощи и поддержке; сам собирал деньги для них. Большинство рабочих поддержало предложение Шкапина.

В полдень к Ивану подошел Романов:

— Обойди ближнюю часть мастерской, поговори со стариками, они что-то колеблются.

Пожилые, тяжелые на подъем рабочие возражали:

— Почему мы первые? Пускай лафетная или пушечная первая выйдет.

— Когда до них дойдем, они тоже присоединятся, — уговаривал Иван стариков.

Ровно в пять башенщики двинулись к часовне на митинг. Неожиданно дорогу им преградили полицейские. Пришлось пробираться окольными путями. Разумеется, опоздали. Митинг сорвали провокаторы, которые закричали: «Полиция! Полиция!» Возникла паника.

Спустя два дня, 3 июля, большевики вновь собрали общезаводской митинг. Двенадцать тысяч рабочих вышли во двор и собрались у часовни. Обычно сюда сразу прибывала полиция, но на этот раз ее почему-то не было. Это показалось Ивану подозрительным. Он сказал Романову:

— Надо бы выяснить, нет ли засады.

— Да, что-то неладное, — согласился Романов.

Чутье не подвело Газа. Еще ночью на завод прибыли усиленные наряды полиции.

Митинг прошел организованно. Ораторы призывали путиловцев поддержать бастовавших бакинских нефтяников. Полицейские тем временем вышли из засады и встали у проходной. Отдельных рабочих они пропустили, но когда появились толпы и послышалось пение «Марсельезы», захлопнули калитки. На территорию завода въехал большой отряд вооруженной конной полиции. Рабочие почти вплотную подошли к ним.

— Разойдись! — крикнул полицейский офицер.

Люди чуть попятились. Иван оглянулся. Отходить было некуда: слева — мартен и прокатка, справа — здание проходной, а сзади полицейские. «Мы окружены»,— с тревогой подумал он.

Офицер скомандовал: «Огонь!» Прогремел ружейный залп, конные врезались в толпу, стали стегать рабочих нагайками, бить плашмя саблями.

— Стройте баррикады! — крикнул Шкапин.

Газа бросился к площадке возле мартена, где лежали доски, камни, железный лом. Здесь уже командовал, размахивая стальным прутом, Романов. Они стали поспешно возводить заграждение и в то же время отбивались камнями от полицейских. Но силы были неравные. Вскоре рабочим пришлось отойти. Раненых и тех, кто не успел убежать, полицейские арестовали.

Иван, вооружившись обрубком железной трубы, пробился с группой башенцев к проходной. Тут была давка. В узких, отделенных перилами проходах передние застревали, а задние напирали. Ивана вытолкнули наружу. Не успел он опомниться, как услышал над головой свист нагайки. Инстинктивно отпрянул в сторону, и тяжелый удар прошел мимо, лишь слегка задев плечо. А кругом метались рабочие, которых теснили конные полицейские.

Газа, оглядываясь, быстро уходил от места побоища. Вдруг он увидел вытолкнутого из проходной отца. Тот закричал:

— Палачи! Разбойники!

Полицейский огрел его нагайкой. Отец упал. Иван подбежал к нему. Отец поднялся. По его лицу ручейком стекала кровь. Шатаясь, он побрел от ворот, но его снова настиг конный и еще раз ударил плетью по голове. Отец опять упал. Подбежавший Иван помог ему встать и быстро повел домой.

— Палачи! — размазывая кровь по лицу, кричал отец.

Весть о расстреле путиловцев потрясла, всколыхнула питерский пролетариат. На другой день в столице бастовало девяносто тысяч человек. Петербургский комитет выпустил листовку, призывавшую рабочих к трехдневной всеобщей забастовке. В ней говорилось:

«Пьяная полицейская орда, напавшая на путиловцев, лишь исполняла волю царского правительства. Стихийным возмущением ответил рабочий класс Петербурга на эту попытку повторить кровавую Лену... Пусть крик протеста и возмущения прокатится по всему Петербургу, по всей России...»

На три дня в Петербурге остановились почти все фабрики и заводы, закрылись магазины, замерли трамваи. 7 июля рабочие вышли на улицу с красными флагами. Распевая революционные песни, они двинулись к центру города, однако путь им преградила полиция. Иван с группой молодых рабочих из башенной попытался пробраться к Невскому, но нарвался на засаду казаков. Парни отбились от них камнями.

Такая тщательная охрана центра столицы объяснялась тем, что в этот день в Петербург для завершения военных переговоров прибыл французский президент Пуанкаре. Проводив иностранных гостей, правительство перешло в наступление на рабочих. 8 июля закры-

ли газету «Правда». Полиция громила помещения правлений профсоюзов и рабочие клубы. Начались обыски, аресты. В город ввели войска. В стычке с казаками у Нарвских ворот был убит путиловский рабочий. Иван вернулся с его похорон усталый и злой. Тетка Марья вскипятила самовар. И только Иван налил стакан чаю, как дверь открылась. В комнату вошли Куренков и Клава. Иван не видел ее со дня их первой встречи.

Газа вскочил и предложил Клаве место у стола. Василий повесил на гвоздик ее легкий жакет. Тетка Марья налила чаю.

— Садись, гостюшка дорогая.

Клава подошла к столу. Иван, не спускавший с нее глаз, заметил, что она была чем-то озабочена.

— Конфет и баранок не хочу, а чаю выпью. Во рту все пересохло,— сказала она.

— Сестренка пришла по делу,— сказал Василий.

— Да,— подтвердила она, прихлебывая маленькими глотками чай.— Мне надо, Ваня, поговорить с вами с глазу на глаз.

Куренков увел тетку Марью на кухню, плотно закрыв за собой дверь.

— Можно вам доверить тайну? — спросила Клава, глядя Ивану в глаза.— Не подведете?

— Сохраню вашу тайну свято,— серьезно произнес Иван.— Говорите.

— Сегодня у нас был обыск,— сказала Клава.— Видимо, жандармы что-то пронюхали. У меня в конторке под полом находился тайник с подпольной литературой. К счастью, в нем лежала лишь пачка листовок. Я успела спрятать их под кофточку. Половицу закрыла мешком. Сижу ни жива ни мертва. Ввалились ко мне трое. Все перерыли... и ушли ни с чем.

Иван был рад, что не ошибся: Клава связана с революционным движением. От этого она стала ему еще ближе.

— Хорошо, что вы не растерялись,— сказал он.

— Да, но арестованы люди, с которыми я поддерживала связь. Некому передать листовки.

— Они при вас?

— Да.

— Я могу отнести их в райком партии.

Она улыбнулась:

— Спасибо, Ваня. Я за этим к вам и пришла. Отвернитесь, пожалуйста.

— Вот,— сказала Клава, одной рукой подавая ему листовки, а другой застегивая кофточку.

Иван взял листовки. Это были свежие прокламации Петербургского комитета РСДРП(б). Он с волнением прочел про себя текст:

«Товарищи! Петербургский комитет призвал вас к стачкам и демонстрациям. Вы единодушно откликнулись на его призыв. Мы зовем теперь вас временно приостановить движение протеста так же организованно, как оно началось... Надо строить и укреплять организации. Надо усилить пропаганду и агитацию в провинции, которая еще слишком отстала. Надо разбудить крестьян и нести свет революции в крестьянское войско... Правительство хочет раздавить нас в кровавом бою, когда пролетариат России еще недостаточно подготовлен. Не позволим же ему это сделать!..»

— Очень важные указания,— сказал Иван, пряча листовки под рубашку и надевая пиджак.— Вы попейте чаю, посидите, а я побегу.

Он улыбнулся Клаве и направился к Романову.

6

На Путиловском заводе Иван проработал еще два года, постигая азбуку революционной борьбы. А жизнь ставила перед ним новые задачи.

19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России. Путиловский завод получал огромные военные заказы, выполнение которых находилось под контролем правительства. Вести революционную пропаганду становилось все труднее. Большевистские организации в городе были разгромлены. В конце августа 1914 года полиция арестовала путиловских большевиков и в их числе Георгия Шкапина. Арест произвели в помещении заводской больничной кассы. Хотя против Шкапина и не было улик, достаточных для судебного процесса, тем не менее его выслали в Харьков под надзор полиции. Позднее Иван узнал, что Шкапин и в Харькове продолжал революционную работу, был арестован, провел несколько месяцев в тюрьме, затем его отправили в Кострому со строгим предписанием отбыть там срок полицейского надзора. Так прервалась связь Ивана с Георгием Шкапиным, соратником по революционной работе.

Дмитрия Романова с группой других рабочих администрация завода отправила в Николаев для выполнения работ по установке вооружения на новом крейсере. В октябре Романов вернулся на завод. Он познакомил Газа с большевиком Иваном Егоровым, который теперь возглавлял больничную кассу. Егоров дал Ивану прочитать № 33 газеты «Социал-демократ», где был опубликован в виде передовой статьи манифест ЦК РСДРП(б) «Война и российская социал-демократия», написанный В. И. Лениным. Газета, переправленная в Петроград нелегальным путем из-за границы, была так зачитана, что на сгибах буквы с трудом различались. Но Иван сумел разобрать текст и понял суть манифеста: в нем убедительно обосновывались исторические лозунги борьбы за превращение империалистической войны в гражданскую, за поражение в войне царского правительства, разъяснялись истинные цели, преследуемые в войне помещиками и капиталистами.

Идеи ленинского манифеста буквально окрылили Ивана. Теперь он знал, как отвечать на вопросы рабочих об отношении большевиков к войне. У себя в мастерской или в рабочей толпе у ворот завода он заводил разговоры о войне, о поражениях на фронтах, о растущей дороговизне и разъяснял:

— Войну ведут империалисты за передел мира в своих интересах. Трудовому народу война не нужна. Большевики правильно утверждают, что наиболее верным средством прекращения войны является свержение власти империалистической буржуазии в каждом воюющем государстве и победа пролетарской революции.

По вечерам Иван встречался с Клавой. И понял, что влюбился. Теперь время измерялось промежутками между свиданиями. Приходил домой поздно, молча выслушивал сонную воркотню тетки Марьи и долго не мог заснуть.

Раз они с Клавой вышли погулять на набережную. Зима еще не установилась. По воде плыли льдины, припорошенные только что выпавшим снегом, и исчезали в сумраке.

Иван вдруг испуганно подумал, что они с Клавой после радостных встреч могут расстаться навсегда.

— Клава, я не могу без тебя жить,— сказал он.— Давай поженимся.

Она растерялась, разволновалась, спрятала лицо на его груди.

— Почему молчишь? — горячо спросил он.— Или тебе что-то мешает?

— Мешает,— негромко пробормотала она.— Родители не хотят выдавать меня за рабочего.

— А ты уговори их. Скажи, что скоро будет революция. Кто был ничем, тот станет всем.

— Они в это не верят.

— Тогда поженимся без их согласия.

— Мне жалко их, особенно маму,— слабо возразила Клава.— Я познакомлю тебя с ними, ты постарайся их уговорить.

Ивану удалось это сделать. Тем не менее сватовство растянулось на два с лишним месяца. В начале февраля 1915 года они обвенчались, сняли комнату и зажили душа в душу.

Теперь в вечерние часы Иван больше сидел дома, помогал Клаве, читал книги. Он прочел «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Фридриха Энгельса, «Две тактики социал-демократии в демократической революции» В. И. Ленина. Под влиянием прочитанного у Ивана укрепилась четкая мысль, что рабочим надо готовиться к революционным боям против царского самодержавия.

Поползли слухи о предполагаемом приезде царя на завод. В ночь на 31 марта 1915 года на Путиловский прислали полицейских и переодетых шпиков. В мастерских спешно скоблили грязь, очищали проходы от хлама, аккуратно раскладывали инструменты. Администрация составляла список старых рабочих, которых можно было допустить к разговору с царем. В башенной выделили для этого старого слесаря Шерстнева.

Большинство рабочих отнеслись к приезду царя малопочтительно. Утром, войдя в курилку, Иван услышал разговор.

— Однако осмелел он,— сказал пожилой рабочий, раскуривая папиросу.— Год назад к нам, наверное бы, не сунулся.

— А теперь едет,— ответил рабочий помоложе.— Значит, что-то изменилось.

— Конечно, изменилось. Вот меньшевики говорят: мы с царем посчитаемся после войны, а сейчас борьбу с ним надо прекратить.

Иван, заметив меньшевика Кузьмина, весело спросил:

— Кузьмин, ты какую готовишь встречу царю? Будешь кричать «ура»?

Кузьмин, затушив огонек самокрутки, ответил:

— Воздержусь. Но если ты, Газа, засвистишь, я начну кричать «ура», чтобы показать, что я не с тобой заодно.

— Вот видите, и выходит, что меньшевики стоят за царя,— сделал вывод Иван.— Докатились!

Внизу его остановил старик Шерстнев:

— Что мне делать, Ваня? Ведь с царем разговаривать — дело нешуточное. Вроде как от всего общества. Боюсь, как бы не ляпнуть что-нибудь лишнее.

— Говорите правду,— посоветовал Газа.— Правда для нас, рабочих, важнее всего.

— Оно, конечно, так,— согласился старик.— За правду и Христос пострадал...

Царский поезд прибыл на станцию к двум часам дня. Царь не поехал бы на завод, если бы не нужда: фронту необходимы снаряды.

Обойдя шрапнельную, пушечную и минометные мастерские, он повернул в башенную. Здесь по звонку заранее остановили все станки и механизмы. Иван с «галерки» хорошо видел царя: невзрачный, курносый, в полковничьей шинели.

Кузьмин все же крикнул: «Ура!», но голос его прозвучал одиноко. Царь остановился и повернулся к сопровождающим:

— Пусть продолжают работать...

Раздался снова звонок, и станки заработали. Царь спросил у начальника мастерской:

— Кто у вас самый старый рабочий?

Ему представили Шерстнева.

— Ну как, старик, живешь? — безразлично спросил царь.— Как работаешь?

Шерстнев, старый солдат, стоял перед ним, выпятив грудь и глядя ему в глаза.

— Ваше императорское величество,— сказал он торжественно.— Все дорого. Ни к чему приступу нет. Дерут с нас за все, ваше императорское величество...

— Что делать, старик,— сказал царь.— Сейчас война. Все терпим. Терпи и ты. Сколько тебе лет?

— Шестьдесят два.

— Дети есть?

Шерстнев перечислил детей. У него их было несколько, в том числе сынишка трех лет.

— Трех лет? — удивился царь, игриво прищурившись.— Ого, вот ты какой!

— Так точно, ваше императорское величество. Уж я такой!

Царь сказал что-то по-французски одному из генералов и пошел из мастерской. Генерал протянул Шерстневу золотые часы.

— Это тебе, старик, на дороговизну.

Когда свита ушла, к Шерстневу подошел начальник мастерской и стал упрекать:

— Разве можно так разговаривать с царем: дорого, дерут с него... Кто с тебя дерет?

— Я сказал ему правду,— ответил старик...

После посещения завода царем путиловцев заставили работать в три смены, без выходных.

В июле 1915 года правительство решило образовать при военно-промышленных комитетах рабочие группы. Таким образом буржуазия надеялась отвлечь пролетариат от революционной борьбы, толкнуть на путь соглашательства. Меньшевики и эсеры поддержали это мероприятие.

Иван Газа решил посоветоваться с Егоровым, как относиться к созданию рабочих групп. Егоров возглавлял больничную кассу, которую большевики использовали для легальной работы среди путиловцев. За

столом рядом с Егоровым сидел человек, в котором Газа узнал Багдатьева.

— Знакомьтесь,— сказал Егоров Ивану.— Это Сергей.

— Мы давно знакомы,— сказал Багдатьев, подавая Ивану руку.— Он занимался у меня в кружке.

— Вот и хорошо,— обрадовался Егоров.— А я сам хотел побывать в башенной. Ну, что нового?

Сообщив о делах в мастерской, Газа спросил насчет выборов в рабочие группы военно-промышленных комитетов.

— Есть указание Ленина,— тихо сказал Егоров.— Большевики против участия в этих комитетах, но считают необходимым использовать выборную кампанию в агитационных и организационных целях.

Он посмотрел на Багдатьева. Тот сказал:

— Вам надо привлечь как можно больше рабочих к участию в цеховом собрании, открыто изложить перед ними свою политическую линию, добиться избрания предложенных большевиками выборщиков. Выборщики на городском собрании прочтут большевистскую резолюцию против войны, заявят об отказе посылать в военно-промышленный комитет представителей от рабочих и тем самым осуществят бойкот этих учреждений.

Теперь Ивану стало все ясно. И он начал энергично проводить линию партии в отношении выборов, разъяснять ее рабочим.

Через несколько дней в башенной состоялось собрание. На него пришел Дмитрий Романов, которого здесь хорошо знали. Он заговорил о борьбе против войны и самодержавия. Помощник начальника цеха сразу же закричал:

— Я запрещаю выступать здесь с такими речами!

Рабочие возмущенно зашумели. Помощнику начальника цеха пришлось уйти.

На заводе в группу выборщиков избрали активных большевиков — Барановского, Егорова, Романова, Николаева из башенной. Рабочие поддержали «Наказ выборщикам», выработанный ПК РСДРП(б) в середине сентября.

27 сентября открылось общегородское собрание уполномоченных выборщиков. Члены ПК С. Я. Багдатьев и В. Н. Залежский, имевшие мандаты уполномоченных Путиловского завода, выступили с речами, разъясняя большевистскую платформу. Собрание приняло резолюцию, в которой заявлялось об отказе послать делегатов в центральный ВПК. Однако правительство назначило повторные выборы. Начались массовые аресты большевиков-выборщиков.

Егоров пригласил Ивана в больничную кассу, показал газету «День».

— Меньшевики обвиняют нас в том, что мы сорвали выборы. Нужно разъяснить рабочим, что это провокация.

— Я готов, Иван Григорьевич,— ответил Газа, вставая.

Егоров хлопнул его по плечу:

— Не спеши. Ты можешь нам помочь в другом деле. Мы хотим отпечатать прокламации. Есть шрифты, есть люди, умеющие печатать. Но нет рамки, валика, наборной кассы. Ты — слесарь. Сооруди рамку для закрепления набора. Валик и наборную кассу сделают другие.

Иван попросил дать точные размеры рамки. Егоров тут же начертил схему. К изготовлению рамки Газа привлек товарищей. К вечеру она была готова. Иван вынес ее под пиджаком и передал Егорову.

На следующий день свыше трех тысяч листовок Петроградского комитета партии были распространены на заводах и фабриках города.

Царское правительство на фронтах терпело пора-

жение за поражением. В Петрограде стало исчезать продовольствие. Росла дороговизна. Резко ухудшились условия труда рабочих.

В начале февраля 1916 года на Путиловском вновь начались забастовки. Первыми 4 февраля забастовали рабочие электрического цеха, потребовав увеличения заработной платы на 70 процентов. Администрация ответила отказом. Егоров сказал Ивану:

— Поддержи нас, поднимай башенную!

Газа собрал рабочих на митинг. Решение было единодушное: бастовать! Вслед за башенной прекратили работу другие мастерские. Началась общезаводская стачка.

Администрация завода обратилась за помощью к командующему Петроградским военным округом генералу Туманову. Он издал приказ: «Если рабочие не выйдут на работу, они будут рассчитаны, взяты в солдаты и снова поставлены к станкам».

Однако эта угроза не испугала путиловцев; они продолжали бастовать. Вечером 5 февраля большевики провели на заводе митинг. В принятой на нем резолюции рабочие заявили: «...Мы, путиловцы, вновь восстали на защиту рабочего класса... Мы ни на минуту не сомневаемся в том, что наше выступление... встретит поддержку всего рабочего класса Петербурга». 6 февраля администрация завода объявила локаут и уволила всех рабочих. Две тысячи стачечников были немедленно мобилизованы в армию.

В ночь на 8 февраля арестовали почти весь Нарвский районный комитет большевиков. Оказались в тюрьме Иван Егоров, Дмитрий Романов и еще двести пятьдесят рабочих.

9 февраля администрация, полагая, что теперь рабочие успокоятся, объявила, что завод открыт. Но на следующий день Газа организовал забастовку в башенной мастерской. Забастовщики потребовали освободить

арестованных, принять на работу ранее уволенных, отказаться от выполнения на заводе военных заказов. Башенную поддержали почти все мастерские. Руководители большевистского коллектива провели в помещении больничной кассы собрание, которое приняло решение обратиться за поддержкой к ПК РСДРП(б). ПК призвал петроградских рабочих к стачке солидарности с путиловцами. Выступление путиловцев всколыхнуло весь пролетарский Питер.

Правительство продолжало репрессии против путиловцев.

Утром, когда Иван шел на работу, его задержали полицейские, отвели в участок и втолкнули в одиночную камеру. Окно перекрещивала железная решетка, у двери стоял охранник.

В одиночной камере было тяжко. Иван шагал из угла в угол, считая шаги. Сидел за железным, вделанным в стену столиком час, другой, третий. Бесконечно длинным казался бесцельно протекавший день. Стоял у окна и старался разглядеть сквозь мутное стекло клочок неба. Беспокоился о жене, которая неделю тому назад родила сына Бориса. Как-то она переживет арест?

На допрос Ивана вызвали после полудня. Полицейский офицер сказал:

— Нам известно о вас все: и что вы вчера и позавчера говорили рабочим, и куда ходите, и с кем связь держите. И признаюсь, удивлен вашей неосторожностью. Погубите себя, Газа, погубите. Оправданием может служить только ваша молодость, свойственное ей легкомыслие. Вы ведь у нас второй раз?

— Да,— ответил Иван.

— Значит, предупреждение уже получили,— продолжал тот, перелистывая бумаги.— Я хочу вам добра. И если вы раскаетесь, то сейчас же отпущу домой. Вы понимаете?

Газа усмехнулся:

— Нет.

— Значит, не понимаете? Жаль. А ведь вы, молодой человек, призывали к свержению самодержавия, высказывались непочтительно о его императорском величестве, проповедовали антивоенные большевистские лозунги, грозили революцией. Вы знаете, что за это полагается? Каторга. Знаете?

— Да,— твердо сказал Иван.

Во время допроса он держался спокойно. Офицер же заметно нервничал. А когда Иван заявил, что стоит за правду и справедливость, полицейский стукнул кулаком по столу и закричал:

— Ну, хватит! За свои преступления вы еще понесете наказание. А пока! — Он повернулся и крикнул кому-то в открытую дверь:

— Отправить на фронт! Там его научат порядку!

...Вечером Иван пришел домой. Клава лежала в постели и кормила грудью ребенка. Иван, поцеловав ее, почувствовал, что сердце его разрывается. Тихо сказал:

— Ну, Клавушка, завтра меня забирают в солдаты.

Она была еще совсем слаба после родов. Глаза у нее наполнились слезами.

Иван, как мог, утешал ее:

— Война скоро кончится. Она всем осточертела. Я скоро вернусь. Вернусь цел и невредим.

На другой день мобилизованных путиловцев собрали во дворе полицейского участка, находившегося на Петергофском шоссе. У низкого дощатого забора стояли и плакали женщины, провожавшие мужей, сыновей и братьев. Иван увидел мать, ее ввалившиеся глаза были красны. Он подошел к ней, поцеловал, попросил, чтобы не волновалась, шла домой. Мать с тоской смотрела на него и стояла до того момента, пока мобилизованных построили в ряды, сделали перекличку и под

конвоем повели в казармы. Все шли понуро. Кто-то попытался запеть бодрую песню, но, никем не поддержанный, замолчал. Справа и слева от колонны по обледенелым мосткам текла толпа женщин, детей и стариков. Мать, торопливо смахивая слезы концом платка, шла возле Ивана. Он глядел на нее и прощально махал рукой. А Василий Куренков шептал ему в самое ухо:

— Давай убежим. Я вон того двину по затылку, а ты беги.

Иван оглянулся. По всему Петергофскому шоссе расставлены городовые, разъезжают казацкие отряды, а у ворот домов, точно часовые, стоят дворники в фартуках, с бляхами. Иван сказал:

— Я дезертировать не хочу и тебе не советую.

Ему было тяжело. Чтобы хоть как-то облегчить душу, он запел:

Слезами залит мир безбрежный,
Вся наша жизнь — тяжелый труд...

Куренков и другие рабочие дружно подхватили:

Но день настанет неизбежный,
Неумолимый грозный суд...

К ним подскакал полицейский и закричал:

— Это что за безобразие?! Прекратить!

Но песня вспыхивала то там, то тут. Полицейский поворачивал коня и мчался туда, где она звучала.

— Прекратить!

С Петергофского шоссе свернули на Старо-Петергофский проспект, оттуда вышли к Ямским баням, приспособленным под казармы. Полицейские сдали путиловцев воинскому конвою. Здесь, в тесноте, на нарах в три яруса, новобранцы сидели под охраной часовых. Вечером всех выгнали на улицу, построили, сосчитали и повели на Николаевский вокзал.

Посадили в товарные вагоны, залепленные снегом, на голые нары. Вход в вагон охранял унтер-офицер и солдат с винтовкой. Другой солдат принес дрова и стал растапливать круглую железную печку. Унтер-офицер произвел перекличку и предупредил:

— Если кто попытается бежать — получит пулю. Стреляем без предупреждения.

Когда поезд тронулся, кто-то из путиловцев закричал:

— Прощай, Питер! Прощайте, товарищи!

Унтер-офицер глянул на него и строго сказал:

— Но, но! Я этого не люблю. Сидите, как положено.

7

Утром поезд остановился на небольшой станции под Старой Руссой. По серому небу низко ползли тяжелые тучи, шел мокрый снег. Холодный ветер кружил поземку.

Колонну новобранцев привели в военный городок, выстроили на плацу. Появились поручик, фельдфебель и унтер-офицер, который прошелся вдоль колонны и поделил ее на группы человек по двадцать. Путиловцев разбросали по дисциплинарным батальонам и штрафным ротам.

Газа и Куренков оказались в четвертом отделении третьего взвода. Командовал отделением унтер-офицер Грицюк — сухой, с пронзительно-острым взглядом. Он все время служил в этом запасном полку, на фронте еще не был и, вероятно, очень боялся попасть туда, поэтому выслуживался. С подчиненных драл три шкуры, а перед офицерами тянулся в струнку.

— Ешь начальство глазами! — покрикивал унтер.

Он привел путиловцев в холодное сырое помещение, в котором пахло крысиным пометом, карболкой и еще чем-то кислым. Деревянный пол был местами

выбит, и в черных щелях скопилась грязь. Новобранцев разместили на трехъярусных нарах. Только они успели расположиться, надеясь хоть немного отдохнуть, как раздалась команда унтер-офицера:

— Взвод, в две шеренги — становись!

Иван соскочил с нар и быстро пошел в строй, но многие шли не торопясь.

— Бегом! — заорал унтер и глянул на Куренкова: — Эй ты, оборванец, что, в морду захотел?

Куренков, однако, не прибавил шагу. Грицюк подлетел к нему и, размахнувшись, ударил кулаком по лицу. Но Куренков даже не покачнулся.

— Все видели? — спросил он.— Теперь я имею право дать сдачи.

И тотчас ударил унтера в скулу, да так, что тот пролетел шага четыре и грохнулся об пол; папаха отлетела в сторону. А Куренков, победоносно поглядывая вокруг, спросил:

— Не сильно зашиблись, господин унтер? Уж очень вы слабы оказались, а у нас, путиловцев, рука тяжелая. Имейте это в виду.

«Молодец, Василий, хорошо проучил, не будет драться»,— подумал Иван, но в то же время его охватило сильное беспокойство за судьбу друга.

Грицюк встал и, потирая затылок, надел папаху. Ни на кого не глядя, вышел из казармы. Несколько минут было тихо. Все ждали, что будет дальше. Куренков, бледный, стоял рядом с Газа и прерывисто дышал.

— Держись, Василий,— шепнул ему Иван.

В казарму вошел седой фельдфебель с двумя солдатами-конвоирами; за ними шел Грицюк.

— Который? — спросил фельдфебель, обводя строй грозным взглядом.

— Вон тот,— ответил унтер.

— В карцер,— приказал фельдфебель.

— Несправедливо! — крикнул Газа.— Унтер-офицер первый ударил Куренкова. Мы свидетели.

— Да, мы все видели,— подтвердили другие путиловцы.

— Прекратить разговоры! — рявкнул фельдфебель.— Военный суд разберется...

Всех под конвоем повели на вещевой склад. Там путиловцы получили обмундирование. В казарму возвратились уже в шинелях, папахах и ботинках с обмотками.

Грубая серая шинель была Ивану как раз, точно сшита на заказ, и папаха сносно сидела на голове, но обмотки доставили ему много хлопот. Дорогой одна из них размоталась: шедший сзади наступил на нее. Иван споткнулся и чуть не упал. И у других новобранцев обмотки тащились по снегу. Следовало бы остановиться, затянуть их потуже, но выйти из строя было нельзя. В казарме, остановив строй, фельдфебель обрушился на всех с бранью:

— Это вам не в Питере бастовать! — кричал он сиплым басом.— Обмундирование надо уметь носить.— Эй, Грицюк, покажите еще раз им, как обращаться с обмотками.

Унтер-офицер взял у Ивана обмотку, сел на табурет перед строем, разулся, быстрыми точными движениями обмотал вокруг ноги полотняную темно-зеленую ленту и крепко затянул ее, закрепив конец под верхним кольцом.

— Все видели? — строго спросил фельдфебель.— Еще раз замечу болтающиеся обмотки — накажу. А сейчас переобуться, взять пару белья, полотенце. Живо!

Иван затянул обмотки так, как показал Грицюк, но по дороге в баню одна из них стала ослабевать и постепенно спускаться. Попытался поправить на ходу, но фельдфебель, заметив, заорал:

— Эй, кто там наклоняется? Отставить!

У входа в баню он остановил новобранцев и приказал всем, у кого размотались обмотки, выйти из строя.

Газа сделал два шага вперед. Вышло еще шесть человек. Фельдфебель, указывая на них пальцем, сказал:

— Вот полюбуйтесь. Идут, как мокрые курицы. А я предупреждал. Эй, Грицюк, вечером всех в наряд — картошку чистить.

Только вернулись из бани, как послышалась новая команда:

— Взять котелки, строиться в столовую!

Столовая находилась в этом же здании, в полуподвальном этаже. Было очень тесно, ели стоя — для скамеек не хватало места. Пища невкусная: жидкий суп с мороженой картошкой да перловая, плохо разваренная каша с крохотным кусочком вонючей солонины. Иван, привыкший к домашней еде, ел неохотно.

— Ишь, чистоплюй,— сказал про него Грицюк.— Ничего, у нас все будешь лопать.

После обеда пришел командир роты — капитан в папахе, лихо сдвинутой на правое ухо. Проходя вдоль строя, он проверил, стоят ли солдаты по ранжиру, затем поздоровался. Ответили вразнобой. Капитан поморщился и приказал фельдфебелю научить роту здороваться; затем скомандовал:

— Кто грамотный, два шага вперед! Шагом марш!

Газа и еще несколько человек вышли из строя. Ротный велел фельдфебелю переписать их и представить список в штаб полка.

Иван спросил о судьбе арестованного Куренкова. Капитан ответил:

— Солдат, поднявший руку на командира, подлежит суду военного трибунала. Но полковник сжалился над новичком и решил наказать своей властью. Курен-

ков получил десять суток ареста с содержанием на гауптвахте.

— А что будет с унтер-офицером, который первый ударил Куренкова? — поинтересовался кто-то.

— Это не ваше дело,— ответил капитан.— Здесь казарма, а не мастерская. Перед вами никто отчитываться не будет.

Когда он ушел, фельдфебель погрозил солдатам кулаком:

— Здороваться с командиром не научились, а с вопросами лезете. Но ничего, мы вас научим уму-разуму.

Вечером все получившие замечания чистили на кухне грязную мороженую картошку. У дверей стояли два конвоира. На душе у Ивана было тоскливо. Но вспомнилась Клава с крохотным сынишкой, и от сердца отлегло. «Ради них, ради светлого будущего стоит жить и бороться».

— Нам надо держаться дружнее,— сказал он товарищам.— Иначе нас сомнут.

— Правильно, Иван.

— Только так...

До поздней ночи чистили картошку. А в пять утра в казарме раздалась команда:

— Подъем!

Новобранцы вскочили с нар и начали поспешно одеваться. Унтер-офицеры ходили и покрикивали:

— Живо, живо!

Иван, надев ботинки, стал накручивать обмотки; они соскакивали, путались. Но он успел одеться и вместе со всеми побежал в строй.

В шесть часов рота выстроилась на утреннюю молитву. Хором пели «Отче наш». Газа, не любивший молиться, лишь открывал и закрывал рот, не произнося слов. Грицюк, заметив это, погрозил ему кулаком.

После молитвы — прогулка под стражей. Рота вышла на плац повзводно. Было темно, ветрено и холод-

но. Взвод под командой Грицюка прошел по кромке заснеженного плаца, но не так быстро, как положено. Это вывело унтера из себя.

— Бегом марш! — скомандовал он.

Худой, жилистый, легкий на ногу Газа бежал свободно, а сосед его начал задыхаться и отставать. Иван, схватив его за руку, хотел помочь ему. Но Грицюк закричал:

— Эй, кто там бежит в обнимку! В наряд захотели?!

Он гонял взвод почти час. Но путиловцы выдержали. Потом их отвели в столовую. Выдали гороховую похлебку. После завтрака роту построили в казарме. Фельдфебель прошелся вдоль шеренги и поздоровался, предварительно приказав:

— Отвечать, как командиру роты!

После вечерних тренировок последовал довольно четкий ответ:

— Здра жела, ваш выскородь!

Но фельдфебель подскочил к одному новобранцу и ударил его кулаком по животу, злобно крикнув:

— Убери брюхо!

Паренек подобрал живот, но выпятил вперед грудь; фельдфебель замахнулся, чтобы ударить его по лицу.

— Не трогать! — крикнул Иван.

— Это что такое?! — побагровел фельдфебель, однако опустил руку.— Кто кричал?

Строй молчал. Ивана никто не выдал. На этот раз обошлось.

Ровно в восемь начались строевые занятия на плацу, оцепленном стражей. В морозном воздухе звучали резкие команды:

— Р-р-ряды сдвой! Пр-равое плечо вперед, марш! Тверже ногу! Ать-два...

Иван старательно грохотал тяжелыми ботинками по

мерзлой земле. Но сосед его маршировал вяло. Газа шепнул ему:

— Подтянись, путиловец. Иначе изобьют.

Строевая подготовка продолжалась четыре часа, до изнеможения. А в двенадцать — занятия по изучению материальной части винтовки. Иван внимательно слушал объяснения. А когда унтер задал вопрос, первым вызвался отвечать. Правильно назвал все части затвора, быстро разобрал и собрал его. И другие твердо усвоили этот урок.

После обеда опять строевая подготовка, затем занятия словесностью. Это нудное дело продолжалось до шести вечера. Затем — ужин и с семи часов так называемая «прогулка» строем. И так — каждый день бессмысленная муштра. То и дело слышались брань, угрозы, оскорбления, сыпались зуботычины. С путиловцами обращались, как с арестантами, муштровали с особым пристрастием.

Однажды капитан ударил Куренкова лишь за то, что тот на несколько секунд опоздал в строй. Это вызвало возмущение всей роты. Иван, смело глядя в лицо капитану, выступил вперед и громко заявил:

— Нас послали сюда не для того, чтобы вы нас били, а для того, чтобы защищать отечество!

— Вот как! — злобно усмехнулся капитан.— Эй, фельдфебель, врежь как следует и этому болтуну!

Иван оглянулся на товарищей. Рота бросилась к пирамиде с оружием и вмиг разобрала винтовки. Конвой, растерявшись, не сдвинулся с места.

— Если хоть пальцем тронете Газа, всех перебьем! — сказал кто-то из путиловцев.

Хотя винтовки были учебные, без штыков и патронов, но прикладами можно раскроить головы. Ротный, почувствовав сплоченную силу, испугался.

Это событие еще больше объединило путиловцев. Оно даже отразилось на отношении к ним конвоя. Ес-

ли раньше конвоиры поглядывали на питерцев подозрительно, с недоверием, то теперь стали относиться к ним более доброжелательно. Иван, веселый и общительный, быстро сумел завести знакомство с конвоирами. Он объяснил им, кто такие путиловцы, за что их держат на особом положении, почему взяты в армию. Да и сами конвоиры, более внимательно приглядевшись к бывшим рабочим, поняли, что это такие же люди, как и они сами, только держатся более дружно и не унывают.

— Много я здесь видел непокорных, а таких, как вы, нет,— сказал Ивану один из конвоиров.— Во всем вы обыкновенные, но вот сила в вас какая-то большая.

— У нас сила простая,— отвечал Газа.— Все за одного, а один за всех. Тем и крепки, что мы, рабочие,— организованный народ...

Военные власти не решились долго держать в одном месте такую взрывчатую массу. В июле 1916 года путиловцев-штрафников стали небольшими группами распределять по маршевым ротам, отправлявшимся на фронт. С одной из них уехал Куренков. Некоторых послали в полковые оружейные мастерские. У Ивана потребовали аттестат об окончании ремесленного училища; разрешили написать об этом письмо жене.

Клава, получив весточку от мужа, разволновалась. Жила она на мизерное пособие. На всю жизнь запомнила, как первый раз ходила за ним в контору завода. Отстояв длинную очередь, подошла к окошечку, за которым сидел толстый управляющий. Память у него, видимо, была цепкая. Услышав фамилию Газа, поднял колючие заплывшие глазки:

— Гм! За такого мужа стыдились бы получать.

Больно обидел чиновник. Но Клава стерпела, трясущимися руками взяла деньги. «Видно, здорово мой Ваня насолил этим хозяйским холуям,— подумала

она.— Прошло три месяца, а забыть не могут». Заторопилась домой, к сыну.

Она очень любила мужа, беспокоилась за его судьбу и поэтому решила ехать к нему. Кто знает, может не придется увидеться, да и аттестат, о котором писал Иван, боязно посылать по почте: еще затеряется.

Стала укладывать в узелок пеленки, бельишко для сына, харчи на дорогу. Женщины, увидев, что Клава берет с собой ребенка, стали отговаривать: «Трудно с ним в дороге. Оставь его нам. Не сомневайся, будем кормить по очереди, присмотрим».

Клава подумала, всплакнула. Борис был еще очень мал, может простудиться в поезде. Решила оставить. Соседи, узнав о ее отъезде, пришли проводить. Кто письмо принес, кто на словах просил передать, мол, живы и здоровы, ждем домой.

Съездила она удачно: мужа повидала и, вернувшись, ребенка застала здоровым. От соседок узнала, что заходил свекор, интересовался внуком.

Ивана откомандировали в техническую команду при школе оружейных мастеров, которая находилась в Ораниенбауме.

8

Мастерская при школе напоминала большой сарай. Работало в ней человек сорок. Ни на новомеханическую, ни тем более на башенную она не походила. Но Иван обрадовался, что здесь не было конвоя, как в штрафном батальоне.

Начальник мастерской, в чине поручика, поручил Ивану отремонтировать поврежденный пулемет. Иван углубился в наставление и инструкцию. Из приложенного акта понял, что подлежали замене ствол, кожух и затворная рама с затвором. Дело это было для Ивана новое, так как в полку он изучал лишь общее устройство пулемета.

За спиной послышались шаги, повеяло табачным дымом. Появился человек средних лет, в промасленной куртке, стриженый, с веселой искоркой в глазах.

— Ефрейтор Орипов,— сказал он, протянув крепкую руку, и угостил Газа махоркой.— Мы в одной группе.

Курили не торопясь, присматриваясь друг к другу. Разговаривали о службе, работе. Иван признался, что никогда не ремонтировал пулеметы. Орипов добродушно рассмеялся, а затем стал разбирать пулемет и объяснять:

— Сначала проверь, нет ли патрона в патроннике, чтобы не было случайного выстрела. Потом сними пулемет с крепления. Вот так. Теперь отделяй возвратно-боевой механизм. А части клади на верстак в ряд, в порядке разборки...

Все оказалось просто. Иван сам продолжил разборку. А Орипов, понизив голос, стал расспрашивать о беспорядках на Путиловском заводе. Уходя, сказал:

— Если что-то непонятно, спроси у меня. Я работаю вон в том углу.

«С ним надо сойтись поближе»,— решил Иван и по нескольку раз в день подходил к Орипову с различными вопросами. Ремонт пулеметов требовал специальных знаний и опыта.

Орипов познакомил Газа со своим помощником — сибиряком Прохоровым, который дело свое знал превосходно и тоже помогал Ивану.

Постепенно дела с ремонтом пулеметов у Газа наладились. Старался он и на занятиях, особенно усердно учился стрелять из пулемета. За месяц живой и общительный Иван перезнакомился со всеми членами команды и некоторыми учащимися. По вечерам он шел туда, где толпились солдаты, плясал и пел вместе со всеми, часто состязался в быстрейшей разборке и сборке пулемета, в стрельбе из него. Однажды даже по-

бил результат Орипова. Потом занял первенство по школе оружейных мастеров.

Так пошла слава об Иване как о лучшем пулеметчике. Поручик представил его начальнику школы. Раз на стрельбы приехал начальник ораниенбаумского гарнизона генерал-лейтенант Филатов. Стреляла вся команда, результаты были высокие. Генералу отрекомендовали рядового Газа как хорошего мастера по ремонту пулеметов.

— Уметь быстро собирать и разбирать пулемет это еще не все,— сказал генерал.— Ну-ка посмотрим, как ты из него строчишь!

Иван четко изготовился.

— Цель номер двадцать! — приказал Филатов.

Иван знал, что до этой цели около двухсот метров. Быстро навел пулемет. Глаз у него был точный. Плавно нажал на спуск — и пулемет застрочил, поразив все тридцать пять мишеней.

Генерал одобрительно сказал:

— Молодец!

— Рад стараться, ваше превосходительство! — отчеканил Газа.

Филатов порылся в кармане и вручил Ивану серебряный целковый.

Ивану очень хотелось вырваться в Петроград: связаться с заводом, повидать семью. Но отпуска были категорически запрещены. Тогда он написал товарищам и домой письма. А недели через две, в солнечный воскресный полдень, к нему подошел Прохоров:

— Тебя кто-то спрашивает.

Газа выбежал на улицу и увидел в беседке незнакомого мужчину, который приветливо улыбался. Он взял Ивана под руку и, шагая по дорожке, спросил:

— Ну, как служится, Иван Иванович?

А когда отошли подальше от казармы, тихо сказал:
— Я ваш тезка — Иван Огородников, работаю на Путиловском литографом. Мы получили ваше письмо. Мне поручено установить с вами связь.
— Очень рад,— ответил Газа, присматриваясь к посетителю.
— Ах, да,— спохватился Огородников.— Вам низко кланяется Иван Григорьевич Егоров.
Газа радостно произнес:
— Иван Григорьевич — мой старый знакомый.
— А это вам от жены,— сказал Огородников, подавая маленькое, тщательно запечатанное письмецо.
Иван немедленно вскрыл его и, прочитав, облегченно вздохнул:
— Спасибо вам за весточку. Ну, а теперь расскажите, что у вас происходит. Ведь я отрезан от всего мира.
— У нас, Иван Иванович, зреет революция,— тихо сказал Огородников.— Война вконец измучила народ. На рабочих обрушилось много бедствий: нищета, разорение, голод, смерть. Завод бастует. Стачки идут во всем Питере, в Москве, Николаеве, Баку...
Слушая Огородникова, Иван вспомнил о заводе, о забастовках, демонстрациях... А Огородников продолжал:
— Понимаете, очень важно, чтобы армия не стреляла в рабочих, как в пятом году, а наоборот, перешла бы на нашу сторону. Это помогло бы превратить империалистическую войну в гражданскую. Здесь стоит 1-й пулеметный запасный полк. В нем девятнадцать с половиной тысяч солдат и полторы тысячи пулеметов. Царское правительство готовит полк для контрреволюционных целей. Нам, штатским, трудно проникнуть в казармы, чтобы развернуть агитацию среди солдат, а вы здесь человек свой, вам и карты в руки. Но действовать надо тонко, соблюдая конспиративность. За-

водите больше знакомств с людьми, на которых можно опереться.

Газа проявил себя как умелый конспиратор. Мало кто знал, что его стремление познакомиться с солдатами других частей вызвано не просто общительностью и любознательностью. Иван осторожно, но твердо и неуклонно занимался агитацией среди солдат. В своей мастерской он уже имел двух человек, на которых мог положиться,— Орипова и Прохорова.

Как-то, встретив Орипова утром в мастерской, Иван остановился и молча, внимательно посмотрел ему в лицо.

— Что вы на меня так смотрите? — спросил Орипов.

— Да вот, вспоминаю наш недавний разговор, Емельян Маккеевич.

Орипов, видимо, понял, о чем говорит Иван. Несколько недель назад, когда Иван подготовил для занятий учащихся детали пулемета, Орипов, осмотрев их, похвалил.

— Рад стараться,— сказал Иван, прищурившись.

— Так, ну а теперь скажи: как же насчет войны, а? Слышал, подговариваешь солдат против, а сам вот стараешься. Пулеметы отлично ремонтируешь. От генерала получил награду. Как это понять?

— Я считаю, что война это одно,— сказал Иван.— А солдатское старание — другое. О войне каждый думает по-своему. А плохо работать может только лентяй.

Он произнес эти слова спокойно, и потому они звучали неоспоримо. Помявшись, Орипов сказал, обращаясь к Ивану на «вы»:

— Ваши взгляды держите при себе. Войну объявил царь, ведет ее весь народ. И вы не имеете права выступать против нее. Выступая против войны, вы помогаете врагу.

Газа молчал. Видимо, Орипов почувствовал, что Иван не согласен с ним, и повысил голос:

— Помните, что вы солдат.

— Так точно,— сказал Иван с едва заметной усмешкой.— А что дает вам лично, Емельян Маккеевич, эта война? Что дает она вашей семье, вашим родным и близким? Вы задумывались над этим?

Орипов долго молчал, напряженно хмуря брови.

— Ладно, пусть будет так,— сказал он.— Но я, как старший группы, обязан предупредить вас: прекратите разговоры об этом с солдатами.

Спустя несколько дней, когда пришла весть об очередном поражении царских войск на фронте, их разговор на эту тему возобновился.

— Слышали, Емельян Маккеевич, о положении на фронте? — спросил Газа во время перекура.

— Да, дела неважные,— с горечью проговорил Орипов.— Ничего не поделаешь, видимо.

— Нет, надо кончать войну.

Лицо ефрейтора посуровело. Он отвернулся, помедлил, будто отклоняя предложенный разговор.

— Вы хорошо работаете, Газа, вот и старайтесь.

— А что толку? Надо думать о будущем.

— Вы думаете, его можно изменить? — спросил Орипов.— Каким же образом, по-вашему?

Иван улыбнулся, но сразу посерьезнел и тихо сказал:

— Обстановка в стране накаляется. Вот-вот вспыхнет революция...

Были у него и еще откровенные разговоры с Ориповым.

По вечерам и воскресеньям Иван встречался с пулеметчиками и старался сблизиться с ними.

Точно в условленное время Огородников приехал в Ораниенбаум снова и не один, а с младшим унтер-офицером.

— Вот знакомьтесь,— сказал он.— Федоров — тоже путиловец, служит в Стрельне, во 2-м пулеметном запасном полку. Будете действовать сообща, договоритесь о связях.

Поговорили минут десять. Огородников передал Ивану листовки. Спрятав их под гимнастеркой, Газа вернулся в казарму. Он был рад, что снова приобщился к большой и нужной работе. Но только успел взбежать на крыльцо, как появился Орипов и спросил Ивана:

— Что это за люди?

— Мои товарищи.

— С Путиловского?

— Да.

Подойдя к нему вплотную, Газа оглянулся и подал листовку:

— Прочитайте, здесь сказано, что делать.

Орипов развернул прокламацию и стал шепотом читать ее текст.

«Помните, товарищи солдаты, что только братский союз рабочего класса и революционной армии принесет освобождение порабощенному народу и конец братоубийственной бессмысленной бойне.

Долой царскую монархию! Да здравствует братский союз революционных армий с народом!»

Орипов одобрительно кивнул и спрятал листовку в карман...

В казарме солдаты беседовали о волнениях в Петрограде. Кто-то сказал, что, вероятно, войска пошлют усмирять рабочих.

Прохоров напомнил, что теперь не пятый год, что терпению людей есть предел. Иван незаметно передал ему прокламацию.

Через некоторое время Газа попросил у командира отделения разрешения навестить приятеля из четвертой пулеметной роты. Получив разрешение, Иван тот-

час побежал в соседнюю казарму. Попросил дневального вызвать Петриковского.

С этим немолодым солдатом Иван познакомился недели две назад, когда Петриковский прикатил в мастерскую неисправный пулемет. Пока офицер ходил к поручику договариваться насчет ремонта, Иван, осматривая пулемет, начал разговор с Петриковским. Солдат сначала отмалчивался, приглядываясь к Ивану, потом вдруг сказал ему на ухо:

— Ты, хлопец, еще под стол пешком ходил, когда я приобщился к пропагандистской работе. Ты кто?

— Я путиловец,— с гордостью ответил Газа.

— Получишь что-нибудь важное из Питера,— сообщи мне,— сказал на прощанье Петриковский.— Ну, бывай, друже...

Они встретились еще раз, когда Петриковский приходил за исправленным пулеметом, и познакомились ближе.

Газа передал ему три листовки. Петриковский спрятал их под гимнастерку:

— Не сомневайся, у меня есть надежные люди.

После дождливой, слякотной осени пришла суровая зима. Во второй половине февраля опять приехал Огородников. Пожимая его холодную жесткую руку, Иван ждал, что тот скажет. Огородников, опасливо оглянувшись по сторонам, сообщил:

— В городе голод, не хватает хлеба, топлива. Страшная дороговизна. Рабочие возмущены. Забастовочное движение ширится и местами переходит в открытые бои с полицией.

Он закашлялся, содрогаясь всем телом. Затем извинился, отдышался и продолжал:

— Тринадцатого февраля у нас состоялся митинг. Большевики призывали заканчивать войну, свергнуть царское правительство, взять власть в свои руки. Четырнадцатого состоялась грандиозная демонстрация.

Среди демонстрантов были и солдаты. А как у вас дела?

— Все в порядке,— ответил Иван.— Связь со всеми подразделениями налажена.

Условились, что в случае еще более серьезного поворота событий Огородников известит об этом Ивана. Он приехал 26 февраля, в сумерках, радостный и возбужденный.

— Дождались! — закричал, обнимая Ивана.— В городе восстание. Бастует весь Петроград. Мы разогнали на заводе полицейских. Выставили свою охрану. Создали временный революционный комитет. Организуется боевая дружина. Я приехал к вам с особым поручением: поднимай солдат, Иван Иванович. Вот воззвание Петроградского комитета большевиков.

Он передал Ивану пачку листовок.

— У нас все готово,— сказал Иван.— А как солдаты в других частях?

— Постепенно переходят на сторону революции. Четвертая рота Павловского полка дважды открывала огонь по полиции.

— Мы их поддержим.

Иван вернулся в мастерскую и подошел к Орипову:

— Важные новости, Емельян Маккеевич. В Петрограде революция! Вот прислали воззвание Петроградского комитета большевиков. Призывают нас выступить в поддержку рабочих.

Газа дал ему листовку, и Орипов сразу стал читать.

— Когда выступать? — спросил он, бережно складывая листовку.

— Выступление надо хорошо подготовить, чтобы действовать всем одновременно. Мне нужно кое-кого повидать.

Времени было мало. Газа направился к Петриковскому.

— Медлить нельзя,— сказал ему Газа.— Когда можем выступить?

— Завтра утром. Сейчас созову товарищей и все обсудим.

Иван, сдерживая радость, обходил роты, беседовал с товарищами, давал указания... В казарму вернулся перед самым отбоем. На крыльце его поджидал взволнованный Прохоров.

— Иван, тебе грозит опасность,— шепнул он.

Газа остановился.

— Я стоял в коридоре,— продолжал Прохоров,— и слышал, как в кабинете поручик и унтер говорили о твоем аресте. Они хотят двинуть против технической команды учащихся школы оружейных мастеров. Поостерегись.

— Поздновато спохватились,— сказал Газа, усмехаясь.— Школа заявила о своем нейтралитете. Что у нас?

— Митингуют. Поручик уговаривает, чтоб не бунтовали.

Иван бегом бросился вверх по лестнице. Прохоров побежал за ним.

В казарме полукругом стояли солдаты и слушали, что говорил поручик:

— Большевики вводят вас в заблуждение. Волнения в войсках будут жестоко подавлены. Вас разоружат и арестуют. Активистов расстреляют, остальных сошлют в Сибирь на каторгу. Вы нарушаете присягу.

Газа подошел к нему и резко сказал:

— Присягали? Кому? Царю, который залил кровью Россию, против которого восстал народ? Народ не сегодня-завтра свергнет его с престола. В Петрограде началась революция. Она освободит нас от присяги царю. Остается отечество, да? Земля наша? Родина? Так мы верны своему отечеству. Присяга обязывает нас навести порядок на родной земле. Это мы готовы вы-

полнить. И будем наводить справедливый порядок на российской земле. Будем драться со всеми, кто нам мешает.

— Правильно, Газа! Верно! — закричали солдаты.

— Я полагаю, господин поручик, вам здесь больше нечего делать,— сказал Иван и посмотрел на унтер-офицера, который стоял поблизости с винтовкой.— А вы, господин унтер-офицер, поставьте винтовку в пирамиду и тоже уходите, пока целы.

Выпроводив поручика и унтера, он громко сказал солдатам:

— Товарищи! Рабочие Петрограда ждут нашей помощи. Согласны?

— Согласны! — закричали несколько человек.

— А может, немного подождем,— засомневался Орипов.— Пусть тронется какой-либо полк, тогда и мы двинемся. Если мы первые выступим, нас могут отрезать и перебить.

Некоторые поддержали его.

Всю ночь солдаты технической команды обсуждали положение. Послали делегатов к пулеметчикам. Они, вернувшись, доложили: пулеметчики тоже митингуют, выбирают полковой солдатский комитет, ждут известий из Петрограда.

Утром 27 февраля стало известно, что на сторону восставших перешел Волынский полк. Все обрадовались, заулыбались.

— Молодцы волынцы! — оживленно воскликнул Газа, оглядывая товарищей сияющими глазами.— Не побоялись выступить первыми, не то что мы. Ждать дальше нельзя.

Орипов молчал. А Прохоров предложил избрать командиром команды Ивана Газа. Руки подняли все.

— Спасибо за доверие, товарищи! — сказал Иван.— Ну, раз избрали меня командиром, то слушайте мой приказ: взять оружие и патроны. Выходи строиться!

Солдаты быстро расхватали винтовки, набили подсумки патронами, встали в строй. Прохоров прикрепил к палке красное полотнище. Иван вывел команду на улицу, запел:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Песню подхватили, и она торжественно разнеслась в морозном воздухе:

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

На улице техническую команду уже поджидала 4-я рота пулеметчиков. Разгромив цейхгауз, она вооружалась гранатами, наганами, маузерами. Солдаты опоясались пулеметными лентами, пели революционные песни. Петриковский, пожимая Ивану руку, сказал:

— Вот и дожили до светлого дня.

— А где остальные роты? — спросил Газа.

— Еще митингуют, но все будет в порядке!

Иван заметил, что из обоих карманов шинели Петриковского торчат рукоятки наганов:

— Будь другом, подари один.

— Это можно,— сказал Петриковский и подал Ивану новенький наган.

К вечеру восстал почти весь ораниенбаумский гарнизон. Восставшие приняли решение немедленно ехать в Петроград.

Построились в колонну: техническая команда впереди, за ней 1-й пулеметный запасный полк в полном снаряжении с повозками и кухнями. Полковой оркестр заиграл марш. Шли весело, ничего не опасаясь. И вдруг у станции раздалась пулеметная очередь. Засвистели пули. Иван крикнул:

— Ложись!

Солдаты кинулись в канавы, но несколько человек упали, обливаясь кровью.

Иван установил, что пулеметы спрятаны за оградой станции, и дал задание двум группам солдат уничтожить расчеты противника.

Когда солдаты подошли к станции, встал вопрос: стоит ли ехать в Петроград по железной дороге, которая находилась в руках полиции? Поезд могли пустить под откос.

Газа предложил идти походным порядком.

— Сорок километров не так уж много,— сказал он.— За ночь дойдем. Зато к нам могут присоединиться восставшие части в Петергофе и Стрельне.

Все согласились с ним. В час ночи двинулись по шоссейной дороге на Петергоф.

Газа то шел впереди своей команды, держа винтовку на плече, то шагал рядом с Петриковским, который принял командование полком, то вставал в строй и маршировал вместе со всеми. Потом запел:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами...

А кругом выла метель, заметая дорогу снегом. Деревья, стоявшие по краям дороги, тревожно раскачивались. Слева во мгле угадывалось ледяное поле Финского залива, справа темнел лес, впереди мелькали желтоватые огоньки Петергофа.

Для того чтобы узнать обстановку в Петергофе, Иван посоветовал Петриковскому выслать разведчиков. Трое солдат сели на коней и поскакали вперед. Еще час колонна шла, не имея сведений. Наконец близ Петергофа показались возвращавшиеся разведчики. Они доложили, что в городе спокойно, воинские части еще не выступили. Петриковский приказал прибавить шагу.

Через четверть часа вошли в Петергоф и остановились возле казарм стрелкового полка. Железные ворота открылись, на улицу высыпали солдаты. К Петриковскому подошел бородатый офицер. Они обнялись, как старые товарищи. Петриковский сказал Ивану:

— Знакомься, Газа. Поручик Дашкевич, большевик.

Иван выступил перед солдатами с речью. Рассказав о революционных событиях в Петрограде и Ораниенбауме, он обратился с призывом:

— Товарищи солдаты! Становитесь в наши ряды! Долой царское самодержавие! Да здравствует революция!

В другом месте ораторствовали Петриковский и Дашкевич. А когда колонна двинулась дальше, то к ораниенбаумцам примкнули воинские части Петергофа.

Вторую остановку сделали под утро в Стрельне.

2-й пулеметный запасный полк примкнул к восставшим войскам. Колонна растянулась на двадцать километров. Теперь на Петроград шло не менее шестидесяти тысяч человек. В пути Газа познакомился еще с несколькими большевиками. «Оказывается, нас много,— с гордостью думал он.— Поскорее бы соединиться с путиловцами». Он оглянулся и крикнул:

— Быстрее, товарищи! Быстрее!

Прибавили шаг. Но некоторые устали, скользили, спотыкались. Взмыленные кони храпели.

Вдруг разведчики доложили:

— Навстречу движется большая толпа.

— А солдат не видно? — спросил Иван.

— Нет,— ответили разведчики.

Вскоре Иван и сам увидел толпу рабочих, человек двести, которые медленно и не особенно уверенно двигались навстречу. «Наверно, они не знают, кто мы»,— предположил Иван и велел Прохорову поднять красный флаг.

Увидев флаг, рабочие пошли быстрее, а передние почти побежали. Сошлись у Шереметьевской дачи, бросились обнимать друг друга.

Лицо одного из рабочих, стоявшего в центре, показалось Ивану знакомым. Рабочий тоже несколько мгновений присматривался к Газа.

— Иван Григорьевич! — радостно закричал Газа, узнав Егорова, и обнял его.

— Здравствуй, Ваня! — растроганно воскликнул Егоров.— Едва узнал тебя.

Егоров сообщил:

— А у нас переполох. Только собрались выбирать депутатов в Петроградский Совет, как пронесся слух: на Петроград идут войска. Все встревожились. Ну, я и повел рабочих, чтобы выяснить обстановку. Хорошо, что вы пришли! Прямо гора с плеч.

Здесь же, на шоссе, состоялся короткий митинг, затем все двинулись к заводу. Егоров, шагая рядом с Газа, торопливо рассказывал:

— А меня, знаешь, из тюрьмы направили в штрафной батальон. Воевал. Был тяжело ранен и демобилизован.

Подходя к заводу, полковой оркестр заиграл «Марсельезу». Солдаты приветственно махали встречавшим путиловцам, кричали:

— Восставшим рабочим — ура-а!

В ответ путиловцы бросали вверх шапки и тоже кричали:

— Братьям-солдатам — ура-а!

У всех были счастливые лица. Некоторые обнимали и целовали солдат.

Рабочие дали солдатам красные ленты. Солдаты обвили ими винтовки и пулеметы. Путиловцы выносили из домов ломти хлеба, вареную картошку, махорку. Женщины выставили на улице самовары и поили солдат чаем.

Ивана совсем затискали рабочие; многие знали его, и каждый хотел обнять, поцеловать или хотя бы похлопать по плечу. Потом, растолкав всех, к нему кинулась Клава, повисла у него на шее:

— Ванюша, родной! Живой!

Подошел отец, поздоровался с Иваном. Заметив на нем разбитые сапоги, тут же стал разуваться:

— Надень мои!

Иван запротестовал.

Большевики поставили перед солдатами задачу — очистить Нарвский район от контрреволюционных сил. Войска с рабочими двинулись в город. Двое суток Газа вместе со всеми очищал район от полицейских, освобождал политических заключенных из тюрем, выступал на митингах перед колеблющимися полками. И под конец так устал, что, присев на запорошенную снегом ступеньку крыльца, тотчас уснул... Очнулся в госпитале — обморожены ноги. Провалявшись больше месяца, он вернулся за Нарвскую заставу.

9

2 апреля Газа, прихрамывая, явился в районный комитет партии и доложил:

— Прибыл в ваше распоряжение. Хочу вступить в партию.

Ему предложили написать заявление о приеме в РСДРП(б). 3 апреля вся партийная организация заставы собралась в пустующем помещении старой путиловской церкви. Большевики хорошо знали Газа и приняли его в партию единогласно. Наконец-то осуществилась давнишняя мечта Ивана Ивановича. И он, взволнованный, радостный, сказал:

— Отдам всю душу и сердце ленинской партии. Какие бы ни дали мне поручения — выполню с честью.

Егоров, поздравляя его, сказал:

— Вот тебе партийное задание: добейся, чтобы башенная снова стала большевистской.

— Добьюсь,— ответил Газа...

Собрание заслушало отчеты представителей Петербургского и районного комитетов партии, затем перешло к вопросу о текущих делах. В этот момент прибежал дежурный по райкому:

— В Петроград приезжает Ленин!

Зал возбужденно загудел. Послышались вопросы: «На какой вокзал?», «Когда прибывает поезд?».

— Сегодня в одиннадцать часов десять минут вечера... На Финляндский вокзал...

До прибытия поезда оставалось несколько часов. Но прения сами собой прекратились, и собрание решили закончить, чтобы вечером организованно пойти встречать Ленина.

Ивану очень хотелось встретить Ильича, но он не мог пойти — все еще болели ноги. Проводив до Нарвских ворот более чем двухтысячную колонну путиловцев, стал ждать ее возвращения.

Товарищи вернулись только под утро, усталые и счастливые. Собрались все в райкоме партии. Стали наперебой рассказывать, как Ленин вышел из дверей вокзала, поднялся на броневик, как два ярких луча прожекторов прорезали апрельскую темноту, скользнули по площади, залитой людьми, и сошлись над броневиком, освещая коренастую, крепкую фигуру Ильича, как загремели оркестры, прокатился мощный гул приветствий: «Да здравствует Ленин!», «Привет вождю рабочего класса!».

— Ну а что говорил Ленин? — спросил Газа.

— Владимир Ильич произнес речь,— сказал Огородников.— Он приветствовал рабочих и солдат, не только освободивших Россию от царского деспотизма, но и положивших начало мировой социалистической революции. Свою речь Ленин закончил вдохновенным при-

зывом: «Да здравствует социалистическая революция!»

«Значит, то, что мы совершили, еще не полная победа,— думал Иван.— Победа впереди. Наступает новый этап борьбы».

— Мы провожали Ленина от Финляндского вокзала к зданию Петербургского комитета партии,— добавил Вася Алексеев.— К дворцу Кшесинской на Петроградской стороне. Шли с революционными песнями, красными знаменами. У дворца долго не расходились.

7 апреля «Правда» опубликовала ленинские «Апрельские тезисы». Иван внимательно, несколько раз, с карандашом в руках, прочитал их. Тезисы давали четкую оценку обстановки, боевую программу действий, вселяли веру в победу. Особенно запали в сознание Ивана слова:

«Своеобразие текущего момента в России состоит *в переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства».

9 апреля в заводской столовой состоялось общее собрание партийной организации Нарвской заставы. Оно обсудило «Апрельские тезисы». Собравшиеся горячо поддержали их. Газа радовался, что товарищи проявили единодушную готовность бороться за социалистическую революцию.

Однако вскоре он узнал, что не все большевики разобрались в «Апрельских тезисах». Один из секретарей Петербургского комитета — С. Я. Багдатьев, у которого Газа когда-то учился в кружке, хотя и заявил, что «тезисы Ленина правильны в основе», тем не менее поддержал версию Каменева о незаконченности буржуазно-демократической революции в России и нереальности перехода к социалистической революции. Без какой-либо серьезной аргументации он настаивал

на исключении из тезисов Ленина ряда пунктов, например пункта о Республике Советов.

«Как он мог так выступать? — возмущался Газа.— Неужели действительно подпал под влияние Каменева?»

...Газа опять стал работать в башенной мастерской. Люди трудились усердно. Но старых рабочих там осталось мало. Основную массу составляли новички. Среди них много кулаков и лавочников, спасавшихся от мобилизации, меньшевиков, возглавляемых Кузьминым, который был председателем Нарвского районного Совета и депутатом Петроградского городского Совета. Вели вредную агитацию эсеры.

Иван понимал, что нужно как можно быстрее вырвать рабочих из-под влияния меньшевиков и эсеров. Он выступил на партийном собрании цеховой большевистской организации и предложил использовать предстоящие выборы в цеховой комитет для того, чтобы сделать башенную большевистской.

В день выборов в мастерскую пришел Антон Васильев, председатель заводского комитета. Разговаривая с рабочими, он разъяснял политику большевистской партии, затем выступил на собрании с речью. Большевистскую фракцию в цехкоме возглавил Газа. Кузьмин и его сторонники эти выборы, попросту говоря, прозевали.

Цехком энергично взялся за дело: улаживал конфликты рабочих с администрацией, заботился об улучшении условий труда. Когда начальник мастерской попытался уволить одного революционно настроенного слесаря, комитет решительно встал на защиту рабочего. Члены цехкома заявили администрации, что без согласия цехкома не будет осуществляться ни прием на работу, ни увольнение.

Авторитет комитета повышался. Меньшевики и эсеры, спохватившись, стали баламутить рабочих, дока-

зывая, что действия цехкома незаконны. Тогда Газа внес предложение очистить башенную от чуждых людей. Создали специальную комиссию. Через несколько дней из мастерской уволили больше двадцати контрреволюционеров. Атмосфера сразу улучшилась.

18 апреля (1 мая) рабочие Путиловского завода, как и все трудящиеся России, свободно праздновали День международной солидарности трудящихся. На кумачовых полотнищах были написаны призывы: «Да здравствует 1 Мая!», «Мир без аннексий и контрибуций!», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Утром 20 апреля на Путиловском получили газеты с нотой министра иностранных дел Милюкова, в которой Временное правительство заверяло правительства Англии и Франции в том, что Россия будет выполнять обязательства в отношении своих союзников с целью «довести мировую войну до решительной победы». Газа сейчас же собрал башенцев на митинг. С трибуны рабочие взволнованно кричали:

— Нас обманывают! Долой грабительскую войну! Нам нужен мир!

Из цеха Иван повел башенцев на общезаводской митинг, который продолжался до одиннадцати часов ночи. А на другой день в шестом часу вечера путиловцы вышли на демонстрацию. Вместе со всеми шел Газа. К путиловцам присоединились рабочие других предприятий. Демонстранты требовали немедленного прекращения войны и заключения мира. Но меньшевистско-эсеровский Совет отказался поддержать эти требования. Колонна направилась на Невский. На Садовой на нее набросились вооруженные юнкера. В стычке был убит молодой рабочий Павел Селезнев, несший знамя. Заводским дружинникам удалось оттеснить юнкеров.

Ситуация была острой. Страна находилась на волосок от гражданской войны. Возник первый после

Февральской революции политический кризис. Центральный Комитет партии собрался на экстренное заседание. В принятой 21 апреля (4 мая) резолюции, предложенной В. И. Лениным, разоблачались соглашательская тактика эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета и клевета относительно «угроз» большевиков развязать гражданскую войну. ЦК обязал всех партийных агитаторов призывать рабочих и солдат к организованному выражению своей воли на митингах, к мирным демонстрациям, к перевыборам депутатов Советов.

Газа прочитал рабочим резолюцию ЦК и высказал свое мнение. Он резко критиковал ошибочную политику меньшевиков и эсеров, призвал рабочих отозвать депутатов Совета, которые поддержали Временное правительство.

Зайдя в завком, Газа встретил там Антона Васильева и Сергея Багдатьева. Они о чем-то спорили. На столе лежала стопка листовок.

— Вот, почитай,— сказал Ивану Васильев.— Кое-где уже успели распространить.

Газа взял листовку, подписанную Петербургским комитетом РСДРП(б), и стал читать. В ней выдвигался лозунг «Долой Временное правительство!».

— Но ведь Ленин предостерегает нас от этого преждевременного шага,— сказал Иван.— Временное правительство опирается на Советы, а в Советах большинство составляют меньшевики и эсеры. Вот когда Советы станут большевистскими, тогда настанет время для активных действий против Временного правительства.

— Правильно, Иван Иванович,— поддержал Васильев.

Багдатьев еще раз с нажимом спросил:

— Значит, отказываетесь распространять?

— Решительно отказываемся,— сказал Васильев.— Вы призываете к авантюре...

Через несколько дней Газа узнал, что эта листовка была выпущена Багдатьевым и его группой самовольно. Центральный Комитет, по предложению Ленина, осудил этот авантюристический призыв.

Чтобы удержать свои позиции, путиловские меньшевики и эсеры решили устроить 12 (25) мая заводской митинг и пригласили на него своих лидеров. Иван, узнав об этом, решил посоветоваться с Антоном Васильевым.

— Пусть собираются,— сказал тот.— Мы примем меры.

На митинг собралось тысяч двадцать рабочих. Кузьмин, торжественно открыв его, предоставил слово министру земледелия Чернову.

Чернов начал свою речь с изложения сказки Пушкина о рыбаке и золотой рыбке.

— Большевики напоминают мне эту жадную, неразумную старуху,— заявил он.— Им все мало: и свободы, и власти. Они тянутся к деспотизму, как дети к огню, не думая об опасности, не видя пропасти, в которую вовлекают страну.

Развязный тон Чернова и эта клевета возмутили Ивана, и он гневно крикнул:

— Вы все врете! Хватит сказки рассказывать!

Отовсюду понеслись крики:

— Долой войну!

— Мы хотим мира и хлеба! Хватит!

Чернову не дали дальше говорить, и ему пришлось покинуть трибуну.

В это время Иван увидел, что по двору быстро идет коренастый человек, сопровождаемый Егоровым, Васильевым и другими большевиками. Рабочие радостно зашумели:

— Ленин прибыл! Ульянов Владимир Ильич!

Потом все стихло. На трибуну поднялся В. И. Ленин. Люди приветствовали его аплодисментами. Несколько секунд он молчал; слегка наклонившись вперед, вглядывался в лица. Потом поднял руку с зажатой в ней кепкой:

— Товарищи рабочие-путиловцы! — услышал Иван приятный, с картавинкой голос.

Ленин начал излагать взгляды большевиков на войну, мир и на коалиционное правительство. В этот момент его прервал чей-то крик: «Вы лучше расскажите, как вас везли в запломбированном вагоне!» Ивана захлестнуло возмущение. Однако Владимир Ильич, закончив мысль и секунду помолчав, спокойно рассказал о причинах своей поездки из Швейцарии через Германию в Россию. Затем перешел к вопросу о войне и разъяснил ее грабительскую сущность.

Воцарилась тишина. Каждое слово Ленина доходило до самых дальних рядов. Чувство, которое испытывал в те минуты Иван, можно определить одним словом: радость. Газа жадно слушал Ильича и радовался, видя вокруг просветленные лица рабочих. Знал, что теперь они лучше разберутся в событиях, что навсегда запомнят слова Ленина о мире, о земле, о власти Советов и рабочем контроле. Радовался, что вернулся на родной завод, работает в таком огромном коллективе и состоит в партии, созданной Ильичем. Пожилой рабочий, стоявший рядом с Иваном, подбросив кверху картуз, крикнул:

— Вот это здорово! Земля-то будет наша!

Поднялся могучий шквал одобрительных возгласов, приветствий, аплодисментов. Огромная масса путиловцев сопровождала Владимира Ильича до Нарвских ворот.

Выступление Ленина произвело сильное впечатление на Ивана. Где бы ни собирались башенцы — на митингах, собраниях, в цеховом комитете или возле стан-

ков, он всем разъяснял ленинские призывы, разоблачал меньшевиков и эсеров.

Влияние соглашателей на заводе было подорвано. Но они все еще главенствовали в Советах.

Значительное большинство меньшевики и эсеры имели и на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, который открылся 3 июня. Съезд обсуждал важнейшие вопросы, в том числе вопрос о власти. Большевики принимали активное участие в его работе. С трибуны съезда дважды (4 и 10 июня) выступал Ленин. Его речи об отношении к Временному правительству и к войне, заявление о готовности партии большевиков взять на себя ответственность за организацию государственной власти произвели на всех сильное впечатление. Но большевики имели на съезде всего 105 делегатских мандатов из 1090. Поэтому для поддержки своих призывов ЦК РСДРП(б) принял решение провести массовую демонстрацию с большевистскими лозунгами.

На подготовку демонстрации были брошены все силы петроградских большевиков. Газа энергично готовил рабочих. Но обстановка неожиданно резко изменилась. Вечером 9 июня эсеро-меньшевистское большинство съезда запретило демонстрацию. В ночь на 10 июня ЦК партии отменил ее. Ранним утром 10 июня в рабочих кварталах и солдатских казармах выступали на десятках митингов члены ПК, райкомов партии, Военной организации. Они убеждали возбужденных рабочих, успокаивали самых горячих. Но недовольство рабочих позицией эсеро-меньшевистских лидеров росло. Всероссийскую политическую манифестацию съезд назначил на 18 июня. Меньшевики и эсеры надеялись провести ее под соглашательскими лозунгами.

В этот день по улицам Петрограда организованно прошли колонны рабочих, солдат и матросов. Почти полмиллиона демонстрантов! Газа шел во главе башен-

цев. Демонстрация показала, что пролетариат в подавляющем большинстве поддерживает большевистские лозунги.

Вместо намеченной эсерами и меньшевиками манифестации доверия Временному правительству произошел внушительный смотр сил революции...

Временное правительство не решило ни одного из назревших вопросов. Вместо прекращения войны на фронте шла подготовка к наступлению. Усилился голод — в Петрограде хлебный паек был уменьшен до трех четвертей фунта. Крестьяне не получили земли. Многие капиталисты стали закрывать предприятия. В стране назревал серьезный политический кризис.

В полдень 3 июля к Ивану пришел знакомый солдат из 1-го пулеметного полка. Он сообщил:

— Плохи наши дела, Иван. Из нашего полка формируют маршевые роты для отправки на фронт.

— Вот как! — удивился Иван.— И что же вы решили?

— Хотим выступить с требованием передачи всей полноты власти Советам. Меня послали узнать твое мнение об этом.

Газа задумался, потом сказал:

— По-моему, выступление преждевременно. В Советах все еще большинство составляют меньшевики и эсеры. Вряд ли вас поддержит вся армия. Деревня тоже не готова.

Солдат ушел, а через три часа на завод приехала делегация пулеметчиков. Как раз в это время пришла на работу вторая смена. Собралось много народа. На трибуну поднялся пулеметчик и решительно сказал:

— Путиловцы должны выйти первыми! За вами пойдут другие заводы. И мы наконец принудим Совет взять власть в свои руки.

Послышались крики:

— Правильно! Хватит ждать!

Толпу охватило необычайное возбуждение. Ивану казалось, что она вот-вот хлынет на улицы.

На трибуну поднялся Егоров, за ним Васильев и другие большевики. Они попытались убедить собравшихся, что выступление преждевременно. Но люди не хотели слушать об этом. Тогда Васильев предложил послать делегацию рабочих завода на 2-ю Петроградскую конференцию РСДРП(б), чтобы выяснить положение. Делегатом избрали Васильева. Он уехал. Путиловцы, увлекаемые пулеметчиками, несколько раз пытались выйти на улицу. Егоров, Газа и другие большевики, охваченные беспокойством, увещевали их:

— Подождите, вот-вот вернется делегат и все решится.

Наконец прибежал запыхавшийся Васильев. Пробрался к трибуне и громко объявил:

— Петроградская большевистская конференция призывает вас на улицу не выходить.

Но дальше Васильеву не дали говорить. Шумная двадцатипятитысячная толпа, митинговавшая беспрерывно семь часов, двинулась к Таврическому дворцу.

Иван шагал с рабочими башенной. Хотя он и понимал, что эта демонстрация преждевременна, но надеялся, что ему удастся ввести стихийно начавшееся выступление в мирное русло.

В глухую полночь подошли к Таврическому дворцу. Большие окна были освещены — шло заседание президиума ЦИК Совета. Окружив дворец, путиловцы направили делегацию с требованием: Совет должен взять власть в свои руки и арестовать Временное правительство. Но меньшевистско-эсеровское большинство отказалось выполнить требование рабочих.

Путиловцы не ушли. В разных местах огромной толпы вспыхнули митинги, затем рабочие избрали новую делегацию из представителей всех цехов; от башенной мастерской выдвинули Газа.

Делегация вошла в огромный, освещенный люстрами зал. Из-за председательского стола встал меньшевик Чхеидзе и сказал:

— Здесь уже были путиловцы.

— Тогда были выбранные на заводе, а нас выбрали здесь,— заявили ему рабочие.— Вот резолюция путиловцев.

Чхеидзе принял резолюцию и, высокомерно взглянув на представителей рабочих, неопределенно проговорил:

— Ну что ж, посмотрим.

Вместе с делегацией он вышел на крыльцо, с минуту смотрел на шумевшую толпу и ушел, не сказав ни слова.

До утра простояли путиловцы у дворца. Не дождавшись ответа, недовольные, вернулись обратно.

Иван пошел прямо на завод. Там, во дворе, снова толпились люди. Газа прошел в башенную. Вокруг него сейчас же собрались рабочие. Он рассказал о событиях минувшей ночи и предательской тактике меньшевиков и эсеров.

В три часа дня Путиловский завод опять выступил. Газа, как и накануне, шел с башенцами.

У Нарвских ворот к колонне присоединились кронштадтские моряки, рабочие других предприятий. Огромная человеческая лавина двинулась к центру столицы.

Но когда демонстранты пересекали Сенную площадь, с церковной колокольни раздались выстрелы. Кто-то упал на мостовую, полилась кровь на камни. Люди метнулись в стороны. Красногвардейцы стащили с колокольни офицеров и нескольких солдат.

Весь дальнейший путь был тревожным. Колонну обстреляли у Апраксина переулка, на Невском проспекте — у Садовой, на Литейном проспекте — у Кирочной. Однако рабочие пробились к Таврическому и,

войдя в зал заседаний, вновь предъявили свои требования. И опять ничего не добились.

А когда шли обратно по Лиговскому проспекту, путиловскую демонстрацию пыталась разогнать какая-то небольшая воинская часть, верная Временному правительству. Увидев направленные на товарищей штыки и пулеметы, Иван понял, что может произойти кровопролитие. Он попытался уговорить солдат не стрелять. Но офицер, сидевший на коне, выхватил саблю и двинул часть на путиловцев. Тогда Газа побежал к красногвардейскому отряду и, развернув его в цепь, смело повел в контратаку. Солдаты попятились, а потом побежали, бросив пулемет. С этим трофеем путиловцы вернулись на завод. В этот день даже самые отсталые рабочие поняли, что соглашатели, допустившие расстрелы демонстраций, являются их врагами.

Буржуазия с помощью меньшевиков и эсеров спешила расправиться с революционным пролетариатом и ее авангардом — ленинской партией. Против большевиков развернулась бешеная кампания клеветы, травли и террора. За Нарвской заставой и на других рабочих окраинах шли обыски и аресты, у красногвардейцев отбирали оружие. 5 июля юнкера разгромили редакцию «Правды». В. И. Ленин за несколько минут до их налета успел уйти из редакции. 6 июля были устроены погромы в типографии «Труд» и в особняке Кшесинской, где помещались ЦК, ПК и Военная организация большевиков. Многих партийных работников арестовали. Юнкера убили рабочего большевика И. А. Воинова. Временное правительство отдало приказ об аресте Ленина.

Разгул контрреволюции нарастал. 9 июля были разгромлены помещения Союза металлистов, Литейного и Петроградского райкомов большевиков. В июле закрыли многие большевистские газеты.

При прямом содействии меньшевиков и эсеров

власть в стране перешла в руки контрреволюции. Во главе правительства стал Керенский, который провозгласил своей программой борьбу с революцией и большевиками, укрепление власти буржуазии и продолжение войны. Советы превратились в бесправный придаток Временного правительства. Двоевластие кончилось. Мирный переход власти к Советам, за который боролись большевики, стал невозможен.

Но буржуазия рано торжествовала. Вопреки всем проискам контрреволюции и соглашателей партия большевиков превратилась в массовую легальную рабочую партию. Большевики активно работали в Советах, фабзавкомах, солдатских и крестьянских комитетах — во всех организациях трудящихся.

В конце июля на Путиловском заводе назначили выборы в Нарвский районный Совет. На собрании в башенной после отчета Кузьмина возмущение рабочих дошло до предела. Собравшиеся гневно кричали ему:

— Соглашатель! Предатель!

Газа поднялся на трибуну и рассказал, как меньшевики и эсеры сотрудничают с Временным правительством, предают рабочий класс.

— Вы, Кузьмин, и ваша партия ответственны за выстрелы на Сенной и Литейном, за кровь, пролитую на углу Невского и Садовой. Вы и ваша партия — изменники!

С «галерки» кто-то настойчиво подсказывал насчет аннексий и контрибуций:

— Они, соглашатели, спят и видят Дарданеллы. А зачем нам эти Дарданеллы?! Пусть сами буржуи воюют.

На трибуне рядом с председательствующим Антоном Васильевым появился Куренков, грохнул кулаком о перила.

— Хватит разводить канитель! Отобрать у Кузьмина мандат. Выберем надежного большевика.

Старик Шерстнев сказал:

— Самый надежный у нас Иван Газа. Выберем Газа!

— Голосую,— сказал Васильев.

Сотни рук взметнулись в воздух. Газа встал и сказал, что доверие рабочих оправдает.

10

Каждый день приносил все новые сведения о наступлении реакции, заставлявшие Ивана тревожно думать о будущем. По вечерам он шел в райком.

26 июля в Петрограде открылся VI съезд партии. Его делегаты Иван Егоров, Антон Васильев и товарищ Газа по ремесленному училищу Вася Алексеев рассказывали о работе съезда, о том, что его почетным председателем избран Ленин, который руководил съездом из подполья, разрабатывал важнейшие документы.

Два раза Иван, сжимая в кармане рукоятку нагана, патрулировал ночью вместе с другими рабочими около домов на Ново-Сивковской улице и Петергофском шоссе, где проходили последние заседания съезда.

Материалы съезда каждый день публиковались в газете «Рабочий и солдат». По утрам Иван покупал эту газету и читал ее вслух рабочим.

Спустя неделю после закрытия съезда, 11 августа, на завод пришел посланец Петербургского комитета партии Серго Орджоникидзе. Актив партийной организации завода собрался в старом путиловском театре. Сюда пригласили и Газа.

Он сидел в ближнем ряду и внимательно слушал докладчика. Орджоникидзе говорил о решениях съезда партии, которые нацеливали на подготовку пролетариата и беднейшего крестьянства к ликвидации диктатуры контрреволюционной буржуазии.

Серго говорил горячо, энергично взмахивая большими и сильными руками.

Он рассказал о том, что VI съезд подтвердил верность партии ленинскому курсу на победу социалистической революции в стране, разоблачил попытки оппортунистов ревизовать принятые Апрельской конференцией решения. Победа социалистической революции в России неизбежна. Только она поможет вывести страну из экономической разрухи, из империалистической войны, поможет сохранить национальную независимость и целостность России. Лозунг «Вся власть Советам!» временно снимается, но это не означает отказа от работы в Советах. Рабочим надо напрячь все силы для взятия государственной власти, готовиться к вооруженному восстанию.

Серго продолжал:

— Перед нами открывается широкий победный путь!

Эти слова он повторил несколько раз.

Газа понимал: победа в сплочении, в организации всего народа против контрреволюции. Понимали это и его товарищи.

В президиум посыпались предложения немедленно созвать общезаводской митинг. Серго охотно согласился выступить на нем с докладом.

В три часа дня у трибуны в центре завода собрался многотысячный митинг. Газа привел сюда башенцев.

Орджоникидзе поднялся на трибуну и улыбнулся, оглядев собравшихся.

— Хо-рош митинг,— одобрительно сказал он и начал свою речь.

Он обличал предательство меньшевиков и эсеров, разъяснял задачи рабочих.

— Вы, путиловцы, пролетарии, должны позаботиться, чтобы солдаты и крестьянская беднота поддержали вас в решительный момент борьбы,— говорил он.— Когда за пролетариатом пойдет весь народ, тогда победа будет обеспечена...

Обстановка в стране все более накалялась. Для разгрома революционной столицы Временное правительство начало переговоры с Корниловым о посылке войск на Петроград. Корнилов потребовал передать ему всю полноту военной и гражданской власти в стране. Он подготовил конный корпус ярого монархиста генерала Крымова и двинул войска к Петрограду.

Грозная опасность всколыхнула народные массы. Большевистская партия подняла трудящихся на борьбу против Корнилова. На Путиловский завод вновь пришли Серго Орджоникидзе и Антонов-Овсеенко. Они выступили на митингах, призвав рабочих дать сокрушительный отпор силам контрреволюции.

Вечером 28 августа Газа срочно вызвали на экстренное заседание районного Совета. В большой комнате было шумно. Резкий запах сапожной ваксы смешивался с запахом машинного масла, пропотелых курток, махорки. Председатель Совета Егоров встал, постучал карандашом по столу и сказал:

— Товарищи! Получено важное сообщение. Генерал Корнилов, сняв войска с фронта, двинул их на Петроград. Цель — занять столицу, обезоружить рабочих и революционных солдат. Он приказал расстреливать на месте участников митингов, собраний, демонстраций. В общем, хочет потопить в крови революцию...

Егоров, охрипший, бледный, прочел воззвание ЦК и ПК РСДРП(б) «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда»:

— «Солдаты и рабочие! В братском союзе, спаянные кровью февральских дней, покажите Корниловым, что не Корниловы задавят революцию, а революция сломит и сметет с лица земли попытки буржуазной контрреволюции...»

Заседание было бурное и затянулось до ночи. В конце его путиловцы приняли обращение ко всем рабочим Нарвской заставы с призывом организовать

борьбу с контрреволюционным заговором. На Путиловском заводе создали штаб обороны, подчинявшийся революцинному комитету Нарвской заставы, в мастерских — свои цеховые штабы. Иван состоял в цеховом штабе башенной мастерской. Собрав рабочих на митинг, он выступил с речью:

— Во имя защиты революции создадим в нашей мастерской красногвардейский отряд,— звенел его высокий голос.

На минуту в башенной стало тихо. Этой минутой воспользовался Кузьмин, который все еще был депутатом Петроградского городского Совета. Вынул из кармана какие-то бумажки и, обращаясь к рабочим, сказал:

— У меня последние новости из канцелярии премьер-министра. Керенский объявил Корнилова мятежником и сместил с поста верховного главнокомандующего. Керенский принял на себя главную тяжесть борьбы с Корниловым. Поддержим Керенского!..

— Долой! — закричали рабочие.— Провокатор! Предатель!

На трибуну поднялся рабочий и, размахивая руками, закричал:

— Создадим свой отряд! Давай, Газа, оружие!

— Ставлю на голосование,— объявил Иван.— Кто за создание отряда, поднимите руки.

Почти все рабочие проголосовали за это предложение.

Иван сошел с трибуны, сел за стол, стоявший тут же, положил перед собой чистый лист бумаги, взял карандаш:

— Начинаю запись. Кто первый?

— Первый я,— громко сказал рабочий, который только что выступал.

Подошел Куренков, в кепке, сдвинутой на затылок, в расстегнутой на груди рубахе, и попросил:

— Теперь пиши меня.

— Так ты же в заводской дружине,— сказал Иван, взглянув на Василия.

— Был, а теперь желаю перевестись в свой отряд.

Газа записал его. Желающих оказалось много. Иван отобрал около ста надежных рабочих, разбил их на десятки, назначил командиров из бывших солдат и унтерофицеров. Тех, кто не держал в руках оружия, выделил в отдельные десятки. Тут же наметил программу занятий: учиться стрелять, рассыпаться цепью, переползать, действовать в строю. Прямо из мастерской люди двинулись на берег залива учиться военному делу.

А у Ивана появилась новая забота: где достать оружие? У рабочих имелось только несколько десятков винтовок да трофейный пулемет. Газа пошел в заводской комитет к Антону Васильеву. Тот выделил ему еще тридцать винтовок и столько же саперных лопат. Мало! Он побежал в Совет. Егоров сказал:

— Поезжай-ка в город, в Смольный... Там помогут.

Сопровождать Газа вызвался рабочий шрапнельного цеха Степан Корнеев. В Смольном они встретили Дзержинского. Феликс Эдмундович провел их в свой кабинет и попросил рассказать, в чем дело.

— Нам нужно оружие,— сказал Иван и положил перед Дзержинским официальную бумагу за подписью Егорова.

— Какое же вам оружие требуется?

— Винтовки и патроны.

— Оружия желательно побольше,— добавил Корнеев.

— Хорошо,— сказал Дзержинский, прочитав бумагу.— Ну а что у вас делается на заводе?

Газа рассказал о митингах и заседаниях, о создании отрядов Красной гвардии.

— Что вы сами думаете о боеспособности ваших отрядов? — спросил его Дзержинский.

— Думаю, Феликс Эдмундович, что если людей вооружить да как следует научить владеть оружием, они смогут разгромить Корнилова.

— Вы правы. Но времени на подготовку не отпущено. Корнилов ведет наступление.

Лицо Дзержинского сделалось хмурым. Он встал и прошелся по комнате.

Корнеев несмело предложил:

— Мы можем дать отрядам орудия. Пушки собираются у нас полным ходом.

— Орудия... Это хорошо,— задумчиво сказал Дзержинский. И остановился против Корнеева: — А может, не вывозить их сейчас с завода?

— Почему, Феликс Эдмундович? — удивился Корнеев.

— Есть надежда, что сможем обойтись без них. А ваши пушки еще пригодятся. Они должны быть наготове. Ну, а как настроение рабочих?

— Настроение у всех боевое,— ответил Газа.— Рабочие рвутся в бой с контрой, как в февральские дни, когда мы вместе с ораниенбаумскими пулеметчиками громили полицейских.

Феликс Эдмундович обратился к нему:

— А сейчас у вас есть связи с ораниенбаумцами?

— Есть. Я там служил в технической команде при школе оружейных мастеров,— ответил Газа.

— Прекрасно,— сказал Дзержинский.— И вы, конечно, знаете, где в Ораниенбауме находится школа прапорщиков?

— Знаю,— сказал Иван.

Дзержинский сел за стол и, пристально глядя на путиловцев, понизил голос:

— У нас есть сведения, что ораниенбаумская школа прапорщиков готовится выступить против

революции, как только Корнилов приблизится к Петрограду. Надо силами солдат гарнизона обеспечить окружение и, в случае необходимости, разоружение этой школы. Вы, товарищ Газа, сможете выполнить это задание?

— Так точно!

— Сейчас же поезжайте в Ораниенбаум и примите меры. О результатах доложите мне.

Он снабдил их ордером на выдачу оружия.

Корнеев направился в районный Совет за грузовиками, а Газа — на Балтийский вокзал.

Вокзал неузнаваемо изменился. Вооруженные винтовками красногвардейцы заполняли вагоны поездов, уходивших в направлении Ораниенбаума и Петергофа. Они ехали на фронт, на борьбу с Корниловым. Газа сел в вагон вместе с ними.

«По сути дела мы решаем общую задачу,— думал он, глядя на красногвардейцев.— Они едут бить врага, а я попытаюсь изолировать заговорщиков, если они захотят нанести удар в спину революции».

Мерно стучали колеса, за окном мелькали столбы и деревья, поля и перелески. Вагон покачивало. Иван, почувствовав усталость, прикрыл глаза и тотчас вспомнил минувший вечер.

Получив зарплату, он пошел в магазин купить себе сапоги. Подходящих не оказалось. Но на прилавке стояли красивые туфельки. Вот Клавушка бы обрадовалась! Деньги есть.

— Ну-ка, дай посмотреть,— попросил он приказчика.

Тот подал ему одну туфлю. Иван взял ее, повертел, поскрипел хромом. Осторожно запустил руку внутрь. «Ноге в ней будет удобно,— подумал радостно.— И размер Клавин». «Беру»,— сказал он и отдал почти половину получки.

Клава кормила Борю овсяной кашей.

— Чего-то ты сегодня рано? — спросила Клава, вставая.— И кажется, с покупкой.

Боря, подбежав к отцу, протянул ручонки:

— Папа, возьми!

Иван подал Клаве сверток и взял сынишку. Теплые, нежные ручонки обвились вокруг шеи. Боря всегда ждал возвращения отца с работы и, если тот задерживался, долго не засыпал. Иван поцеловал сына и поглядел на жену. Клава развернула сверток и ахнула. Присела на кровать и стала примерять туфли. Впору, как раз! Иван обрадовался. Клава подошла к нему и поцеловала.

— Ой, спасибо, Ваня!

Она прошлась в обновке, статная, красивая.

— Я послезавтра куплю тебе сапоги,— сказала она, смеясь.

Иван посадил сына за стол:

— Ешь кашу, сильный будешь.

Пошел на кухню умываться. Приятно вот так обрадовать близкого человека...

...Сейчас он ехал, полузакрыв глаза, и опять на его лице блуждала улыбка. Жена была всегда для него близким и дорогим человеком. И он ничего не пожалеет, лишь бы она была счастлива.

В Ораниенбаум приехал к вечеру, прошел знакомой улицей и парком. В технической команде Ивана встретили как родного, пригласили ужинать. Ефрейтор Орипов спросил:

— Так тебя, брат, вчистую уволили? Эх, повезло. А мы вот все еще тянем лямку. Сделали революцию, а что изменилось? Война продолжается, в деревне по-прежнему хозяйничают помещики, в городе — фабриканты и заводчики. А мы как были для них серой скотиной, так и остались,— закончил он и нахмурился.

— Некоторое смягчение есть,— возразил Прохоров.

— А введение смертной казни в армии! Забыл?

Орипов резким движением вытащил из кармана скомканный носовой платок, вытер усы и сказал:

— Нужна новая революция, чтобы все решительно перекроить...

После ужина Иван рассказал о цели своего приезда.

— Ишь, что удумали,— возмутился Орипов.— Этот номер у господ прапоров не пройдет. Не беспокойся, Иван, если зашевелятся, мы резанем по ним из пулеметов. У нас два «максима» приготовлены.

Прохоров добавил:

— Все это так, да маловато нас. Не мешало бы связаться с двумя ротами, которые обслуживают школу. Солдаты ненавидят белоручек-прапоров.

Газа, Орипов и Прохоров пошли в соседнюю казарму, вызвали членов ротных комитетов, отошли к кустам. Иван рассказал им о мятеже Корнилова и возможном заговоре в школе прапорщиков. Члены комитетов пообещали не выпускать школу из поля зрения.

Школу прапорщиков окружили надежными воинскими подразделениями. В засаде поставили пулеметы.

На другой день утром, вернувшись в город, Газа доложил Дзержинскому о выполнении задания. Феликс Эдмундович крепко пожал ему руку:

— Молодец, товарищ Газа! Вы сделали большое дело.

Иван вышел на улицу и, вскочив в подошедший трамвай, доехал до Нарвских ворот. По Петергофскому шоссе двигались на фронт вооруженные отряды рабочих и колонны солдат.

Не заходя домой, Газа прошел прямо в свою мастерскую, но отряд башенцев уже ушел.

Иван присоединился к колонне соседней мастерской. Вечером отряд прибыл под Гатчину. Красногвардейцы спешно рыли окопы. В сумерках кто-то из това-

рищей дал Ивану большевистскую листовку с лозунгами: «Отбить Корнилова! Организовать сокрушительный отпор контрреволюции!».

Газа решил разыскать своих товарищей по башенной мастерской. Это было нелегко: путиловцы занимали большой участок. Ночь, кустарник и окопы скрывали людей. Под утро он случайно столкнулся с Егоровым.

— Здорово, Ваня! — обрадованно воскликнул Иван Григорьевич.— Как дела?

Иван рассказал о выполнении задания Дзержинского.

— Молодец! А я только что со станции,— сказал Егоров.— Там застряло несколько эшелонов противника. Был в теплушках, беседовал с солдатами, выступал на митинге. Они, оказывается, не знали, куда и зачем их отправляют. Объяснил, что и как. В общем, они отказались наступать на Петроград.

— Вот это славно,— облегченно вздохнул Газа.— Ах, если бы все обошлось без кровопролития.

— Мы этого и добиваемся,— сказал Егоров.— Нам нужно экономить силы для вооруженного восстания.

Иван разыскал свой отряд. Вскоре пришло сообщение, что ни на одном направлении корниловские войска не смогли пройти к столице. Под воздействием большевистской агитации солдаты, обманутые офицерами, отказались идти на Петроград, арестовали командиров. Почти без единого выстрела корниловские войска были остановлены. Мятеж потерпел поражение.

Путиловские отряды получили приказ возвратиться в город. Вместе со всеми вернулся на завод и Газа.

Он рассказал рабочим о подавлении мятежа и о том, что в заговоре Корнилова замешаны многие меньшевики и эсеры. Тут все вспомнили, как Кузьмин выступал против создания красногвардейского отряда.

Через несколько дней в башенной состоялось собрание. Заслушав отчет Кузьмина, оно постановило: «Признать работу Кузьмина в Петроградском Совете плохой и вредной. Отозвать его из членов Совета». Депутатом в Петроградский городской Совет избрали Ивана Газа.

11

Для Ивана начались бурные дни, наполненные напряженной работой.

Получив 31 августа депутатское удостоверение, он уже через полчаса мчался на грузовике вместе с другими депутатами-путиловцами в Смольный на пленарное заседание.

Иван с товарищами вошел в большой зал с лепными украшениями, осмотрелся. Заседание уже началось. Какой-то толстый человек докладывал о ликвидации корниловского мятежа, всячески восхваляя деятельность меньшевиков, эсеров и Временного правительства. Ему решительно возразил Свердлов. Невысокий, худощавый, он быстро поднялся на трибуну и, поправив пенсне, заговорил:

— У вас очень короткая память. Вы забыли свою постыдную растерянность. А теперь выступаете чуть ли не в роли героев и спасителей революции...

— Чужими руками жар загребают! — послышался чей-то голос.

Егоров прошептал на ухо Ивану:

— Они хотели воспользоваться тем, что многие наши товарищи еще не вернулись с боевых позиций. Но просчитались...

А Свердлов продолжал:

— На примере этого мятежа мы видим, куда ведет преступная политика Временного правительства и его лакеев — меньшевиков и эсеров. Нужно положить ей конец.

Егоров, Газа и другие большевики зааплодировали, а их противники кричали:

— Демагогия!

В ночь с 31 августа на 1 сентября после долгих прений пленарное заседание Петроградского Совета подавляющим большинством голосов приняло предложенную большевистской фракцией резолюцию «О власти», которая была утверждена Центральным Комитетом партии.

В резолюции решительно осуждалась эсеро-меньшевистская политика соглашательства, подготовившая почву для контрреволюционного заговора. Указывалось, что единственным выходом из создавшегося положения является сосредоточение власти в руках рабочих и крестьян. Далее излагалась большевистская программа революционных преобразований в стране.

Через два дня Газа выступил в башенной с речью:

— Отныне хозяева в городском Совете — мы,— с гордостью заявил он.— И мы будем проводить там пролетарскую линию.

— Правильно, Иван!

— Так держать!

— Пришло известие, что и Московский Совет стал большевистским,— весело продолжал Газа.— Оживились Советы и в других крупных городах. Не отстает от города и деревня. Крестьяне жгут помещичьи имения, захватывают земли, делят инвентарь. Солдаты на фронте проклинают Временное правительство. Так что революционная обстановка в стране накаляется!

Но тут встал старик Шерстнев и спросил:

— Ты вот нам скажи, что думает Совет насчет еды? Совсем живот подвело.

Газа знал, что с продовольствием плохо. И его семья голодала, как и все семьи рабочих. Возвращаясь домой с митингов, затянувшихся иногда на всю ночь, он видел, как перед дверями магазинов еще до рассвета на-

чинали образовываться очереди из женщин. Часто за хлебом и сахаром приходилось часами стоять под проливным дождем. Хлебный паек уменьшился до четверти фунта. Сахару вообще редко кому удавалось достать. Молока не было и в помине.

— С продовольствием плохо,— сказал он.— Голод терзает рабочих. Между тем в стране имеются запасы хлеба. Но его цепко держат кулаки, помещики и торговцы. Они выжидают нового повышения цен.

— Надо силой отобрать хлеб! — закричал Куренков.

— А как его отберешь? — возразил ему тощий морщинистый рабочий.— На стороне этих живоглотов правительство, полиция, тюрьмы.

— Да, это не так просто,— сказал Иван.— Хлеб будет, когда возьмем в свои руки власть.

— А верно ли говорят, что хозяева хотят закрыть наш завод? — спросил парень в военной гимнастерке.

— Он и так скоро станет,— сказал сутуловатый седой токарь.— Угля нет, металла нет.

Иван знал, что завод работает с перебоями. Мастерские простаивали неделями. Мартеновские печи потухли. А правление завода не только не заботилось о снабжении его металлом и топливом, но откровенно саботировало.

Газа пошел в заводской комитет. Там уже создали топливную комиссию. Председатель комитета Антон Васильев поехал в Донбасс, а Иван Газа вместе с членами комиссии отправился на склады Петрограда искать запасы угля, нефти, дров. Он по-хозяйски осматривал склады и говорил: «Это нам нужно!», «Это возьмем!».

Обнаружили сотни пудов угля и нефти. Но когда дело коснулось их покупки, правление завода заявило, что нет денег. И это Ивана не остановило. Он с членами комиссии ездил по правительственным учреждени-

ям. И наконец добился того, чтобы топливо привезли на завод.

Другая комиссия обнаружила на территории завода огромные залежи лома и старого металла. То и другое подготовили к переплавке.

Когда саботаж не удался, правление завода объявило об увольнении одиннадцати тысяч рабочих. Весть об этом вызвала целую бурю среди путиловцев. Они толпами шли в заводской комитет, требовали дать отпор зарвавшимся контрреволюционерам. Иван Газа, все тщательно взвесив, предложил: кадровых рабочих не увольнять, но мастерские очистить от чуждых и посторонних людей, поступивших на завод в годы войны, чтобы укрыться от мобилизации. С ним согласились члены заводского комитета. Было уволено около двух тысяч кулаков, лавочников и разных проходимцев. Провалилась и попытка Временного правительства эвакуировать Путиловский завод.

Бдительность рабочих возросла. Они следили за каждым шагом администрации.

Однажды, когда Иван работал в башенной, к нему прибежал встревоженный парень.

— Иван,— сказал он.— На баржи грузят ящики со станками. Как бы не увезли нужное.

Газа сейчас же пошел туда, где грузили ящики с оборудованием. Рабочие упрекали грузчиков, которые смущенно оправдывались:

— Нам сказали грузить, мы и грузим.

— Где накладные? — спросил Иван, подходя к ним.

Груз Газа разрешил отправить лишь тогда, когда администрация документально доказала, что он принадлежит главному артиллерийскому управлению.

19 сентября активистов завода пригласили на совещание в Нарвско-Петергофский райком партии. Секретарь райкома А. М. Иткина предоставила слово председателю революционного комитета Егорову. Иван Гри-

горьевич встал, раскрыл папку — в ней оказались гектографированные листы с лилово-синими строчками. Егоров взял листы и объявил:

— Товарищи, мы получили письма Владимира Ильича Ленина. Первое письмо «Большевики должны взять власть» адресовано Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам РСДРП(б).

Егоров стал читать:

— «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки».

Иван понял, что В. И. Ленин поставил перед партией задачу немедленно начать практическую подготовку вооруженного восстания. Его особенно поразили слова:

«История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь... Мы победим *безусловно и несомненно»*.

Закончив чтение первого письма, Егоров сказал, что Я. М. Свердлов ознакомил представителей партийной организации Путиловского завода с содержанием второго письма Владимира Ильича «Марксизм и восстание», адресованного Центральному Комитету РСДРП(б). Егоров стал читать и это письмо:

— «Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих».

Газа понимал, что за каждым из этих трех ленинских выводов стоял опыт борьбы поколений, мирово-

го рабочего движения, особенно уроки борьбы российского пролетариата в период первой и второй русских революций. Тщательно анализируя новый этап развития революции, Ленин делал кардинальные выводы:

«За нами большинство *класса,* авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа...

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь...

За нами *верная победа...»*

«Значит, наступил момент для решительных действий»,— подумал Газа. Он встал и доложил о настроении башенцев:

— За большевиками пойдут, по меньшей мере, девять десятых рабочих нашей мастерской. Влияние меньшевиков и эсеров окончательно подорвано. Рабочие ненавидят Временное правительство. Ленин прав: наступила пора действовать...

Подготовка к вооруженному восстанию развернулась с нарастающей силой. В Красную гвардию влились сотни большевиков. Путиловцы приходили на работу с винтовками, ставили их у станков и верстаков, чтобы в любую минуту быть готовыми к действию.

А после гудка красногвардейские отряды шли на занятия: учились владеть оружием. Иван Газа — отличный стрелок — помогал инструктору обучать башенцев меткой стрельбе.

На соседней площадке делился опытом баррикадных боев Василий Мещерский — старый товарищ Ивана. После ареста в феврале 1914 года Мещерского выслали из Петербурга, и он перешел на нелегальное положение. Потом вернулся в Петроград и опять стал работать в лафетно-снарядной мастерской. Активно участвовал в Февральской революции, создавал Красную гвардию. Сейчас он рассказывал, как надо строить

баррикады. К ним подошел Тимофей Барановский — руководитель районного штаба Красной гвардии.

— В Петергофском подрайоне Керенский накапливает силы,— сказал он.— Надо быть настороже. В случае внезапной атаки врага надо уметь быстро построить баррикаду.

Он спросил у красногвардейцев, где можно достать бревна, доски и другой материал для заграждений.

Возглавлял заводской штаб Красной гвардии М. А. Войцеховский — бывший солдат, член завкома. Он всегда ходил в военной форме.

12 октября Исполком Петроградского Совета создал Военно-революционный комитет, на который была возложена практическая подготовка вооруженного восстания. В Нарвском районе военными вопросами занимался революционный комитет, который был реорганизован и пополнен новыми членами, главным образом большевиками.

18 октября Газа вызвали на совещание в райком партии. Секретарь Нарвско-Петергофского райкома А. М. Иткина доложила, что против решения ЦК о вооруженном восстании выступили Зиновьев и Каменев. Партия отвергла их капитулянтские предложения. Тогда они опубликовали в меньшевистской газете «Новая жизнь» сообщение о решении ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании, тем самым выдав контрреволюции планы большевистского ЦК.

Егоров, прочитав сообщение Зиновьева и Каменева, бросил газету на стол и возмущенно сказал:

— Вы только посмотрите, что они вытворяют!

Антон Васильев взялся за голову и болезненно сморщился.

— Как они посмели? Провокаторы! Рабочие сил своих не жалеют — готовятся к восстанию, а они выдали врагу наш план.

Все раздраженно шумели, кричали, негодовали. Один Газа молчал.

— Ну а ты почему молчишь? — обратился к нему Егоров.

Иван встал и сказал:

— Я присоединяюсь к товарищам, которые клеймят позором предателей. А чтобы предупрежденный враг не смог воспользоваться плодами измены, нам надо ускорить выступление. И давайте, не теряя ни минуты драгоценного времени, энергично готовиться к восстанию.

— Правильно! — сказал Егоров.— Кто за?

Проголосовали единодушно. Резолюцию направили в ЦК и сразу принялись за дело. Провели собрания в красногвардейских отрядах, проверили их боевую готовность. Подготовили к бою орудия, снаряды, приступили к разработке районного плана восстания.

Революционный комитет поручил Ивану Газа выяснить настроения солдат в воинских частях, расположенных в районе Нарвской заставы и в пригородах. В помощь ему выделили отряд путиловских красногвардейцев.

Газа решил оставить винтовки в штабе и идти безоружными. Часть красногвардейцев он направил в Стрельну, Петергоф и Ораниенбаум, а сам с другой группой пошел в район Обводного канала и на Лермонтовский проспект, где квартировали два казачьих полка и 86-я Вологодская пешая дружина.

В казармы 1-го Донского полка путиловцев не пустили. Иван завязал беседу с казаками у ворот. Те неодобрительно отзывались о Керенском, но на прямой вопрос, будут ли они защищать Временное правительство, давали уклончивые ответы. Неопределенно высказались и казаки 4-го Донского полка.

Иван сделал вывод, что эти части представляют большую опасность. По отношению к ним надо дей-

ствовать осторожно и вместе с тем решительно. Они не станут драться за Временное правительство в том случае, если увидят против себя реальную силу. Поэтому их надо окружить отрядами и пикетами Красной гвардии.

А вот вологодские дружинники — запасные ратники второго разряда — сразу заявили, что они выступят на стороне рабочих.

Разведка в пригородах установила: за исключением офицерских школ, гарнизоны Стрельны, Петергофа и Ораниенбаума — за Советы.

Собрав все данные, Газа доложил их революционному комитету Нарвско-Петергофского района.

Они были учтены при разработке плана: выделены красногвардейские отряды для окружения казачьих полков, назначены люди для поддержания связи с пригородными гарнизонами.

Вечером 20 октября Газа пригласили в Смольный на заседание Военно-революционного комитета.

Выступил Николай Ильич Подвойский. Он громко объявил:

— Военно-революционный комитет принял решение направить во все воинские части столичного гарнизона и губернии, на крупнейшие заводы и электростанции Петрограда своих комиссаров.

Заглядывая в бумаги, Подвойский назвал фамилии:

— В арсенал Петропавловской крепости назначается товарищ Тер-Арутюнянц, на крейсер «Аврора» — Белышев, в Преображенский полк — Чудновский...

Список был длинный. Под конец Подвойский сказал:

— Товарищ Газа назначен комиссаром милиции. Ему поручается отстранить комиссара Временного правительства.

Иван, получив мандат, взял трех красногвардейцев и поехал выполнять данное ему поручение.

Он полагал, что ему удастся легко арестовать комиссара Временного правительства. Газа провели к дежурному. Тот, повертев мандат, заявил, что представителю большевиков здесь делать нечего. Когда же Иван стал возмущаться, дежурный пригрозил посадить его в камеру. Пришлось вернуться в Смольный и доложить о случившемся Подвойскому.

— Этого надо было ожидать,— сказал Николай Ильич, делая пометку на карте города.

— Разрешите, я возьму взвод красногвардейцев и с их помощью выполню ваше поручение,— попросил Иван.

Но Подвойский, подумав, ответил:

— Выбьем потом, когда начнется восстание. А вы отправляйтесь на завод. Потребуетесь — вызовем.

12

Утром 24 октября Иван надел много раз стиранную гимнастерку, кожаную куртку, сунул в карман наган. Поцеловав жену и спящего сына, Иван вышел из дома.

По небу ползли серые тучи. Дул порывистый, холодный ветер. По улицам быстро шагали люди. К сборным пунктам, таща пулеметы, шли красногвардейцы. Во дворе завода собрались все двенадцать отрядов — более тысячи человек. Здесь же находился, как всегда в шинели, М. А. Войцеховский. Командиры выделили лучших красногвардейцев в сводный отряд для отправки в Смольный. Всем раздали брезентовые патронташи, подсумки, поясные ремни, пулеметные ленты. Берданки заменили новыми винтовками, только что привезенными с Охтинских складов. Отряды красногвардейцев строем уходили на Ново-Сивковскую улицу, к дому, где размещался революционный комитет — районный штаб восстания, а оттуда — в Смольный, на Обводный канал, на Лермонтовский проспект...

Над зданием, где находился революционный комитет, развевался красный флаг. В большой комнате шло заседание. Председатель революционного комитета Егоров, секретарь райкома Иткина, Барановский, Мещерский и другие обсуждали план восстания, подсчитывали силы, распределяли обязанности.

Егоров, пожимая руку Ивану, сказал:

— Ты будешь у меня «адъютантом для особых поручений».

Газа согласился, однако сказал, что ждет вызова Подвойского.

Он подал Егорову мандат.

— Это мы сейчас уладим,— сказал Егоров. Он позвонил Подвойскому:

— Николай Ильич, я насчет Ивана Газа. Нельзя ли его освободить от обязанностей комиссара милиции. Да, он прекрасный организатор. В случае чего — может заменить меня. Людей дадим. Спасибо.

Положив трубку, Егоров весело подмигнул Ивану:

— Все в порядке. Приступай к работе. И направь в Смольный еще один отряд.

Газа сел за свободный стол возле телефонов, пододвинул к себе карту района, испещренную условными знаками, подготовил бумагу, карандаши.

Направив отряд красногвардейцев в распоряжение Военно-революционного комитета, он задумался. Больше всего его беспокоили казаки. Два донских полка, стоявшие на пути к центру города, могли отрезать красногвардейцев, напасть на Путиловский завод.

— Мы уже послали к казачьим казармам два отряда,— сказал Егоров.— Кроме того, установили пикеты на Обводном канале и Лермонтовском проспекте.

— Два необстрелянных отряда не устоят против двух полков отчаянных рубак.

Газа проговорил это спокойно, как будто всю жизнь только и делал, что готовился к сражению против ка-

заков, а у самого было тревожно на душе, как в феврале, когда шел с восставшими солдатами в Петроград.

Егоров нервно прошелся по комнате, поглядел на карту, лежавшую перед Иваном.

— Хорошо, пошлем еще два отряда пулеметчиков.

— Мало.

— А где я больше возьму? — вдруг взорвался Егоров.

— Может, попросить помощи у соседей, в 1-м Городском районе? — вмешалась Иткина.— Эти полки им тоже угрожают.

Егоров позвонил в штаб 1-го Городского района. Там согласились послать против казаков полутысячный отряд рабочих. И вскоре к месту расположения донских полков двинулись новые вооруженные колонны. Увидев перед казармами многочисленные вооруженные отряды рабочих, казаки заявили о своем нейтралитете.

Через несколько минут зазвонил телефон. Звонили из Смольного. Нарвскому району совместно с 1-м Городским районом, Измайловским и Петроградским полками поручалось укрепиться на подступах к городу — защищать его от возможного наступления контрреволюционных сил по Варшавской и Балтийской железным дорогам и Петергофскому шоссе. Газа подал телефонограмму Егорову:

— Это надо выполнить немедленно.

— Сейчас сделаем,— сказал Егоров.

Он позвонил Антону Васильеву. Заводской комитет быстро создал большой отряд. Иван показал командиру отряда позиции на карте.

— Отсюда удобно держать под обстрелом шоссе и Балтийскую железную дорогу,— сказал он.— Возьмите отделение саперов, три пачки тола. При необходимости — путь взорвать.

— Только так,— подтвердил Егоров.— А у ворот Путиловского завода мы поставим артиллерийскую батарею. Она поддержит вас огнем.

Газа связался с Измайловским полком и договорился о взаимодействии. У него не выходила из головы ораниенбаумская школа прапорщиков, куда в июльские дни он ездил по приказанию Дзержинского. Правда, он договорился с солдатами о том, что те возьмут эту школу под особый надзор. Недавно по его поручению путиловцы опять ездили в Ораниенбаум. Солдаты вновь заверили, что будут следить за школой прапорщиков.

— А что там происходит сейчас? — спросил Газа Егорова.

Тот пожал плечами:

— Не знаю.

— Эх, Иван Григорьевич. Там свыше пятисот хорошо обученных, верных Временному правительству младших офицеров. Они будут прорываться сквозь наши заслоны. Их надо немедленно разоружить.

Иван связался с технической мастерской.

— Что вы там делаете?

— Митингуем,— ответил Орипов.

— А чем занимаются прапорщики?

— Маршируют по плацу.

— Вот что, товарищ Орипов! — голос Ивана зазвенел: — Именем революционного комитета приказываю школу прапорщиков немедленно разоружить и не выпускать из казарм. Поднимайте стрелковые роты. Действуйте! Даю вам два часа. Об исполнении доложить.

— Слушаюсь! — решительно ответил ефрейтор.

Егоров одобрительно улыбнулся.

— Молодец, Ваня. Из тебя выйдет дельный комиссар.

Примерно через два часа школа прапорщиков в

Ораниенбауме, как и офицерские школы в Петергофе, была разоружена и блокирована.

...Состоявшееся утром 24 октября 1917 года заседание ЦК РСДРП(б) наметило конкретные меры, которые должны были обеспечить успех наступления революционных сил. Руководство восстанием сосредоточивалось в Смольном, где находился ЦК партии, а также штаб восстания — Военно-революционный комитет. План вооруженного восстания был тщательно разработан В. И. Лениным.

Над Петроградом сгустились ранние осенние сумерки, когда революционные силы развернули решительное наступление. Вечером Владимир Ильич прибыл в Смольный и непосредственно возглавил руководство уже начавшимся восстанием. Отряды красногвардейцев и матросов очистили от юнкеров большинство мостов. Ночью при поддержке крейсера «Аврора» они овладели Николаевским и Дворцовым мостами. Планомерно осуществлялся захват революционными войсками вокзалов, государственного банка, главпочтамта, телеграфа, радиостанций и других важных объектов.

Около семи утра 25 октября красногвардейцы-путиловцы вместе с солдатами-кексгольмцами овладели телефонной станцией и сразу же выключили телефоны Зимнего дворца и штаба округа. Приблизительно в это же время завершилось занятие вокзалов. К утру 25 октября в руках Временного правительства оставались лишь Зимний дворец, Мариинский дворец — резиденция предпарламента и штаба округа, блокированные восставшими.

...Всю эту ночь путиловцы не уходили домой. Бронировали полуоткрытые железнодорожные платформы, устанавливали зенитки на автомобилях, подготавливали орудия и снаряды. Во дворе завода собрались рабочие, получившие винтовки. Один запасной отряд бодрствовал в здании заводского комитета, другой —

в помещении заводского театра. Весь завод превратился в вооруженный лагерь, готовый в любую минуту сняться с места и двинуться туда, куда прикажут.

Иван принимал распоряжения из Смольного и доклады с мест, отдавал приказания и писал записки: «Именем революционного комитета разрешается реквизировать...» По этим запискам красногвардейцы отбирали у богачей автомашины, бензин, лошадей, фураж.

Поздно вечером Егорова срочно вызвали в Смольный. Газа остался за него. Работы и ответственности прибавилось.

Вдруг в штаб ворвался запыхавшийся Куренков с винтовкой:

— Иван! — закричал он.— На даче Шереметьева казаки!

— Сколько? — спросил Газа.

— Человек сто.

— Что делают?

— Седлают коней.

Газа поднял по тревоге красногвардейский отряд, находившийся в заводском комитете, и приказал разоружить казаков.

В полночь вернулся из Смольного Егоров. И сейчас же стал рассказывать о встрече с Лениным. Владимир Ильич вызывал к себе представителей всех районов и подробно расспрашивал, что делается на местах. Егоров доложил ему о положении за Нарвской заставой.

— Ильич требует проявлять больше инициативы и самостоятельности: немедленно захватывать все важные пункты в районе — почтово-телеграфные отделения, полицейские участки, а также ускорить выпуск артиллерийских орудий.

— Нам надо действовать энергичнее, смелее,— сказал Иван.

Работа в Совете приобрела бо́льшую целеустрем-

ленность. Отряды рабочих двинулись к указанным пунктам. Пушечная мастерская усиленно трудилась над выпуском орудий.

Рано утром у Ивана произошла стычка с районной продовольственной управой. Выполняя приказ Военно-революционного комитета, Газа обратился в управу за продовольствием для работников Центральной телефонной станции. Но она отказалась выдать продукты. Газа вторично потребовал и опять получил отказ. Тогда он направил туда группу вооруженных рабочих. Те объявили руководителям управы ультиматум: если они немедленно не выдадут продукты, то будут арестованы, а их база реквизирована. Угроза подействовала: продукты выдали. Газа отправил их на телефонную станцию.

К утру 25 октября вооруженное восстание в Петрограде победило.

После десяти часов утра было опубликовано обращение Военно-революционного комитета «К гражданам России!», написанное В. И. Лениным. Оно было расклеено на улицах, напечатано в газете «Рабочий и солдат».

Иван взял пахнувший типографской краской листок «Рабочего и солдата» и, чувствуя, как радостно бьется сердце, стал вслух читать: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».

Около двенадцати часов дня Газа вместе с Егоровым, Васильевым и другими депутатами-путиловцами поехал в Смольный на экстренное заседание Петроградского Совета. У здания Смольного стояли броневики, пушки, пулеметы, расположились солдатские, матросские и красногвардейские отряды.

Газа с товарищами прошел в актовый зал. Здесь тоже было шумно и многолюдно, царили воодушевление и необычайный подъем. Раздались бурные аплодисменты. Иван увидел входившего Ленина и встал. Со всех сторон раздались возгласы:

— Да здравствует вождь пролетариата!

— Да здравствует товарищ Ленин!

Не смолкая, гремело «ура».

Владимир Ильич поднялся на трибуну. Иван аплодировал вместе со всеми. Когда буря оваций чуть стихла, Ленин, выбросив вперед руку, провозгласил:

— Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась...

Иван слушал Ильича затаив дыхание. Наконец-то сбылось то, о чем он мечтал, за что боролся...

Когда Газа и другие путиловцы вернулись на завод, они узнали о постановлении районного Совета: «Единственной властью в районе является Совет рабочих депутатов; исполнению подлежат только распоряжения Совета». Вечером на экстренном заседании районного Совета были созданы отделы, через несколько дней переименованные в комиссариаты.

13

Ивана Газа избрали в комиссариат финансов, но приступить к исполнению своих обязанностей ему удалось не сразу.

26 октября на заставу пришло сообщение о том, что бежавший из Петрограда Керенский вместе с генералом Красновым, возглавив воинские части, преимущественно казачьи, начали поход на Петроград. Мятежники рассчитывали нанести революционной столице внезапный удар и увлечь за собой другие части армии. Они захватили Гатчину и двинулись на Царское Село.

Немедленно по указанию В. И. Ленина против войск мятежников были направлены красногвардейские отряды, революционные полки, балтийские моряки.

Поздно вечером под проливным дождем путиловские красногвардейские отряды вновь выстроились у дома Нарвского районного Совета. Газа твердо решил, что сейчас его место на фронте. Он вошел в кабинет председателя райсовета и сказал:

— Иван Григорьевич, разрешите и мне пойти вместе со всеми.

Егоров оторвался от бумаг, которые лежали перед ним, и внимательно поглядел на него.

— Я все-таки солдат,— продолжал Газа.— На фронте принесу больше пользы.

Егоров медлил с ответом. Ему не хотелось лишаться толкового работника. Но Иван настаивал:

— Отпустите. Очень прошу.

— Ну ладно, иди,— наконец сказал Егоров и добавил: — Только в самое пекло не лезь. Знаю я тебя.

Иван взял винтовку и простым бойцом пошел в строй. Красногвардейцы двинулись по дороге к Пулкову. Ночь была темная, дождливая, дороги раскисли. Все устали и промокли до нитки. У Ивана гудели ноги — давало себя знать обморожение. Но он шел, не отставая от товарищей.

На рассвете отряд, совершив трудный переход, неожиданно для противника оказался на Пулковских высотах. Здесь сосредоточились революционные полки, матросы и красногвардейцы других районов.

Путиловцы стали рыть окопы. Иван сноровисто копал землю саперной лопатой. Он вырыл окоп для стрельбы стоя, аккуратно замаскировал его дерном, сделал в переднем откосе ступеньки, чтобы удобнее было бросаться в атаку. Командир отряда поставил Ивана в пример другим красногвардейцам:

— Всем оборудовать окопы, как у Газа.

Вскоре пришло сообщение, что войска генерала Краснова заняли Царское Село. Казачьи разъезды показались у леса. Весь день прошел в тревожном ожидании. Газет не было. Поползли слухи, один другого фантастичнее. Говорили, что в Петрограде появились казаки, которые якобы разогнали Петроградский Совет и обезоружили гарнизон.

Иван собрал красногвардейцев в укрытии и сказал:

— Товарищи! Не верьте этим сплетням. Я как депутат Петроградского Совета со всей ответственностью заявляю, что казацкие части в Петрограде изолированы и разоружены. Это мне доподлинно известно. Провокационные слухи распространяют враги...

А когда было получено официальное сообщение о том, что в Петрограде разгромлен мятеж юнкеров, Иван вновь выступил с речью перед бойцами.

Настроение у защитников столицы поднялось: им на помощь прибыли путиловский бронепоезд, артиллерийские батареи, обоз с продовольствием и боеприпасами.

Приехавшие путиловцы рассказали, что в ночь с 28 на 29 октября на завод приезжал Владимир Ильич Ленин. Он призвал к утру закончить оборудование бронепоезда, быстрее собрать и подтянуть к фронту артиллерию и обоз.

Бронепоезд выдвинулся вперед и стал обстреливать из орудий казачьи позиции. Когда кончились снаряды, бронепоезд уехал за боеприпасами в Петроград. После возвращения стал действовать совместно с пехотой, которая с помощью артиллерии отражала атаки красновцев.

Краснов направил одну часть казаков в обход правого крыла революционных войск; другая часть двинулась к левому крылу. Артиллерия противника открыла огонь.

Командование революционными войсками бросило

свои полки и отряды в контрнаступление. Иван, услышав команду, закричал «ура!» и, выскочив из окопа, с винтовкой наперевес бросился вниз по склону горы. Увлеченные его порывом, побежали в атаку его товарищи, весь отряд, солдаты и матросы.

Противник встретил их огнем. Свистели пули, рвались снаряды. Бежавший рядом с Иваном рабочий упал, сраженный осколком. С воем пролетел и разорвался сзади Ивана снаряд. Упал командир взвода.

Кое-кто из молодых, впервые попавших под огонь, растерялся. Раздалась команда: «Ложись».

Иван с разбегу упал в заросшую травой канаву, и вовремя: шагах в пятнадцати от него разорвался снаряд.

Отдышавшись, Иван поднял голову. Прямо на залегший отряд, размахивая саблями, во весь опор мчались конные казаки. «Эх, хорошо бы по ним ударить из пулемета»,— подумал Иван и закричал:

— Пулемет к бою! Где пулемет?

Пулемет был на правом фланге. Когда казаки подскакали ближе, он открыл огонь, скосив несколько всадников. Красногвардейцы стреляли из винтовок. Иван тоже стрелял.

Снова прозвучала команда: «Вперед!» Газа поднялся и с криком «ура!» бросился в атаку. Не отставая от него, бежали красногвардейцы. Их поддержали артиллерийские батареи и подошедший бронепоезд. Огонь мятежников стал ослабевать. Под натиском революционных частей и отрядов красновцы повернули назад.

К вечеру революционные войска заняли Царское Село, а на другой день — Гатчину. Генерал Краснов со своим штабом был взят в плен. Керенский тайком бежал.

2 ноября Иван Газа вместе с отрядом вернулся на Путиловский завод. Он явился в комиссариат финансов

районного Совета рабочих депутатов. Ранее не работавший даже простым счетоводом, он тем не менее быстро разобрался в денежных делах. Начал с того, что объединил все средства, имевшиеся в Совете, штабе Красной гвардии и в продовольственной управе. Получив от наркома финансов В. Р. Менжинского ассигнования на нужды района, создал единый финансовый орган Совета и установил жесточайший режим расходования средств. Деятельность Ивана Газа в комиссариате финансов, его инициатива, распорядительность и твердость снискали ему славу умелого руководителя.

О его прежнем назначении комиссаром милиции вспомнили лишь тогда, когда остро встал вопрос о реорганизации милиции, которая была создана в первые дни Советской власти как важнейший орган государственной власти. Это было тем более необходимо, что в ряде мест в отряды милиции проникли чуждые элементы.

Ивана Газа откомандировали в Петергофский подрайонный комиссариат. Он энергично взялся за его реорганизацию: очистил от затесавшихся шкурников и разложившихся элементов, организовал наблюдение за выполнением постановлений Советского правительства и решений местных органов власти, навел порядок на улицах и в общественных местах. При нем была обезврежена группа бандитов, грабивших граждан.

В Совете и милиции Газа проработал больше трех месяцев. За это время в башенной мастерской вновь оживилась деятельность меньшевиков. Башенная мастерская потребовала своего депутата обратно в цех. Районный Совет отпустил Газа. В первый же день его избрали председателем цехового комитета.

Он показал себя умелым организатором и воспитателем трудового коллектива. Контрреволюционная деятельность меньшевиков была пресечена. Производство в цехе наладилось.

КОМИССАР БРОНЕПОЕЗДА

1

Суровым оказался для Советской Республики 1918 год. Весной и летом объединенные силы стран Антанты в союзе с российской контрреволюцией начали интервенцию против молодого государства пролетарской диктатуры.

Отрезанная от основных продовольственных, сырьевых и топливных ресурсов огненным кольцом фронтов наша страна, превратившаяся в единый военный лагерь, вела трудную и напряженную борьбу за свое существование.

«Социалистическое отечество в опасности!», «Смерть или победа!» — эти ленинские лозунги стали боевой программой трудящихся.

Большевистская партия являлась главной направляющей силой по организации защиты Советской Республики.

Попытки империалистов Антанты и внутренней контрреволюции задушить рабоче-крестьянскую республику, предпринятые в 1918 году и в первые месяцы 1919 года, провалились. Но весной 1919 года враги перешли в новое наступление. Роль главной ударной силы отводилась армии Колчака, реорганизованной и вооруженной с помощью империалистов. В начале марта его войска начали наступление на Восточном фронте. Готовились к выступлению армии Юденича и Деникина. Над Советской страной вновь нависла смертельная опасность. Требовалось огромное напряжение

сил, чтобы отстоять Советскую власть, разгромить контрреволюцию.

18 марта в Москве собрался VIII съезд партии. Он заслушал и обсудил отчетный доклад В. И. Ленина о работе Центрального Комитета, принял новую программу партии, одобрил резолюцию о переходе от политики нейтрализации середняка к установлению с ним прочного союза. Большое внимание съезд уделил военным вопросам, созданию регулярной Красной Армии. Этого требовала обстановка. Гражданская война разгоралась с новой силой.

12 апреля были опубликованы написанные Лениным тезисы ЦК РКП(б) в связи с положением на Восточном фронте. В них была намечена конкретная программа мобилизации всех сил страны на разгром врага, выдвинут боевой лозунг «Все на борьбу с Колчаком!».

Петроградцы горячо откликнулись на призыв вождя. На Восточный фронт направили пять тысяч коммунистов и передовых рабочих. Вместе с активистами Москвы и других городов они помогли остановить врага. А в конце апреля войска Красной Армии перешли в наступление, тесня колчаковцев к Бугульме и Бугуруслану.

В мае, во время решающих боев Красной Армии с Колчаком, Антанта двинула на Петроград армию Юденича. Ее поддержали белоэстонские войска и корабли английского флота в Балтийском море. 17 мая белогвардейцы заняли Ямбург (ныне Кингисепп). 25 мая белоэстонцы и белогвардейцы захватили Псков.

Военная опасность, грозившая Петрограду, усугублялась его тяжелым внутренним положением. В городе свирепствовала эпидемия сыпного тифа. Рабочие голодали. Вновь зашевелились контрреволюционеры. Иностранные агентуры устраивали провокации и диверсии.

22 мая Центральный Комитет обратился ко всем партийным организациям с воззванием «На защиту Петрограда!». В нем говорилось: «Советская Россия не может отдать Петроград даже на самое короткое время. Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало. Слишком велико значение этого города...»

7-я армия, защищавшая подступы к Петрограду, получила пополнение. В 20-х числах июня она перешла в наступление, а в августе освободила Ямбург и Псков. В это время войска Восточного фронта под командованием М. В. Фрунзе полностью очистили от колчаковцев Урал.

Однако враги не смирились с поражением. Во второй половине лета 1919 года иностранные империалисты и внутренняя контрреволюция организовали новый поход против Советской Республики. На этот раз главный удар должны были нанести белогвардейские армии Деникина, вооруженные на деньги Антанты. Деникинцы начали наступление в Донбассе и быстро захватили большую территорию.

2

...В прохладный, ветреный вечер октября 1919 года бронепоезд № 6 имени товарища Ленина въезжал в прифронтовой город Ямбург.

Прославившийся боевыми подвигами, он курсировал между Гатчиной и Ямбургом, имея базу в Веймарне. Теперь, дымя, ощетинясь стволами орудий и пулеметов, которые грозно выглядывали из бойниц, он тяжело прошел мимо вокзала и остановился на западной окраине станции.

Со скрежетом открылись стальные двери, и из вагона и с площадок вышли красноармейцы в серых поношенных шинелях, в помятых полевых фуражках, с винтовками, а также помощник командира Петр Ни-

китин — приземистый, в гимнастерке, туго перетянутой широким ремнем. Он скомандовал:

— Всем по местам! Быстро!

Бойцы тотчас заняли посты вокруг бронепоезда, а один из них, Иван Осипов, побежал к водонапорной башне, вскарабкался по железной лестнице на крышу и стал смотреть в сторону белых.

На тендере паровоза, одетого в броню, стоял комиссар Иван Газа в длинной шинели и кожаной фуражке, держа бинокль.

На этом берегу Луги, на сырой холмистой равнине, виднелись окопы. А за полосой реки, на покатых холмах, чернела извилистая траншея противника. Дальше простирался лес, пересеченный дорогами и просеками. Все казалось спокойным и тихим, как в мирные дни. Но эта тишина была обманчива.

Через четверть часа на дальней просеке появилась колонна вооруженных солдат в темно-зеленых шинелях, которая быстро пересекла просеку и скрылась в лесу. За первой колонной последовала вторая, третья...

К паровозу подошел командир бронепоезда А. И. Шмай. Он крикнул:

— Ну что там, Иван Иванович?

— Три колонны противника двигаются лесом к нашему переднему краю,— ответил Газа, не отрываясь от бинокля.

Шмай поднялся на тендер и, взяв у Газа бинокль, стал наблюдать за скоплением противника. Вскоре по опушке леса прошел еще один вражеский батальон.

Шмай и Газа спустились вниз, закурили: командир — трубку, а комиссар — самокрутку. Шмай спросил:

— Как ты думаешь, почему враг скапливает здесь войска?

Иван, подумав, ответил:

— Сам посуди: зачем им скрытно перебрасывать

сюда пехоту? Зря ничего не делается. Готовятся наступать.

— Так,— сказал Шмай,— а замысел?

— Замысел? — Газа тряхнул головой.— Вероятно, белые опять, как весной, хотят отсюда нанести удар. Самый короткий путь к Петрограду!

В это время на шоссейной дороге показались два верховых. Впереди ехал начальник бронечастей Голубев, его сопровождал красноармеец. Сойдя с лошади, Голубев направился к командиру и комиссару. Шмай начал было уже рапортовать, но начальник бронечастей подал ему руку и спросил о боевой готовности бронепоезда.

— Бронепоезд к бою готов,— ответил Шмай.

Иван давно знал Голубева, этого широколицего плотного моряка, который два года назад участвовал в штурме Зимнего, а потом отлично командовал бронепоездом на Южном фронте.

— Белые подтягивают к Ямбургу войска,— сказал Газа.

— Откуда данные? — спросил Голубев.— В штабе армии и штабе дивизии об этом не знают.

— Мы — комиссар, я и наблюдатель — только что видели, как по опушке леса к нашему переднему краю прошли два батальона белых,— ответил Шмай.

Голубев приказал:

— Всем усилить бдительность. Бронепоезду остаться на ночь здесь. В случае чего — поддержать огнем 6-ю дивизию. А я поеду к комдиву и позвоню в штаб армии.

Быстро темнело. Со стороны залива дул сырой порывистый ветер. Шмай велел Никитину усилить охрану бронепоезда.

Газа, обойдя часовых, поднялся в штабной вагон. Здесь командир давал указания начальникам орудийных площадок. Комиссара же поджидали парторг и

агитаторы, которые собрались возле семилинейной лампы, тускло освещавшей лица людей и помещение. Старый приятель Ивана Газа, наводчик второго орудия Василий Куренков улыбнулся, вероятно вспомнив что-то веселое. Иван перевел взгляд на других, кто здесь был, но и те тоже улыбались: и пулеметчик Ваня Запевалов, сидевший у плотно зашторенного окна и зашивавший дыру на рукаве фуфайки, и разведчик Чадов, который, опершись на локоть, лежал на верхней полке и читал какую-то книгу, и медлительный в движениях командир второго орудия Петренко, дымивший самокруткой, и самый пожилой командир первого орудия парторг Лишенков, который сидел в накинутой на плечи шинели и держал в руке какую-то бумагу.

— В чем дело? — спросил Газа.

Куренков хотел что-то сказать, но Лишенков опередил его:

— Только что получена телеграмма из штаба армии. Тебе, Иван Иванович, объявлена благодарность в приказе за работу с населением. Вот она.

Газа молча прочел телеграмму. Он, конечно, обрадовался, но в то же время испытывал чувство неловкости. Получить благодарность, да еще в приказе командующего, приятно, но почему она объявлена только ему? Готовясь к боевым действиям, многие занимались культурно-массовой работой среди местного населения. В ближайших деревнях и селах проводили беседы, устраивали концерты: выступал струнный оркестр, певцы и танцоры, драмкружковцы ставили пьески. Газа в последнем донесении в политотдел просил отметить активистов, а там похвалили его одного.

— Благодарность заслужили все участники самодеятельности,— сказал он.

— Это верно,— ответил Лишенков.— Но главная заслуга твоя — как организатора. Так что все правильно.

Газа улыбнулся:

— Мне бы сейчас, ребята, портянки сухие. Ноги разнылись, должно быть, к непогоде.

— Найдутся! — Запевалов вытащил из-под лавки вещевой мешок и, развязав его, достал куски старой фланели.— Вот, Иван Иванович. Мать в дорогу положила.

— Спасибо.

— А ваши давайте постираю.

— Не надо, я сам.

Газа переобулся и, с наслаждением вытянув ноги, посмотрел на карманные часы. Лишенков сказал:

— Я от командира узнал, что мы здесь задержимся на ночь, и собрал товарищей. Надо выяснить обстановку, чтобы лучше сориентироваться. Так?

— Правильно.

— Почему мы здесь задерживаемся? — спросил Лишенков.

— Белые подтягивают к Ямбургу крупные силы,— сказал Иван.— Видимо, готовятся к наступлению. Городу грозит опасность.

Смуглое лицо Лишенкова сделалось озабоченным. Он сказал:

— Неймется гадам. Надо принять меры, чтобы они не застали нас врасплох.

— Да,— сказал Чадов.— Наших войск здесь маловато.

— А мы на що? Треба буде, як з орудий, з пулеметов начнем палить,— подал голос Петренко.

Куренков взглянул на Ивана и тихо заметил:

— Беляки молчат. Может, зря беспокоимся? А если они сунутся — мы им зададим феферу.

— Молчат,— согласился Газа.— Но неизвестно, почему молчат. Может, они нарочно хотят усыпить нашу бдительность, чтобы потом внезапно ударить.

Иван поглядел на друга, ожидая, что он еще скажет, но Куренков и все остальные молчали. Запевалов, зашив дыру на фуфайке, откусывал нитку. Лишенков

что-то писал в блокноте. Чадов, раскрыв томик Пушкина, опять стал читать. А Петренко тщательно тушил окурок. Однако комиссар понял, что все они ждут дальнейших сообщений и указаний.

— Так, значит, можно не беспокоиться? А, Василий? — переспросил Газа.

Куренков смущенно пожал плечами:

— Нет, отчего же. Я не возражаю. Просто сказал, что зададим феферу.

— А если они нам зададут феферу? — спросил Иван.— Положение сейчас очень трудное и тревожное. В стране голод, тиф, разруха. Деникин занял Воронеж и Курск, двигается на Орел и Тулу. ВЧК раскрыла в Москве антисоветский заговор «Национального центра». На днях в помещение Московского комитета партии была брошена бомба. Погибло двенадцать и ранено пятьдесят пять человек...

— Так и в Петрограде контра поднимает голову,— вставил Лишенков.

— Юденич, как и весной, может воспользоваться нашими трудностями,— продолжал Иван.— Вспомните, с чего он начал тогда?

— Взорвал два наших бронепоезда,— сказал Чадов.

— Верно. Значит, что мы сейчас должны делать? — опять спросил Иван.

— Утроить бдительность,— сказал Запевалов.

— Быть в готовности,— добавил Куренков.

— Сегодня же поговорить с бойцами, чтоб все были готовы, как штык,— веско произнес Лишенков.

— Усе скажем, що слышали,— пообещал Петренко.

Газа собирался проверить, как бойцы несут службу на броневых площадках. Но принесли ужин: жидкую ячневую кашу без жиринки и густой морковный чай без сахара. Хлеба вечером не полагалось. Его выдавали по четвертушке только к завтраку и обеду. Все быстро поужинали.

Вечером, когда Никитин выстроил в пролете вагона вторую смену караула и инструктировал бойцов, неожиданно с улицы донеслись крики: «Стой, пропуск! Стрелять буду!» Затем бухнул винтовочный выстрел. Никитин, выхватив из кобуры наган, бросился к выходу из вагона, за ним — караульные. Запевалов кинулся к пулемету.

— Что за чертовщина?! — выругался Шмай и, глянув на Чадова, который поспешно обувался, сказал: — Иди, братец, выясни.

Чадов выбежал из вагона. Газа прошел в соседний затемненный отсек вагона и посмотрел в бойницу. Кругом было тихо, только рядом с бронепоездом ярко светились автомобильные фары.

— Кажется, кто-то из начальства приехал,— сказал он.

— Надо встретить,— решил Шмай и пошел к выходу.

В это время у дверей вагона послышались шаги, кто-то вскочил на подножку. Чадов открыл дверь.

— Куда идти?

— Налево и прямо,— послышался голос Шмая.

В вагон вошли двое: один — подтянутый, средних лет человек в черном кожаном пальто, высоких сапогах и кожаной фуражке со звездочкой, второй — кавказец, с кинжалом в ножнах, пистолетом и саблей. Оба выглядели взволнованными. Человек в кожаном пальто правой рукой держался за ухо; из-под ладони текла струйка крови. Газа узнал начальника штаба армии Люндеквиста и его адъютанта. При Керенском Люндеквист был подполковником. Троцкий принял его как военспеца на службу в Красную Армию. Перед весенним наступлением Юденича Люндеквист уже командовал стрелковой бригадой, а летом получил назначение

в штаб 7-й армии. Шмай доложил, чем занята команда бронепоезда, а Газа представился и встал рядом с командиром.

Начальник штаба армии внимательно поглядел на них. Несколько секунд молчал. Иван подумал, что он сейчас примется распекать его и Шмая, но Люндеквист снисходительно сказал:

— Охрана бронепоезда организована хорошо. Часовые службу знают и несут ее бдительно. А то, что меня слегка ранили,— ерунда. Сам виноват.

Адъютант стал вытирать платком полоску крови на щеке Люндеквиста, затем попросил Шмая послать за врачом. Командир отправил Чадова.

Все замолчали. Иван догадывался, что начальник штаба армии не случайно прибыл на бронепоезд, и ждал вопросов, но Люндеквист перевел взгляд на Шмая.

— Вы давно командуете бронепоездом?

— Полтора года, с момента его создания,— четко ответил Шмай.

— Раньше в армии служили?

— Так точно! Уволился унтер-офицером.

— Это ваш бронепоезд в прошлом году сопровождал ценный груз?

— Наш.

— И мятеж в Ярославле вы подавляли?

— Так точно!

— И в Гжатске вы?

— Мы.

Иван ожидал, что начальник штаба похвалит или расспросит подробнее об этих событиях, но Люндеквист спросил о другом.

— Какое боевое предписание получил бронепоезд?

— Курсировать между Гатчиной и Ямбургом, опираясь на базу в Веймарне.

— Почему не вернулись на базу?

Шмай доложил о появлении перед Ямбургом свежих сил противника, представлявших опасность для города.

— Покажите на карте, что вы заметили,— приказал Люндеквист.

Шмай достал из сумки потертую, сложенную гармошкой карту и, развернув ее, указал пальцем:

— Вот здесь на холмах замечена новая траншея. Через эту просеку прошли два батальона белых.

Люндеквист надел очки в золотой оправе и принялся молча рассматривать карту. К нему наклонился адъютант и тихо произнес:

— У нас в штабе нет этих данных.

— Да, знаю,— Люндеквист поднял взгляд на Шмая.— Значит, только это вас и тревожит?

— Так точно,— ответил Шмай.

Начальник штаба посмотрел на комиссара:

— А вы что скажете?

— Противник сосредоточивает против Ямбурга войска. Вероятно, готовится к наступлению. Мы обязаны принять ответные меры,— твердо ответил Газа.

— Но это так просто не делается. Все должно быть согласовано со штабом армии. Железная дорога, которую вам поручено охранять, имеет важное тактическое и оперативное значение. А вы отказались от выполнения своей боевой задачи и взялись не за свое дело. Кто разрешил?

— Начальник броневых частей армии Голубев,— ответил Шмай.

— Вот как! — недоверчиво сказал Люндеквист.— Где он сейчас? Немедленно пригласите его сюда.

Шмай зашел за перегородку и велел вернувшемуся Чадову сбегать за Голубевым в штаб дивизии.

Адъютант Люндеквиста достал из кармана большую коробку каких-то папирос, раскрыл и протянул ее Люндеквисту. Тот взял свободной рукой папиросу

и прикурил от поднесенной зажигалки. Затем закурил адъютант. По вагону распространился запах душистого табака.

В вагон вошел врач Черных с потертым саквояжем и приблизился к Люндеквисту:

— Прибыл для оказания помощи раненому.

— Хорошо, доктор! Посмотрите, что у меня с ухом.

Ранка оказалась пустяковой: пуля слегка задела мочку, из которой сочилась кровь. Черных обработал ее, смазал йодом и наложил на ухо марлевую повязку.

— Легко отделались, товарищ начштаба,— сказал он, уходя.— В другой раз будьте осторожнее.

С улицы донесся оклик часового, лошадиный топот. Газа с облегчением вздохнул: прибыл начальник бронечастей.

Голубев решительно вошел в вагон и, окинув быстрым взглядом присутствующих, представился начальнику штаба. Люндеквист неподвижно сидел на лавке, нахмурив брови, и начальник бронечастей смущенно переступил с ноги на ногу. В тишине слышалось его учащенное дыхание.

— Почему нарушаете форму одежды? — резким тоном спросил его Люндеквист.

— Не нарушаю. Я — матрос Балтийского флота,— возразил Голубев.

— Бывший матрос,— поправил его Люндеквист.— А сейчас служите в сухопутных войсках и извольте соблюдать военную форму. Но я вас вызвал не за этим. Вы вносите кавардак в войска.

— Не понимаю, в чем дело? — сказал Голубев.

— Почему приказали остаться здесь бронепоезду, не согласовав этот вопрос со штабом армии?

— Не успел согласовать. Звонил вам — не дозвонился.

— Ах, не успели! А вы понимаете, чем это пах-

нет? Вот полюбуйтесь,— Люндеквист ткнул пальцем в свою повязку.— Чуть не отправили на тот свет.

Голубев укоризненно посмотрел на командира и комиссара бронепоезда.

— Почему своевременно не сообщили в штаб армии новые разведданные? — продолжал Люндеквист.— Опять не успели?

Голубев ответил:

— Мне самому только что доложили.

— Перед фронтом дивизии все спокойно? — спросил Люндеквист.

— Спокойно.

Начальник штаба медленно прошелся взад-вперед и, мельком взглянув на Газа, вдруг вспылил:

— Какого же черта вы, товарищ Голубев, отменяете боевое распоряжение командующего армией, обнажаете стратегически важный участок железной дороги! Кто вам дал на это право? Вы кто — командующий фронтом?

Голубев вытянул руки по швам:

— Никак нет, но я...

— Вы обязаны безоговорочно исполнять все приказы своих начальников,— оборвал его Люндеквист, останавливаясь.— На исполнительности зиждется военная дисциплина. Без железной революционной дисциплины нам не одержать победы. А вы самовольно отменили распоряжение командующего. Имейте в виду, у нас есть прямой приказ председателя Реввоенсовета республики гнать из армии всех дезорганизаторов и нарушителей. Вы что, хотите, чтобы вас сняли с поста и отдали под революционный трибунал? Так я помогу вам в этом!

Иван пристально смотрел в холодные глаза Люндеквиста и не сомневался, что тот может выполнить свою угрозу. Не было никаких сомнений в том, что общего языка с ним не найти.

Люндеквист вдруг тихо произнес:

— У нас есть резервы. И мы в любой момент можем перебросить сюда подкрепления: пехоту, артиллерию. Можем даже помочь с воздуха. А вы, вместо того чтобы наводить в войсках порядок, занялись самоуправством.— Он страдальчески приложил руку к повязке и выкрикнул: — Анархисты! Дезорганизаторы!

Иван сузил глаза. Спокойствие, не покидавшее его все время, начало изменять ему.

— Надеюсь, товарищ начальник штабарма, к командованию бронепоезда эти упреки не относятся? — спросил он.

Люндеквист сел и вперил злой взгляд в Газа:

— Относятся! И к вам, комиссар, и к командиру. Какое вы имеете право уклоняться от решения поставленной задачи? Расположились на ночлег под носом у противника, как стрелковое подразделение. А у вас своя тактика, своя задача.

Газа, не моргнув, выдержал его взгляд:

— Не вижу связи между действительным положением дел на ямбургском участке фронта и вашими требованиями. Белые подбрасывают сюда новые войска, готовятся к наступлению, а вы ослабляете этот участок. Бригаду 6-й дивизии отсюда перевели под Псков. Дивизия после весенне-летних боев не укомплектована. Ее части и подразделения разбросаны на стокилометровом фронте. Красноармейцы разуты и раздеты. Наш бронепоезд...

— Молчать! — крикнул Люндеквист и стукнул кулаком по столу.— Кто вам дал право критиковать приказы командования армии?

— Вы на меня не кричите,— бледнея, сказал Иван.— Я — комиссар, представитель большевистской партии и имею право критиковать ваши ошибки и просчеты. И я доложу куда следует обо всем, что здесь происходит.

— Это ваше право,— чуть сбавил тон Люндеквист.— Но порядок в армии вы обязаны соблюдать. Приказываю: немедленно приступить к выполнению боевой задачи! За невыполнение — расстрел!

Засунув руки в карманы пальто, Люндеквист пошагал к выходу. Адъютант включил электрический фонарик и побежал впереди, освещая дорогу.

— А когда прибудут подкрепления? — громко спросил Иван.

— Когда надо будет, тогда и прибудут,— буркнул Люндеквист, не останавливаясь.

В вагоне некоторое время было тихо. Шмай в сердцах выругался и, взглянув на комиссара, спросил:

— Ну, что будем делать, Иван Иванович? Придется возвращаться.

— Мне это не нравится,— сказал Газа.— Я обо всем доложу члену Военного совета.

Шмай приказал Никитину снять часовых. И вскоре бронепоезд, тяжело громыхая, двинулся назад.

4

Ночь была темная, ветреная. Вдоль железнодорожного полотна раскачивались ели. Бронепоезд шел медленно, точно ощупью. Бойцы тихо переговаривались.

Иван стоял у раскрытой двери вагона, беспокойно вглядываясь в сумрак, но ничего подозрительного не замечал. Слышались только грохот поезда, голоса бойцов да шум ветра. А позади, мерцая редкими огоньками, чернел оставленный Ямбург. Судьба его, видимо, складывалась трагично. Объятый ночной темнотой город за широким болотом и тускло серевшим кустарником казался теперь маленьким. Комиссар с затаенной тревогой вглядывался в его расплывавшиеся контуры.

Нет, что бы ни говорил Люндеквист, а опасность для города очень велика. Белогвардейцы, очевидно, те-

перь затаились, зарылись в землю, замаскировались в лесах и тихо накапливают силы, готовя внезапное нападение. Но когда они выступят? И сколько их там, под Ямбургом? Какая у них задача? Все эти неясные вопросы беспокоили Ивана.

К Газа подошел Лишенков. Попросив закурить, сказал:

— Ты, Иван Иванович, знаешь, что половина снарядов у нас на базе в Веймарне?

— Да.

— Так вот. Необходимо сегодня же их проверить и перенести на бронеплощадки.— Лишенков пыхнул горящей папиросой.— Надо быть наготове.

— Правильно, Степан,— согласился Газа.

— А знаешь, кто ранил Люндеквиста? — спросил Лишенков.— Красноармеец Ефремов. Тот самый паренек, который первое время был очень робок, ничего не знал и не умел. А сегодня он действовал строго по инструкции.

Газа решил проверить готовность орудий. Вагон и бронеплощадки освещались слабо, но Газа знал здесь каждый уголок и шагал уверенно.

У второго орудия, собрав возле себя бойцов, Василий Куренков басом выводил:

Долго я тяжкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя...

Бойцы дружно подхватили:

Старый товарищ бежать пособил —
Ожил я, волю почуя...

Куренков, неожидано оборвав песню, сказал:

— Нельзя ушами хлопать, ребята. Вспомните, как белые начали весной. Тогда их солдаты переоделись в красноармейскую форму, тайно пробрались в тыл к нашим и задали феферу. Два наших бронепоезда пошли под откос...

— Товарищ комиссар! — неожиданно послышалось в темноте.— Дежурный пулеметчик Касьянов.

Газа различил станковый пулемет; возле него стоял боец.

— Как дела, товарищ Касьянов?

— Здесь-то все в порядке,— глухим голосом ответил пулеметчик.— А вот дома плохо. Сегодня получил письмо. Мать умерла, царствие ей небесное.

— Да, печально,— посочувствовал Иван.— А как жена, дети?

— Голодают.

— Сейчас многие голодают. Вот разгромим контру, тогда все будет.

— Скорее бы.

Иван вгляделся попристальнее в лицо бойца. Газа знал его с того времени, когда прибыл с Путиловского завода в Сормово, где бронировались площадки бронепоезда. Тогда на общем собрании Газа единогласно избрали комиссаром бронепоезда, причем Касьянов кричал громче всех: «Выбирай Газа! Он наш! С ним не пропадем!» Первое время в бою Касьянов вел себя неуверенно, стрелял неважно.

Газа знал, что Касьянов неграмотен и набожен. Когда Иван пришел на бронепоезд, он сразу же взял на учет всех неграмотных и религиозных красноармейцев. В свободное время учил их писать, читать, считать, беседовал на атеистические темы. Шмай, Никитин и начальники бронеплощадок занимались с ними дополнительно боевой подготовкой.

— Как самочувствие? — спросил Иван бойца.

— Ко сну клонит.

— Спать нельзя. Белые за рекой зашевелились.

— Слышал,— сказал Касьянов и притих, вероятно ожидая, что еще скажет комиссар.

Газа спросил:

— Ничего подозрительного не замечали?

— Подозрительного? Нет, не примечал. Только на сердце скребет. Как бы, товарищ комиссар, беляки нас не тряхнули.

— Надо смотреть в оба. Пулемет в порядке?

— В порядке.

Иван поглядел в бойницу. Бронепоезд проходил полустанком Тикопись; мимо мелькали небольшие здания, деревья, столбы. Из-за грохота поезда и шума ветра ничего не было слышно.

— Ну что ж, товарищ Касьянов, я на вас надеюсь, знаю, что не подведете.

— Не сумлевайтесь! — с готовностью ответил пулеметчик и тихо спросил: — А сами-то вы как, Иван Иванович?

— Сам, как видите, бодрствую,— ответил комиссар и пошел дальше.

К Ивану подошел заряжающий первого орудия Костя Николаев. Веселый и общительный, он пользовался всеобщей любовью команды бронепоезда. Газа не раз видел, как он действует в бою. В то время как один снаряд уже находился в казенной части ствола орудия, Костя держал другой под мышкой, а третий подкатывал ногами.

— Орудие проверено и готово к бою,— бойко сказал он.— А закурить у вас не найдется, товарищ комиссар?

Иван оторвал лоскуток газетной бумаги, достал кисет, положил на бумажку щепотку табаку. Костя свернул цигарку и с удовольствием закурил. Глотая дым, оживленно продолжал:

— Говорят, беляки снова подходят...

За стенкой соседнего отсека слышались голоса. Увидев слабую полоску света, Газа открыл дверь, шагнул в тесноватый полумрак. Запевалов, Чадов, Петренко сидели вокруг стола, чистили и ели картошку, посыпая ее солью. Возле них дымился пузатый чугунок.

Начальник бронеплощадки Нациевский, красивый молодой мужчина с темными вьющимися волосами, встал.

— Не желаете ли поесть с нами, Иван Иванович?

Сидевшие за столом сдвинулись поплотнее, давая Газа возможность сесть. На стене, потрескивая и коптя, висел фонарь, распространявший запах керосина.

— Спасибо,— сказал Иван, продолжая стоять.

Все примолкли, почувствовав его настроение, а возможно, знали о том, что произошло в штабном вагоне. Картошки в чугунке уже не осталось. Запевалов и Чадов встали и, вытирая руки о полы телогреек, вышли из-за стола. Петренко застегнул телогрейку и тоже встал.

— Ой, спасибочки, дюже гарно поел.

Когда бойцы ушли, Газа сказал Нациевскому:

— Обстановка тревожная, Евгений Иванович. Немедленно выставьте на бронеплощадке наблюдателей.

— Есть! — сказал Нациевский и, выйдя, отдал нужное распоряжение. Когда он вернулся, живой взгляд его черных глаз задержался на комиссаре.

— Иван Иванович, неужели опять начнется?

— Не знаю. Но надо быть готовым к бою.

Зазвенел телефон: командир бронепоезда вызывал помощника и начальников бронеплощадок.

В штабной вагон явились почти все одновременно. Чуточку запоздал начальник второй орудийной площадки Семенов, недавно сменивший на этом посту убитого Ивана Капралку.

— Рассиживаться некогда,— сказал Шмай.— Поезд прибывает в Веймарн. Никитину нужно сразу же выставить часовых и дополнительных наблюдателей. Начальникам площадок приказываю всю ночь держать наготове по одному орудию и по два пулемета. Смену производить лично через каждые два часа. Погрузить все снаряды.

Шмай посмотрел на комиссара. Иван, полностью одобряя его распоряжения, рассказал о сложившейся обстановке и потребовал повысить бдительность личного состава.

Бронепоезд, подходя к Веймарну, замедлил ход. Иван направился к дежурному по станции, намереваясь связаться с членом Военного совета. Но сделать это оказалось нелегко. Газа дозвонился до Детского Села, где находился штаб армии, но его долго не соединяли с членом Военного совета. Иван снова и снова требовал срочно дать нужный телефон и наконец услышал далекий голос какого-то работника политотдела, который сообщил, что член Военного совета — в войсках, а командующий — в штабе фронта. Газа попросил позвать к телефону начальника политотдела. Через минуту тот взял трубку. Газа сообщил ему разведданные и рассказал о конфликте, который произошел в Ямбурге с Люндеквистом, и о разговоре с ним:

— Положение под Ямбургом требует вашего немедленного вмешательства. Город почти не защищен. А этого «военспеца» необходимо как следует проверить.

Начальник политотдела пообещал принять меры.

5

В полночь Газа проснулся и вышел из темного вагона, наполненного сонной духотой и бормотанием спящих бойцов. Осторожно закрыв дверь, он спрыгнул на землю. Луны не было видно, лишь светилось ее бледное пятно сквозь тучу над черным лесом, пахло водянистой прелью осенней травы. Газа направился к часовому, который окликнул его:

— Товарищ комиссар!

— Ну, как дела, товарищ Ефремов!

— Все тихо,— ответил красноармеец и зевнул.— Страшно охота спать.

Газа приказал:

— Спать нельзя. Не спускайте глаз вон с тех кустов.

— Есть, товарищ комиссар.

«Да, ночь удивительно тихая,— тревожно подумал Иван.— Точно все уснуло. Эта тишина расслабляет бойцов. Как бы этим не воспользовались белые».

Он пошел вдоль бронепоезда, который черной громадой застыл на рельсах. Ветеран войны был весь изранен. Осколки снарядов и пули всюду оставили на его броне вмятины, шрамы. На месте пробоин виднелись толстые заплаты, по их кромкам торчали шляпки заклепок. Иван вспомнил о своем участии в создании бронепоезда. Он вложил в это дело много энергии и сил. Работали тогда напряженно. В холодных мастерских гулял ветер. Рабочие обдирали пальцы, завинчивая болты в борта угольных платформ. На каждой из них поставили по два трехдюймовых артиллерийских орудия. Справа и слева от них установили пулеметы. От пуль и осколков снарядов платформы были защищены стальными листами, мешками с песком, проложенными между рядами бревен.

В таком виде в июле 1918 года бронепоезд направили в Ярославль на подавление мятежа эсеров.

Боевое крещение он выдержал с честью. После этого его решили забронировать по-настоящему и отправили в Сормово.

Для бронепоезда требовался комиссар. Райком партии остановился на кандидатуре Ивана. Его направили в Сормово.

Иван представился командиру как простой боец, прибывший для прохождения службы. Но умного Шмая провести не удалось. Он встречался с Газа на Путиловском, знал его как слесаря высшей квалифи-

кации, как партийного организатора и депутата Петроградского Совета. Приписав красноармейца к походной мастерской, Шмай поручил ему просмотреть и уточнить чертежи бронепоезда.

Красноармейцы — путиловские рабочие, одетые в шинели,— встретили Ивана радостно, как старого знакомого.

Собрав вокруг себя квалифицированных специалистов, Газа начал проверять чертежи. Орудийные башни, поворотные механизмы и броневые площадки были, в основном, сконструированы правильно, но кое-что пришлось исправить. Инженеры произвели дополнительные расчеты. И дело пошло.

Иван был в гуще рабочих и красноармейцев. Он присматривал за ходом работ, советовался с инженерами, помогал устанавливать орудийные башни.

30 августа 1918 года в Сормово пришло тревожное сообщение: тяжело ранен Владимир Ильич Ленин. Бойцы, собравшиеся на митинг, поклялись отомстить врагу за любимого вождя. Газа внес предложение обратиться к командованию с просьбой присвоить бронепоезду № 6 имя товарища Ленина. Личный состав единодушно поддержал предложение. Просьба была удовлетворена.

На общем собрании Ивана единогласно избрали комиссаром бронепоезда. Шмай, поздравляя его, сказал:

— Думаю, мы с тобой сработаемся.

Но первые дни их совместной службы омрачили некоторые обстоятельства. До избрания Газа комиссаром эту должность занимал бывший член завкома Н. С. Григорьев, левый эсер. Шмай был сторонником большевиков. Григорьев стал исподволь склонять его на сторону своей партии. Шмай раздумывал, колебался, отмалчивался. После разгрома эсеровского мятежа в Ярославле бойцы стали относиться к Григорьеву настороженно. Партийная организация, которую тогда

возглавлял Василий Мещерский, приняла решение о переводе Григорьева на другую работу. Шмай, находясь в какой-то степени под влиянием эсеров, стал отгораживаться от политической работы, говоря, что ею должен заниматься комиссар. Между тем за это время отдельные малосознательные бойцы подраспустились: уходили в самоволку, пьянствовали, гуляли. Газа, подтянутый и строгий, любил порядок, четкость, исполнительность. Он основательно взялся за перевоспитание разгильдяев.

А начал с командира. Шмай обычно ставил нарушителя по стойке «смирно» и кричал на него. Иван сказал:

— Если боец провинился, разъясни ему, накажи, если требуется, но не оскорбляй криком. Тебе надо избавиться от вредной привычки повышать голос на подчиненных.

— Почему вредной? — опешил Шмай.

— Бойцы подчинены тебе только по службе. Служат они не тебе, а делу партии, Советскому государству. И в этом отношении мы все равны. Своим криком ты нарушаешь идею равенства, за которую мы воюем. У тебя эта привычка сохранилась от старой казармы.

Иван разъяснил Шмаю решения партии по военным вопросам.

— А как же с дисциплиной? — спросил Шмай.— На бронепоезд проникли злостные анархисты.

— Злостных выгнать. К остальным повысить требовательность. Надо организовать учебу.

Они пригласили на совещание помощника командира бронепоезда Никитина, начальников бронеплощадок и командиров орудий. Решили отчислить двух ярых анархистов. Газа провел собрания с коммунистами и со всей командой. Под дружным напором коллектива нарушители дали слово исправиться. Командиры наладили учебу. Люди заметно подтянулись.

Но в вагонах было грязновато, бойцы нерегулярно мылись в бане, редко меняли белье, некоторые обовшивели.

— Это гнусное насекомое может вывести из строя команду,— сказал Иван.— Надо организовать на базе бронепоезда баню, стирку белья, лазарет. Нам нужен свой врач.

Шмай согласился. В одном из вагонов отвели место для лазарета, устроили душ, прачечную. Вызвали из Петрограда врача. Под его надзором все помещения выскоблили, провели санобработку, сменили белье.

— Ну как, комиссар, доволен? — спросил Шмай, улыбаясь.

— Не совсем,— ответил Газа.— С питанием у нас плохо. Разве это дело, когда каждые три-четыре человека самостоятельно готовят себе пищу. У нас воинский коллектив, и все надо делать сообща.

Отгородили часть складского вагона для кухни, установили два котла, плиту, назначили поваров.

Шмай, вероятно, считал, что комиссар после этого успокоится. Но он ошибся. Иван заметил, что настроение у многих бойцов неважное: одни в свободное время спали или дремали, другие, собравшись в тамбурах, курили, третьи играли в карты.

— Нам нужен вагон-клуб,— сказал Иван.

К бронепоезду прицепили пассажирский вагон, сняли в нем перегородки, покрасили стены. В клубе появились небольшая библиотека, рояль, духовые инструменты, балалайки. Газа организовал самодеятельную труппу и оркестр. Бойцы часто выезжали в соседние села с концертами.

После дооборудования бронепоезд прибыл в Москву и получил правительственное задание — сопровождать ценный груз, направляемый в Германию в счет репараций. Ночью Шмай поднял бойцов по тревоге и хотел сразу приступить к выполнению приказа.

— Постой,— сказал ему Газа.— Сначала объясни все людям. Это же красноармейцы-путиловцы, а не оловянные солдатики.

— А если разболтают? Может сорваться операция. Двенадцать вагонов ценного груза — дело нешуточное!

— Ты что? Не доверяешь своим подчиненным?

— Доверять-то доверяю, но...

Он выступил перед строем и объяснил задачу. Но предупредил:

— Если кто сболтнет хоть слово, расстреляю на месте!

В начале эшелона поставили орудийную площадку и бронированный паровоз, в конце — вторую площадку и еще один паровоз. На крыше каждого вагона расположились по три бойца с пулеметом и винтовками.

Позавтракав, утром тронулись в путь. До самой демаркационной линии, проходившей близ Орши, двигались с большой скоростью, нигде не останавливаясь. Между собой разговаривали изредка, и то шепотом. Ни шуток, ни смеха! Задание выполнили точно в срок, без малейших нарушений.

— Вот видишь,— сказал Иван Шмаю.— А ты боялся.

Вскоре бронепоезд направили на подавление контрреволюционного мятежа в Гжатске. Мятежники разгромили городской Совет, горком партии, многих коммунистов после изуверских пыток казнили. Заметив подходивший бронепоезд, они оставили город и сосредоточились в соседнем лесу. Оттуда толпами с винтовками, обрезами и гранатами двинулись на бронепоезд. Для устрашения бандитов Шмай приказал дать несколько выстрелов из орудий. Однако мятежники, неся потери, все же продолжали наступать. Тогда Газа предложил ударить по ним с фланга. Иван Иванович

и Никитин с бойцами взяли стоявший на станции автомобиль, установили на нем пулемет и, заехав с правого фланга наступавших, открыли огонь. Мятежники дрогнули и побежали. С помощью бронепоезда и других частей Красной Армии мятеж был подавлен.

— А ты молодец, комиссар,— сказал Шмай.— Мыслишь тактически верно.

Командующий войсками по подавлению восстания в Гжатском районе прислал командиру и комиссару письмо: «Приношу всей команде бронепоезда имени товарища Ленина искреннюю благодарность за совместную работу по ликвидации гжатского восстания, где ваши красноармейцы доблестно исполнили свой долг перед РСФСР и тем еще раз показали преданность революции...»

В начале декабря 1918 года бронепоезд перебросили на Южный фронт, который начинался тогда за Воронежем. Жестокий бой разгорелся за станцию Лиски. Разгромленный противник отступил. Еще месяц грохотал по дорогам войны бронепоезд № 6 имени товарища Ленина, громя врага под Вергелевской и Дебальцевом, под Алмазной и Луганском.

За успешные бои приказом по 8-й армии Южного фронта команде бронепоезда была объявлена благодарность. Весь личный состав наградили месячным окладом. На эти деньги бойцы закупили продовольствие для голодавших детей рабочих Нарвской заставы.

31 марта 1919 года бронепоезд прибыл на Путиловский завод и был поставлен на капитальный ремонт. Бойцы испытывали чувство огромного удовлетворения в связи с одержанными победами и в то же время грусть — некоторые товарищи не вернулись домой, сложив свои головы за правое дело. На торжественном митинге выступил Газа, рассказал о славных делах бронепоезда. Лица у всех были растроганные. И когда он, заканчивая речь, произнес: «Да здравствует Совет-

ская Россия!» — у многих слушателей на глазах появились слезы.

На следующий день Шмай, Газа, Никитин, Мещерский, Лишенков и все красноармейцы вместе со слесарями встали у верстаков.

А в конце апреля поступил приказ: направить бронепоезд на Псковский участок Северо-Западного фронта для борьбы с Юденичем. Два месяца курсировали в районе псковского участка, громили бело-зеленые банды, расчищали путь пехоте. Неоднократно приходилось сражаться с превосходившими силами врага. Не раз бронепоезд попадал в ловушки, но всегда с честью выходил из труднейших положений.

Однажды бронепоезд остановился на разъезде за Карамышевом и открыл огонь по вражеским позициям. Под прикрытием брони и пушек пошли на штурм красноармейские цепи. Белые стали отходить. Но тут к ним прибыл броневик. Скрываясь за кустами и ловко маневрируя, он вел огонь. Поразить его было трудно. Шмай приказал машинисту Майлову отходить, а начальнику первой площадки Нациевскому изредка вести пулеметную стрельбу. Когда отъехали версты полторы, Шмай велел прикрыть пар и тихо вернуться на прежнее место. Уловка удалась. Вражеский броневик вышел из кустов и был уничтожен. Красноармейцы бросились в атаку.

В другой раз, когда завязался бой с бандами Булак-Балаховича, наблюдатель заметил приближавшийся вражеский бронепоезд. Шмай приказал Майлову остановиться на опушке леса, а орудийным расчетам приготовиться.

Неприятельский бронепоезд мчался на всех парах. Когда он подошел примерно на версту и на повороте замедлил ход, Шмай подал команду открыть огонь из всех орудий. Вражеский бронепоезд буквально развалился на части.

Отступая к Пскову, белогвардейцы второпях оставили линию связи со своим штабом. Из трубки телефона слышалась эстонская речь. Газа послушал и сказал:

— У белых паника. Говорят, мы сегодня займем Псков.

По городу выпустили несколько снарядов. Белогвардейцы ответили усиленной артиллерийской стрельбой, которая длилась несколько часов, однако не причинила ущерба бронепоезду и частям Красной Армии.

26 августа Псков был освобожден. Бронепоезд вернулся на родной завод — нуждался в ремонте. После этого в конце августа он был спешно направлен сюда... Обо всем этом вспоминал сейчас Газа, обходя боевые посты.

Через несколько шагов он услышал голос Чадова, стоявшего у паровоза:

— Стой! Кто идет?

Чадов и другие часовые бодрствовали. Это успокоило Ивана. Он остановился у штабного вагона, закурил и долго смотрел на веймарнские леса. Вдруг в тени паровоза, где стоял Чадов, блеснула вспышка и, разрывая тишину, прогремел выстрел. Едва он раздался, как с первой бронеплощадки раскатилась дробная пулеметная очередь. Газа побежал к паровозу. От кустов по дороге к лесу проскакали три всадника, нахлестывая коней. И все стихло. Только из придорожных кустов доносился стон. Из бронепоезда выбежали бойцы и командиры. Они двигались осторожно, растянувшись по откосу. Иван, нагнувшись над раненым, спросил:

— Кто такой?

Пожилой мужчина в сером демисезонном пальто лежал на спине и хрипел. Изо рта и пробитой шеи текла кровь. Обессилевшая рука разжалась, из нее

выпал нож, звякнув о камень. Подняв его, Иван сказал:

— Вот, Чадов. Если бы проморгал, этот вражина отправил бы тебя на тот свет.

А подошедший Шмай добавил:

— Многим бы не поздоровилось.

Он приказал вызвать врача. Но когда прибежал Черных, раненый уже скончался. Документов при нем не оказалось.

6

В эту ночь в лесах юго-западнее Ямбурга развертывались полки и дивизии белых. Еще 28 сентября Юденич начал наступать правым флангом Северо-западной армии на Псков и Лугу. Части красных на том участке фронта отходили. По подсказке Люндеквиста штаб 7-й армии отдал поспешное приказание о немедленной переброске войск из-под Ямбурга в сторону Луги и Пскова. Фронт красных под Ямбургом оголился. Это убедило Юденича в том, что план захвата Петрограда вполне реален. И силы собраны более внушительные, чем при весеннем походе. Солдаты были полностью экипированы. Союзники дали все, что требовалось: артиллерию, танки и даже аэропланы с бомбами. Вдоволь имелось снарядов и патронов, снаряжения и продовольствия. Врагов обнадеживало и то, что для борьбы с Деникиным значительные силы Красной Армии были направлены на Южный фронт. В самом Петрограде действовал филиал «Национального центра», а в штабе 7-й армии красных работал осторожный и хитрый Люндеквист, который дал Юденичу точную информацию о дислокации, численности и состоянии частей и соединений красных под Петроградом, готовил совместно с деятелями «Национального центра» мятеж в Петрограде. Юденич отдал приказ уничтожить бро-

непоезда имени товарища Ленина и имени Володарского перед началом боевых действий...

На рассвете хорошо вооруженная Северо-западная армия белых перешла в наступление на петроградском направлении. Три дивизии переправились через Лугу в районе деревень Муравейно, Сабско и Реджа, в двадцати пяти — тридцати верстах южнее Ямбурга, и прорвали фронт стоявшей здесь в обороне 2-й стрелковой дивизии.

Самый сильный удар белогвардейцы нанесли 10-му стрелковому полку, штаб которого располагался в Муравейно. Под покровом темноты местные кулаки провели белых в тыл сторожевого охранения полка. Враги ворвались в штаб, где в это время находились комиссар дивизии Григорьев, начальник политотдела дивизии Чекалов и приехавший для установления контактов комиссар 19-й стрелковой дивизии Чекмарев. Белогвардейцы попытались захватить их в плен. В завязавшейся стычке Григорьев убил офицера и дал возможность спастись своим товарищам. Он отстреливался до последнего патрона и погиб в этом неравном бою. Разгромив оборону полка, белые двинулись в тыл дивизии. В прорыв устремились кавалерийские части. Конники понеслись по заранее разведанным лесным дорогам на Молосковицы и Волосово. Другая группа белых двинулась отсюда к Ямбургу, охватывая его с юго-востока.

Звуки далекого боя не достигали Веймарна, где стоял бронепоезд. Но тишина настораживала. Лишь около семи утра, после подъема, раздался телефонный звонок из соседнего батальона. Комиссар этого подразделения сообщил Ивану о прорыве белыми позиций 2-й дивизии.

Газа посоветовал Шмаю выяснить обстановку в штабе армии. С большим трудом им удалось связаться с Детским Селом. Но там, вероятно, еще не разоб-

рались в том, что произошло; помощник начальника штаба сказал:

— Не волнуйтесь, идут бои местного значения на участке 2-й дивизии. Положение мы скоро восстановим.

Лишь в полдень командир и комиссар бронепоезда получили телеграмму за подписью командующего армией и начальника бронечастей Голубева, которая предписывала: бронепоезд № 6 перегнать на полустанок Тикопись и быть в готовности отразить возможную атаку белых на Ямбург.

7

Белые намеревались взять Ямбург, нанеся одновременные удары с севера и юга.

11 октября предутреннюю тишину разорвал одинокий артиллерийский выстрел. Снаряд перелетел через изгиб Луги и разорвался за околицей деревушки Юркино, где находились в окопах красноармейцы 46-го полка 6-й стрелковой дивизии. За первым выстрелом ухнуло еще четыре. Артиллерийская канонада продолжалась около получаса. Юркино запылало, задымилась соседняя деревня Большой Луцк.

Под прикрытием артиллерии колонны белых с ходу по деревянным мостам форсировали Лугу, прорвали оборону 6-й дивизии и стремительно двинулись в обход Ямбурга с севера. За ними шли три английских танка.

Одновременно с юго-востока на город наступала группа белых, шедшая от Муравейно. Она тоже открыла артиллерийский огонь.

Разведчики-наблюдатели бронепоезда, дежурившие на крышах домов Тикописи, услышали стрельбу. Газа и Шмай, доложив об этом в штаб армии, подняли команду по тревоге. Бойцы быстро заняли свои места.

Командир поднялся в рубку, которая находилась между будкой машиниста и тендером паровоза. Отсюда было хорошо видно все, что делается вокруг, можно было корректировать огонь орудий и пулеметов. Шмай взял телефонную трубку и скомандовал машинисту Майлову:

— Полный вперед!

Бронепоезд двинулся на помощь защитникам Ямбурга. Иван Газа, обойдя расчеты, поднялся на тендер паровоза. Там рядом с командиром стоял с биноклем наблюдатель Осипов. Собственно говоря, комиссару здесь делать было нечего. Командир и наблюдатель хорошо знали свое дело и могли самостоятельно решать задачу. Газа им полностью доверял. Но пройдя горнило войны, он сделал для себя вывод: победу в бою одерживает тот, кто сумеет упредить противника, будет действовать более быстро и решительно. Поэтому в напряженные моменты Иван, не считаясь с опасностью, поднимался на тендер, старался первым заметить врага, разгадать его маневр, помочь командиру принять правильное решение.

Газа осмотрелся. Противника поблизости не было, но выстрелы слышались явственно.

Комиссар покосился на Осипова, который стоял рядом и внимательно осматривал местность. Грамотный парень, ранее работавший на квасном заводе, он пришел на бронепоезд добровольцем. Газа посоветовал командиру назначить Осипова разведчиком-наблюдателем. Путиловцы помогли новичку освоить солдатскую науку. И вот Осипов, учась и воюя, за полтора года превратился в бывалого воина.

— Товарищ комиссар,— сказал он.— Справа от города, вон за тем редким леском, идет колонна белых.

Приложив бинокль к глазам, Иван отчетливо увидел длинную колонну пехоты в зеленых шинелях. Впереди ехали на конях офицеры. Следом за пехотой шес-

терки лошадей тащили гаубицы. А дальше за ними ползли неуклюжие английские танки.

— Вижу,— сказал Иван.— Сообщите командиру.

Он перевел бинокль на Ямбург, который, казалось, все еще дремал среди садов и высоких сосен. Но так казалось лишь на первый взгляд. Присмотревшись, Иван увидел, что на улицах города паника: жители бегали взад-вперед, а некоторые уже ехали по Красносельскому шоссе на конных повозках, другие торопливо гнали к лесу скот.

Полотно железной дороги, по которой двигался бронепоезд, пока было свободно. Но, осматривая окрестности к югу от города, Газа увидел вторую группу противника, состоявшую из пехоты и артиллерии, которая стремительно шла навстречу первой.

Стало ясно, что белые окружают город и что красные войска, обороняющие Ямбург, могут оказаться отрезанными.

Газа прошел в командирскую рубку. Шмай смотрел на карту и кому-то кричал в телефонную трубку:

— У них впереди должна быть разведка. Не подпускать близко! Иначе они забросают нас гранатами! Что? Следите внимательнее!

Увидев комиссара, он положил трубку и вскинул на него вопрошающие глаза:

— Ну, что будем делать, Иван Иванович?

— Не давать противнику сомкнуть кольцо вокруг города,— сказал Газа.

— И я так думаю.

Шмай взял телефонную трубку и уже более спокойно приказал командиру первой бронеплощадки Нациевскому открыть артиллерийский огонь по правой колонне белых, а командиру второй площадки Семенову — по левой.

Бронепоезд остановился на опушке березовой рощи. Газа прошел на первую площадку. Все находились на

своих местах. Нациевский готовил исходные данные для стрельбы.

Газа знал, что Нациевский был очень требователен. За строгость, собранность и шинель с металлическими пуговицами бойцы прозвали его капитаном.

Другие командиры и бойцы тоже имели прозвища. Бородатого Шмая прозвали Дедом, самого Газа — Железным Комиссаром, красноармейца Осипова, ранее работавшего на квасном заводе,— Ванькой Квасом, а Куренкова — за то, что он любил напевать «Славное море — священный Байкал», окрестили Каторжником.

Нациевский имел навыки артиллерийской стрельбы и четко отдавал команды. Держа блокнот с записями расчетов, он приказал:

— Первое! Снаряд осколочный, прямой наводкой, по голове колонны противника...

Лишенков повторил команду. Николаев зарядил орудие. Пихонов быстро навел пушку на цель.

— Первое готово!

Начальник площадки взмахнул рукой:

— Огонь!

В бойнице блеснуло оранжевое пламя, площадка вздрогнула, и тишину разорвал резкий выстрел. Снаряд пролетел над болотом и разорвался неподалеку от головы вражеских колонн. Иван увидел, как в воздух взметнулась земля, камни и какие-то корявые кусты. Лошади передних всадников пугливо шарахнулись в стороны, но колонна продолжала движение.

Нациевский внес поправку в наводку, и следующий снаряд угодил в гущу неприятельской пехоты, разметав ее ряды.

— Молодцы! — сказал Иван.

Нациевский приказал стрелять из двух орудий. Артиллеристы выпустили по противнику еще несколько снарядов. Колонна белых рассыпалась. Пехота залегла. Английские танки попятились, пытаясь уйти из зо-

ны огня. Одно артиллерийское орудие завалилось вверх колесами, другое лежало на боку.

Бронеплощадка Семенова нанесла большой урон левой колонне противника. Однако две уцелевшие вражеские гаубицы развернулись за земляным валом и открыли ответный огонь. Стреляли они под большим углом из-за возвышения, и снаряды то перелетали, то недолетали, оглушительно взрываясь близ железной дороги, вырывая с корнями деревья.

Чтобы уберечь бронепоезд от прямых попаданий, Шмай приказал дать задний ход и увел его за земляной вал. А когда белые построились и опять двинулись в атаку, он снова вывел бронепоезд на опушку рощи и приказал открыть огонь из всех орудий.

Бой длился несколько часов. За это время подразделения 6-й дивизии красных успели выйти из города. Под прикрытием огня бронепоезда они стали стремительно отходить по Красносельскому шоссе и вдоль железной дороги. Одна из рот, охваченная паникой, бросилась врассыпную. Какой-то боец, бросив винтовку, закричал:

— Эй, путиловцы! Тикайте! Там белые, там танки!

— Трусы! Паникеры! — негодующе кричали с площадок и из вагона.

Бронепоезд один сдерживал натиск противника и прикрывал отход частей 6-й дивизии. Беспрерывно стреляя и медленно пятясь, он подошел к Тикописи.

Тут к бронепоезду подбежал начальник полустанка, размахивая телеграфным бланком. Шмай принял телеграмму, прочитал:

— «Бронепоезду № 6 двигаться к Ямбургу. Поддержать огнем части 6-й дивизии. Любой ценой удержать станцию. Обеспечить эвакуацию эшелона с имуществом... Обстановку учесть на месте...»

Газа, небритый, с ввалившимися от бессонной ночи глазами, стоял рядом и молчал.

— Что будем делать? — спросил Шмай.

— Приказ есть приказ,— сказал Иван.— Я за то, чтобы Ямбург вернуть. Но мне надо поговорить с большевиками.

— И я — за. Давай советуйся, только недолго.

Газа прошел в вагон-клуб, сел за стол. Совсем близко разорвался снаряд. Вскоре собрались члены партии — больше половины команды. Газа встал, обвел взглядом суровые и строгие лица. При виде этих испытанных людей, путиловских рабочих, у него стало спокойнее на душе. Он сказал:

— Нам дан приказ подойти к Ямбургу и удержать станцию. Но вы знаете, что она уже занята белыми. Мы могли бы выбить их оттуда, но за нами нет нашей пехоты, она отступила. Нам надо решить: идти вперед или нет. Приказ говорит: «вперед», обстановка — «назад». Но приказ допускает: «учесть на месте обстановку». Командир и я, учитывая обстановку и момент, решили: «Идем вперед». Надо задержать белых еще на полдня, на два часа, даже хотя бы на час, пока не прекратится отступление наших частей...

Все молча слушали. Лишенков, встав рядом с комиссаром, сказал:

— Мы можем все погибнуть, но свой пролетарский долг выполним. Большевики будут впереди, в этом я уверен.

Бойцы громко ответили:

— Не подведем, товарищ комиссар!

— Вернем Ямбург!

Нациевский шагнул вперед и твердо произнес:

— Первая бронеплощадка приказ выполнит!

— Надо верить, товарищи, что дело пойдет хорошо,— сказал Газа.— Это самое главное. А тем, кто не верит в победу, лучше оставаться здесь. Есть такие?

Никто не шевельнулся.

— Правильно,— сделал вывод Газа.— Это по-партийному. Все, товарищи!

Наступление началось сразу же, как только бойцы заняли свои места у орудий и пулеметов. Бронепоезд решительно двинулся в сторону Ямбурга. Навстречу по дорогам и тропинкам хмуро шагали отступавшие красноармейцы, ехали военные повозки, бежали с узлами перепуганные жители...

Белогвардейцы, захватив Ямбург, видимо, не ожидали контратаки наших войск. Поэтому бронепоезд беспрепятственно на малой скорости прошел к опушке березовой рощи и остановился на том месте, где стоял утром. Из города доносились редкие винтовочные выстрелы.

Врываться на станцию, не зная обстановки, было рискованно. Шмай решил послать на разведку Осипова и с ним еще двух бойцов — Калмыкова и Петра Еселева. Втроем они ходили в тыл белых под Лисками, добыли ценные сведения в Дебальцеве, отличились в Карамышеве. Их не раз хвалили на собраниях, объявляли благодарности. Калмыков был рослый, сильный парень с открытым простодушным лицом, Петр Еселев — тонкий, небольшого роста, ловкий, проворный, выносливый, что немаловажно для разведчика.

Получив задание, они осторожно спустились на землю и, бесшумно нырнув в придорожную канаву, скрылись в кустах.

Прошел час, еще минут двадцать. Все стали тревожиться. Что-то уж очень долго не возвращались бойцы. «Только бы они не напоролись на боевое охранение белых»,— думал Газа. Поднявшись на тендер паровоза, он прислушивался и всматривался в просветы между деревьями и в придорожные кусты. Однажды ему показалось, что он слышит долетавшие с окраины станции голоса. Но по-видимому, это были голоса белогвардейцев. Если они обнаружат разведчиков, может

вспыхнуть перестрелка. Но пока было тихо. К Ивану подошел Шмай:

— Ну, что будем делать, Иван Иванович? — спросил он, видимо, тоже сильно обеспокоенный.— Прошло полтора часа.

— Подождем еще минут десять.

Вдруг недалеко от рощи появился кавалерийский разъезд белых. По тому, как всадники быстро повернули коней и поскакали к городу, можно было предположить, что они заметили бронепоезд.

— Пора двигаться вперед,— сказал Шмай.— Иначе нас могут накрыть.

— А разведчики?

— Заберем попутно.

Бронепоезд вышел из рощи и, набирая скорость, двинулся к станции. Бойцы стояли на своих местах у орудий и пулеметов. Газа видел в бинокль почти всю станцию, за исключением скрытого деревьями вокзала, паровоз под парами и длинный товарный состав с обшарпанными красными вагонами, который стоял на запасном пути. Минут через десять бронепоезд был бы на станции. Но комиссар знал: белые могут вот-вот ударить и тогда все изменится. Он, не отрывая глаз от бинокля, продолжал наблюдать. Скоро семафор, а там рукой подать до товарного поезда.

Вдруг справа от станции, где находился пустырь, грохнуло орудие. Тяжелый гаубичный снаряд разорвался среди елей. За первым снарядом последовали другие. Шмай приказал открыть по батарее огонь. Бронеплощадки загрохотали, окутались дымом. На позиции противника что-то взорвалось, взлетело в воздух. Но вражеская батарея продолжала стрелять.

Бронепоезд обстреляла из пулемета и белогвардейская цепь, рассыпавшаяся по перрону. Орудие первой бронеплощадки открыло ответный огонь.

Бронепоезд, с ходу стреляя, подошел к станции и

остановился у стрелки, от которой начинался запасной путь. Белые усилили стрельбу. Бой разгорался. Осколком заклинило башню орудия на второй площадке. Шмай побежал туда.

Газа, стоящий на тендере, вдруг заметил, что от эшелона отделился паровоз и, набирая скорость, двинулся навстречу бронепоезду. Иван сразу разгадал замысел белогвардейцев: они хотели, чтобы паровоз с огромной силой врезался в бронепоезд.

Приказ всегда отдавал командир, но сейчас его на месте не было. Газа немедленно скомандовал:

— Никитин, бойцы, бегом на площадку! Майлов, полный назад!

Машинист сейчас же перевел реверс на обратный ход. В этот момент показались возвращавшиеся разведчики. Они успели вскочить на бронепоезд.

Газа перебрался с тендера на первую площадку и, подбежав к лобовому орудию, скомандовал:

— По паровозу противника, прямой наводкой...

Лишенков сам стал наводить орудие. Но, видимо, разволновался, и первый снаряд пролетел мимо. А паровоз все ближе и ближе... Газа, сохраняя самообладание, сказал Лишенкову:

— Не волнуйся, Степан!

Второй снаряд сбил у мчавшегося паровоза трубу, следующий попал в тендер, четвертый разворотил котел. Паровоз остановился.

Все облегченно вздохнули. Трофей-паровоз прицепили к бронепоезду и двинулись дальше.

Белые, заметив свою неудачу, вновь открыли орудийный огонь. Шмай, экономя снаряды, запретил стрелять.

Бронепоезд остановился в Тикописи, уже оставленной нашими войсками. И тут к Ивану подошел весь черный от гари изможденный человек.

— Кто такой? — спросил его Газа.

— Кочегар с этого паровоза. Простите великодушно,— залепетал тот, опускаясь на колени.

Газа велел ему встать и объяснить, в чем дело.

Кочегар, тяжело вздыхая, рассказал, что белые офицеры застрелили машиниста, тяжело ранили его помощника.

— А меня под страхом казни заставили пустить паровоз...

— Что же ты свою шкуру спасал, а о нас не подумал,— возмутился Иван.— Ведь у нас тоже есть жены и дети, отцы и матери.

— Простите великодушно. Струсил я.

— Ладно, иди,— смилостивился Иван.

Но кочегар не трогался с места.

— Будьте великодушны, сделайте еще одно доброе дело,— попросил он.— В паровозной будке спрятан у меня пуд пшена. Выменял у крестьян для голодающей семьи. Позвольте взять.

Газа разрешил.

8

Части 6-й дивизии спешно отходили. За ними тянулись толпы беженцев. А с фронта напирали белые. Захватив Ямбург, они двинулись за отступавшими красными войсками двумя колоннами: одна устремилась вдоль железной дороги, обстреливая бронепоезд, другая направилась к Красному Селу. К вечеру части 6-й стрелковой дивизии достигли окрестностей Веймарна. Сюда же прибыл и бронепоезд.

Газа и Шмай явились к дежурному по станции, связались с начальником оперативного отдела штаба армии. Но тот не имел точных сведений о прорыве противника и, когда Шмай доложил об отходе бронепоезда к станции Веймарн, приказал:

— Защищать станцию до последнего патрона! Ни шагу назад!

— Давайте обсудим обстановку,— предложил Газа Шмаю.

Командир разостлал на столе карту южного побережья Финского залива. Все закурили и, стараясь не уронить пепел на карту, нагнулись над ней. Никитин сказал:

— Фронт прорван. Шестая дивизия отошла к Веймарну, от второй нет сведений, но она отступила еще вчера.

Никитин — старый товарищ Газа; для него бронепоезд, построенный на родном заводе, стал домом и семьей, а вооруженная борьба с врагом — главной целью жизни.

— По-моему, пока не поздно, надо отходить к Гатчине,— продолжал он.

Шмай понимал, что стоять здесь опасно, но он получил приказ защищать станцию, поэтому сказал:

— Отходить не имеем права.

— А если нас отрежут? — спросил Никитин и посмотрел на комиссара.

Иван полагал, кто командование армии сумеет организовать оборону Веймарна, остановит здесь противника.

— Если отрежут, пробьемся.

Он проверил наблюдателей и караул. Бойцы несли службу исправно. У Ивана ныли больные, натруженные ноги. Он прилег на полку. Вспомнил Клаву, ее большие, опечаленные глаза, белоголового шустрого сынишку Борю. Перед отъездом он обхватил Ивана за шею ручонками и никак не хотел отпускать. «Папа, восьми меня на блонепоес». Смешной, еще не выговаривает «р» и «з». Иван незаметно уснул.

Проснулся от грохота снарядов. Белые обстреливали Веймарн. Видимо, они хотели уничтожить бронепоезд, так как снаряды рвались совсем близко от него на путях. Артиллерийская батарея 6-й дивизии стреля-

ла лишь из одного орудия; остальные были разбиты. Иван побежал к командиру. Шмай уже сидел перед картой. Он сообщил, что велел вывести бронепоезд из-под обстрела.

— Правильно!

Газа прошел на тендер, где стоял Осипов. Тот посторонился, давая место комиссару.

— Стреляют четыре орудия противника вон из-за того лесочка,— сказал Осипов.

Иван кивнул и посмотрел на то место, где ночью располагались пехотинцы. Теперь там никого не было.

Бронепоезд передвинулся на восточную окраину станции. Минут десять противник стрелял по пустому месту, затем, спохватившись, перенес огонь на окраину станции. После первых же близких разрывов Шмай перевел бронепоезд на прежнюю стоянку. Однако Иван приметил за околицей вспышки пулеметных очередей и, поняв, что белые приближаются, сообщил об этом командиру.

— Вижу,— ответил Шмай.— Мы сейчас им врежем.

Подпустив поближе цепи противника, бронепоезд открыл по ним пулеметный огонь. Белогвардейцы залегли в кустарнике.

Прибежал связной с запиской командира полка: «Мы отходим. Задержите противника хотя бы на час».

Наши войска отступили из Веймарна. Больше часа бронепоезд сдерживал наступление дивизии князя Ливена, ведя артиллерийский и пулеметный огонь. Потерпев неудачу в лобовой атаке, белые предприняли обходной маневр. Одна их рота с пулеметами двинулась кустарником на северную окраину станции, другая ворвалась в узкие улицы поселка с юга. Беспрерывно стреляла вражеская батарея.

Бронепоезд под вражеским огнем двинулся к Волосову. Однако и на этой станции слышалась винтовочная стрельба.

К бронепоезду подскакал на пегой лошаденке вихрастый мальчишка лет двенадцати, босой, в холщовой рубахе. Он поставил лошадь поперек рельсов и стал махать рукой, что-то крича. Шмай велел Майлову остановиться. Паренек сообщил, что в Волосове белые.

— Много их? — спросил Шмай.

— Отец сказал: полк и пушки.

— Где стоят пушки?

— Где-то за станцией.

Шмай сказал об этом комиссару.

— Ну что ж,— сказал Иван, выслушав весть об окружении.— Мы к этому готовы. Прорвемся. Но надо действовать вместе с пехотой.

Шмай отправился в стрелковый полк, который остановился в соседнем лесу. Вернулся повеселевший:

— Договорились о совместном прорыве,— сообщил он Ивану.— Вечером подойдем к станции и одновременно ударим. Только надо выяснить, где стоит батарея белых.

На этот раз в разведку решили послать Чадова и Ефремова.

Чадова на бронепоезде считали смелым бойцом. Еще в детстве, тринадцатилетним парнишкой, он тайно носил на Путиловский завод большевистские газеты и листовки. В февральские дни 1917 года, участвуя в составе отряда Красной гвардии во взятии тюрьмы, бесстрашно перелез через высокую, с колючей проволокой, ограду и, оказавшись во внутреннем дворе, открыл железные ворота. Во время вооруженного восстания в Петрограде был связным между Путиловским заводом и штабом военно-революционного комитета Нарвской заставы. На бронепоезд Чадов пришел добровольцем и сразу попросился в разведчики. Однако Шмай сказал: «У нас воинская часть, а не добровольное общество». Назначили Чадова заряжающим, но он заскучал. Газа, заметив перемену в настроении Чадо-

ва, поговорил с ним. Боец рассказал о своей мечте. Командир и комиссар удовлетворили его просьбу. Чадов оказался способным разведчиком. Не единожды бронепоезд наносил удары по разведанным им вражеским батареям. После одной успешной операции Иван собрал разведчиков и предложил Чадову рассказать о своих действиях в тылу врага. Чадов говорил ярко и убедительно. Комиссар назначил его агитатором. Сегодня Чадов, собираясь в разведку, был уверен в удаче.

Ефремов, напарник Чадова, скромный, но тоже смышленый и ловкий боец, веривший в счастливую звезду своего товарища, во всем подчинялся ему.

Шмай тщательно проинструктировал их.

— Вероятнее всего, батарея противника находится где-то на западной окраине станции,— сказал он.— Заходить в село и на станцию запрещаю, с солдатами и местными жителями не разговаривать. Обнаружите огневую позицию, подсчитайте, сколько и каких орудий, и обратно.

Газа посоветовал:

— Будьте осторожны, не рискуйте зря.

Разведчики пошли по лесной тропе, пролегавшей шагах в трехстах справа от железной дороги. Места для них знакомые, не раз проезжали мимо. Почти ничего не изменилось. Только осень прибавила деревьям желтизны и багрянца. У разлапистой сосны, где тропа раздваивалась, бойцы остановились. Отсюда было хорошо видно Волосово. По ближней улице прогарцевала группа всадников. Возле станции свежие окопы. А орудий не видно. Вероятно, стоят где-то па той стороне дороги. Чадов и Ефремов решили перебраться через дорогу и направились к железнодорожному мосту.

Они не знали, что в этот день белых в Волосове оповестили телеграммой из Веймарна о движении бронепоезда № 6 и стрелкового полка. Готовясь к отра-

жению атаки, белогвардейцы выслали своих лазутчиков, расставили секретные посты. Как раз в тот момент, когда Чадов с Ефремовым подходили к мосту через ручей, возле него, в кустах ольховника, затаились трое солдат с унтер-офицером. Едва разведчики подошли к мосту, как они выскочили из кустов.

Все остальное произошло быстро, в две-три секунды. Ефремов попытался вытащить нож из-за пазухи. Солдат сзади ударил красноармейца прикладом. Ефремов упал. Чадов один вступил в неравную схватку: сбил с ног унтер-офицера, ранил одного солдата. Но двое других схватили его, повалили, стали избивать. Чадова и Ефремова приволокли в село, бросили в подвал. Красноармейцев пытали и допрашивали. Ефремов после избиений и пыток почти утратил способность мыслить и чувствовать. А Чадов оказался удивительно живучим и выносливым. Он наотрез отказался отвечать на вопросы. Ему выбили зубы, сломали два ребра, исполосовали шомполами спину. Он стискивал запекшиеся губы, подавляя стоны. А когда ему отрубили пальцы на руках, закричал:

— Лучше убейте, гады! Все равно ничего не скажу!

Их вывели во двор. Уже смеркалось. Конвойные, подталкивая прикладами, отвели их за околицу села, к оврагу. Чадов, прижимая к груди окровавленные руки, попросил у солдата закурить. Тот свернул самокрутку и, раскурив, сунул ее в распухший рот Чадова. Сделав две-три затяжки, Чадов уступил самокрутку Ефремову. Прапорщик, построив отделение, приказал стрелять...

9

Весь вечер командир, комиссар и бойцы ждали возвращения разведчиков. К бронепоезду несколько раз прибегали посыльные из штаба полка, спрашивали, когда путиловцы выступят. Газа и Шмай тянули. А

когда больше откладывать стало нельзя, они решили засечь батарею противника, вызвав огонь на себя.

Бронепоезд выдвинулся на опушку леса и остановился. Шмай приказал Никитину и Нациевскому подняться на бугор слева от дороги и точнее сориентироваться, а когда вражеская батарея станет стрелять, определить ее местоположение. На холм справа от дороги он послал для наблюдения за точностью стрельбы Семенова и Осипова.

Когда все заняли указанные места, бронепоезд выехал и дал залп по станции. Тотчас в ответ впереди, слева от железной дороги, раздались пушечные выстрелы. Взметнулась поднятая взрывами земля.

— Майлов, полный назад! — скомандовал Шмай.

Бронепоезд нырнул в лес. Однако путиловцы успели засечь вражескую батарею.

— Вон она, у того холма! — закричал Нациевский.

Шмай подготовил исходные данные для стрельбы, передал их начальникам бронеплощадок. Бронепоезд опять вышел из леса, остановился на новом месте и открыл огонь из всех орудий по батарее. Она была уничтожена.

Ведя стрельбу из пулеметов и орудий, бронепоезд ворвался на станцию. Белогвардейцы в панике отступили.

Когда стрельба утихла, Иван взял два отделения бойцов и, расспросив местных жителей, разыскал залитый кровью подвал, где пытали Чадова и Ефремова, нашел их изуродованные тела за околицей села. Похоронив разведчиков на берегу обрыва, все вернулись на станцию.

Там бой разгорелся с новой силой. Белогвардейцы, придя в себя, наседали. Рукопашная схватка завязалась у переезда. В сумраке трудно было разобрать, где свои, где чужие. А сзади по дороге подходил свежий отряд белых.

— Из пулеметов! По задним! — кричал Шмай.

Застрекотали два пулемета. Первые ряды белогвардейцев были скошены пулеметными очередями. Отряд врагов отступил. Прорвавшихся к переезду тоже отбросили.

В сумраке виднелись воронки от взрывов, трупы солдат и лошадей, а с запада, из-за леса, уже слышались выстрелы — это спешили на помощь волосовскому гарнизону части дивизии князя Ливена. К бронепоезду прибежал посыльный командира стрелкового полка с запиской: «Задерживаться здесь нельзя. Мы уходим в Елизаветино».

Заправив паровоз водой и нагрузив в тендер дров, путиловцы выехали со станции и скоро догнали стрелковый полк. Газа, довольный тем, что прорыв удался, стоял у открытой двери вагона, осматривая местность. И вдруг раскатилось: ррр... трра-та-та-та!

Майлов резко затормозил. Впереди чернел развороченный железнодорожный путь. Торчали концы искореженных взрывом рельсов, сломанные шпалы. А справа из-под куста строчил пулемет. Первым же выстрелом орудие Лишенкова уничтожило пулеметный расчет врага.

Газа, возглавив ремонтную команду, вывел на полотно человек тридцать. Они оттащили в сторону искореженные рельсы и сломанные шпалы, выровняли полотно, принесли с ремонтной платформы запасные рельсы и шпалы. Работали споро. Газа завинчивал гайки. Дело двигалось к завершению. Кое-кто уже облегченно вздохнул и потянулся к кисету. И вдруг над головами засвистели пули.

— Ложись! — крикнул Газа и бросился на землю. Все залегли. Лишь один молодой боец замешкался и в ту же секунду ойкнул, повалился лицом в траву. К нему подполз Черных, оттащил в безопасное место. Рана оказалась не очень опасной.

Иван посмотрел в ту сторону, откуда стрелял пулемет, но ничего не заметил. Однако стоило команде снова взяться за работу, как огонь возобновился. Лишенков послал в кусты еще один снаряд.

Наконец путь восстановили, и бронепоезд медленно пополз по холмистой возвышенности.

Так, сдерживая натиск врага, бронепоезд медленно пробивался на северо-восток. Его неуязвимость бесила белогвардейцев. После каждой неудачи они предпринимали новые попытки уничтожить бронепоезд. Увязавшаяся за ним дрезина, вероятно, была какой-то очередной затеей белых. Ее заметили, как только она выползла на подъем и остановилась у небольшого лесочка. Три солдата соскочили на землю и залегли у насыпи. Четвертый, с лычками на погонах, сидел, согнувшись, за щитком пушки. Рядом с ним стоял офицер и в бинокль наблюдал за бронепоездом.

— Это разведчики,— сказал Газа.

— Они,— ответил Шмай.— Жалко снарядов. Осталось несколько штук.

Между тем солдаты поднялись с земли и, заняв места на лавках, взялись за ручной привод. Дрезина понеслась назад.

— Ее нельзя упускать! — закричал Иван.

Шмай махнул рукой:

— Пусть уматывает!

А через несколько минут бронепоезд атаковали два самолета. Шмай приказал стрелять по ним из винтовок, а машинисту Майлову маневрировать.

Майлов дал задний ход. Паровоз затормозил так резко, что люди едва удержались на ногах. На бронепоезд обрушился рой осколков от бомбы.

Самолет пронесся над лесом, набирая высоту. За первым аэропланом — еще один. Бомба, сброшенная с него, разрушила железнодорожное полотно. Газа опять вывел ремонтную команду.

На восстановление пути ушло больше часа. А когда Газа поднялся на тендер, то вновь увидел сзади увязавшуюся дрезину. Она мчалась к бронепоезду.

— Командир! — сказал Газа.— Прикажи уничтожить дрезину.

Куренков метким выстрелом из орудия разнес ее в клочья.

Бронепоезд двинулся дальше. Начался дождь. Видимость ухудшилась. Бронепоезд мог случайно напороться на какую-нибудь белогвардейскую часть, поэтому Шмай приказал Никитину удвоить посты наблюдателей, всем занять боевые места, а Майлову — идти тихим ходом.

Не доезжая нескольких верст до станции Елизаветино, бронепоезд выбрался из леса. И тут все увидели справа от железной дороги три орудия. Их стволы были направлены в сторону бронепоезда. Дальше, за кустарником, виднелись лошади: одни под седлами, другие в постромках. На опушке леса дымилась кухня. Возле нее толпились солдаты с котелками. Под тентом сидели офицеры.

Шмай скомандовал Майлову:

— Полный вперед!

Бронепоезд рванулся. Бортовые пулеметы открыли огонь. У белых началась паника. Многие бросились бежать: кто в лес, кто в придорожные кусты. Но один фельдфебель подскочил к орудию и выстрелил. Снаряд разорвался у колес паровоза. Провизжали осколки. Без потерь миновав поляну, бронепоезд снова ушел в лес.

Так путиловский бронепоезд, преодолевая препятствия, упорно прорывался из окружения к своим.

Майлов доложил, что на паровозе кончаются дрова.

— Найдем,— сказал Газа.— Где-то впереди я видел старые шпалы. Может, еще уцелели.

Но когда бронепоезд подошел к месту, где они лежали, поблизости показались белогвардейцы. Шмай организовал круговую оборону, а Газа с бойцами стал грузить шпалы на паровоз. Белые приближались.

Запевалов, стоя за пулеметом, пристально глядел в бойницу на мокрое, холмистое поле, по которому перебегали солдаты. Прикрываясь складками местности, они все ближе подбирались к тому месту, где бойцы грузили на паровоз топливо. Алексей попытался достать солдат пулеметной очередью — бесполезно. И другие пулеметы не причиняли им вреда. Алексей стал прикидывать, откуда лучше накрыть огнем врага. Заметив за насыпью небольшую, заросшую ельником высотку, он подошел к командиру:

— Разрешите ударить по белякам с той горушки.

Шмай посмотрел на бойца, потом — на высотку, на приближающиеся белогвардейские цепи. Расчет Запевалова был верен.

— Разрешаю,— сказал Шмай.— Только будь осторожен, братец.

Алексей, таща за собой пулемет, спустился с насыпи и, пригибаясь, побежал к высотке... Газа озабоченно смотрел ему вслед. Они были дружны давно. Запевалов был одним из тех, кто в семнадцатом году, работая на Путиловском, посещал молодежные собрания, митинги рабочих, а по вечерам пел в клубном хоре. Потом он вступил в Красную гвардию. Когда объявили мобилизацию в Красную Армию, попросился на бронепоезд.

Вместе с другими бойцами Запевалов старательно изучал военное дело, политграмоту, точно выполнял все приказы и распоряжения. Газа, часами просиживая с бойцами, разъяснял им политику большевистской партии. Запевалов все быстро схватывал и запоминал. Дружба комиссара с этим бойцом укреплялась в боях. Началась она под Лисками в декабре 1918 года. Пуле-

мет, возле которого в снегу лежал Запевалов, находился на левом фланге. Казаки, ведя сильный огонь, пытались обойти этот фланг. Запевалов открыл огонь. А белые все ближе и ближе. В самый критический момент отказало оружие. Алексей растерялся. И тут к нему подполз комиссар. Газа быстро устранил неисправность, стал метко, почти в упор стрелять по цепи противника. Казаки отхлынули.

— Вот так надо, дорогой товарищ,— сказал комиссар, вытирая пот с лица.

Алексей лег за пулемет и, прицелившись, дал точную очередь. После этого было много боев и походов. Комиссар был всегда с бойцами на самом опасном месте. Алексей привязался к нему. Их часто видели вдвоем. Иван рассказывал ему о Парижской коммуне, о жизни Маркса и Энгельса, о Ленине, а Запевалов внимательно слушал.

— Иван Иванович,— спросил его однажды Алексей, который очень любил читать.— А нет ли у вас чего-нибудь о самом главном в революции?

— О самом главном? — переспросил Газа, улыбаясь.— Ну что ж, найдется.— И дал ему книгу Ленина «Государство и революция».

Запевалов читал внимательно, иногда обращался к комиссару с просьбой объяснить непонятное. Газа и выступать перед бойцами Запевалова научил. Иногда он давал ему свежую газету, отмечал какую-нибудь заметку и говорил:

— Вот сам прочитай и объясни товарищам.

Газа рекомендовал Запевалова в партию.

...Сейчас Запевалов ловко взобрался на высотку, установил пулемет, разложил коробку с патронной лентой и замер за щитком. Шмай приказал пулеметчикам на бронепоезде временно прекратить огонь.

Белогвардейцы, видимо, решили, что на бронепоезде кончились боеприпасы. Долговязый офицер встал

во весь рост, что-то крикнул. Солдаты побежали к бронепоезду. В этот момент застрекотал пулемет Запевалова. Он яростно бил с высотки по наступавшим цепям. Многие солдаты упали, но остальные продолжали бежать вперед. Тогда по сигналу Шмая по ним ударили пулеметы с бронепоезда. Цепи противника окончательно смешались и, редея, откатились назад.

К командиру подбежал комиссар и радостно сообщил, что все шпалы погружены и можно трогаться. Но Шмай, хмурясь, молча кивнул на высотку. Иван посмотрел туда и увидел Запевалова. Боец, скорчившись в неловкой позе, застыл у своего пулемета.

— Что с ним? — спросил Газа и побежал к Запевалову. За ним кинулись Куренков и другие бойцы.

Когда Алексея принесли в лазарет, он был еще жив, но изо рта и пробитой навылет груди текла кровь. Черных, осмотрев рану, сказал:

— Сердце задето. Больше часа не протянет.

Запевалов умер, не приходя в сознание. По впалым щекам Ивана катились слезы. Никитин приказал вырыть могилу. Бойцы простились с погибшим товарищем и, похоронив его, двинулись дальше.

10

Сдерживая натиск противника, бронепоезд имени товарища Ленина вечером 15 октября подошел к Гатчине. Войска белых уже начали бой за город. Газа и Шмай договорились с командиром стрелкового полка о совместном прорыве, послали на станцию связных. Бронепоезд охраняли бойцы его команды и стрелковая рота. Другие путиловцы затаились у бойниц. Газа, проверяя готовность бойцов, говорил:

— Сейчас пойдем на Гатчину. Это наш последний бросок. Действуйте решительно, но берегите бронепоезд!

Потом он поднялся на тендер паровоза и, встав рядом с Осиповым, спросил:

— Тихо?

— Тихо, Иван Иванович.

— Скоро начнется.

Несколько минут комиссар стоял молча, прислушиваясь и вглядываясь в сумрак. Наконец над станцией вспыхнула ракета и, прочертив в воздухе красную дугу, рассыпалась. И тотчас послышался голос Шмая:

— Бронепоезд, к бою! Никитин, снять оцепление! Майлов, вперед!

Бронепоезд двинулся с места и пошел на врага. За ним побежала пехота.

Деревья, кусты, столбы поплыли мимо. Ветер и дождь били в лицо. Капли по стеклам бинокля стекали вниз, мешая глядеть. Газа опустил бинокль и увидел слева темную ленту дороги, которая тянулась вдоль железнодорожного полотна. И вдруг на ней замелькали повозки, с передних сидений оборачивались солдаты в погонах. Офицер на коне, указывая на бронепоезд, испуганно закричал:

— «Ленин»!

— Разглядел! — усмехнулся Газа и посмотрел на Осипова, который докладывал командиру о появлении обоза противника.

— Не обращать внимания! — ответил Шмай.

Газа, поймав удивленный взгляд бойца, пояснил:

— Нам некогда возиться с обозом. И патронов жалко. Сзади идет пехота, она им займется.

Навстречу неслись какие-то постройки. Дождь барабанил по броне.

На шоссейной дороге стояла автомашина с поднятым капотом, под ним копались два белогвардейца, а рядом еще человек десять. Шестерки лошадей тащили трехдюймовые пушки. За орудиями по грязи шли солдаты. Впереди колонны ехал на коне офицер.

Бронепоезд с ходу открыл по батарее огонь из двух бортовых пулеметов. Забилась в постромках лошадь. Офицер свалился под ноги коня.

...Показались станционные постройки. Здесь уже кипел бой. Рота белых, стреляя, перебежками наступала на станцию. С крыши каменного здания по ней яростно строчил пулемет.

Бронепоезд, замедлив ход, с тыла ударил из пулеметов по вражеской пехоте. Она залегла. Проехали мимо какой-то стрелки. «Только бы не попасть в тупик»,— думал Иван.

Раздался артиллерийский залп. Снаряды разорвались где-то у депо. Газа мысленно отметил это место. «Надо бы подавить батарею, да нечем. Эх, только бы проскочить!»

Бронепоезд благополучно прошел мимо депо. За путиловцами, крича «ура!», бежали красноармейцы. «Все! Прорвались!» — с облегчением подумал Иван. Но вдруг впереди показался красный свет от фонаря. Железнодорожные правила требовали остановиться. Иван быстро спустился в будку машиниста.

— Что там, Алексей?

Майлов, не отрываясь от щели, пожал плечами:

— Мало ли что может быть в такой сумятице.

— Тормози! — приказал Газа.

Его бросило на машиниста. Паровоз остановился. А кругом рвались снаряды, строчили пулеметы. К паровозу подбежал стрелочник с фонарем. Иван открыл дверь и спрыгнул вниз:

— Что случилось?

— Снаряд разворотил рельсы,— сказал железнодорожник.

— Быстрее переводи нас на другой путь,— приказал комиссар.

— Сейчас. Попятиться надо.

Пятиться пришлось под огнем. Стрелочник, опасли-

во оглядываясь, бежал рядом с паровозом. Наконец миновали стрелку. Стрелочник быстро перевел ее и дал зеленый свет. Выехав на свободный путь, бронепоезд медленно подошел к гатчинскому вокзалу. На станции еще продолжался бой. Иван вместе с командиром соскочил с бронепоезда, выбежал на перрон. Там шла эвакуация раненых. В дверях вокзала столкнулись с начальником бронечастей Голубевым. Шмай кинулся к нему с рапортом.

— Молодцы, братишки,— радостно сказал Голубев, обнимая Шмая и Газа.— А мы думали, что вы пошли ко дну. И газетка белогвардейская писала. Но пришли связные, сообщили, что все в порядке. Я специально вас поджидал. Ну, рассказывайте.

— Потеряли трех человек, пятеро ранены, бронепоезд нуждается в ремонте,— доложил Шмай.

— Кончились снаряды, бойцы двое суток ничего не ели,— добавил Газа.

— Это дело поправимое,— сказал Голубев.— Главное — пробились, сберегли бронепоезд. Вы нам нужны дозарезу. Обстановка, братишки, критическая. Белые заняли Орел, подходят к Туле. У нас еще хуже. Захвачена Луга. Оттуда только что пришел бронепоезд имени Володарского. Мы направили его под Красное Село. Там тоже бои.

Голубев написал распоряжение об отправке бронепоезда на Путиловский завод для ремонта. На него отводились сутки. Получив боеприпасы и продовольствие, бронепоезд обязан был вернуться на передовую.

В сплошной темноте бронепоезд двинулся к Варшавской линии. Все приободрились. И вдруг Майлов опять затормозил: оказалось, что впереди взорваны стрелки.

Ремонтировать их было некогда. Повернули к Николаевской железной дороге. Но на Тосненской ветке уже хозяйничали белые. Шмай рассвирепел:

— Смести белопогонников! Взять гранаты! Приготовить пулеметы! — скомандовал он.

Бойцы с гранатами встали у дверей, забрались на крыши вагонов. Показались белые. По ним сразу ударили из пулеметов. А в тех, кто приблизился к бронепоезду, полетели гранаты. Отбросив вражескую пехоту, бронепоезд вышел на Николаевскую дорогу и двинулся к Петрограду.

11

Рано утром 16 октября 1919 года бронепоезд въехал в город. В рабочие окраины врывался грохот артиллерийской канонады. В городе было тревожно. У хлебных магазинов стояли очереди. На некоторых улицах строились баррикады. На перекрестках были установлены орудия и пулеметы. У ворот Путиловского завода нацелилась в небо зенитная батарея. За Красненьким кладбищем женщины рыли окопы. Патрули проверяли у прохожих документы.

Во дворе завода Иван увидел директора Антона Васильева. Газа и Шмай подошли к нему:

— Вот, прибыли на ремонт.

Васильев прочитал записку, посмотрел на бронепоезд, который казался вышедшим из пекла.

— Видно, здорово вам досталось!

Собрались рабочие. Газа вскочил на дно опрокинутой бочки, сорвал с головы фуражку:

— Дорогие товарищи! Наш бронепоезд не посрамил имени вождя революции товарища Ленина. Команда дралась решительно и беспощадно. Смертью храбрых пал пулеметчик Алексей Запевалов. В застенке белых погибли разведчики Чадов и Ефремов. Пять человек ранено. И бронепоезд весь изранен. И не осталось у нас ни одного снаряда, ни одного патрона. А завтра снова в бой. Помогите нам, дорогие товарищи, поскорее отремонтировать бронепоезд!

Слесарь Свиридов хлопнул котельщика Антона Русакова по плечу:

— Мы все видим! А ну, Майлов, двигай его в мастерскую!

Майлов полез в будку. Паровоз зашипел, окутался паром. Бронепоезд пошел в цех. Рабочие — за ним. Васильев, шагая рядом с Газа, говорил:

— На заводе работают всего три мастерские. Материалов нет, топлива тоже. Многие рабочие ушли на фронт. Голод терзает людей. Сыпняк, холера, простуда! Но ваш бронепоезд отремонтируем.

Подъехала конная повозка. В нее перенесли раненых и отправили их в госпиталь.

Бойцы, сняв шинели и гимнастерки, мылись холодной водой. Кладовщик принес им по тощей селедке и по полфунта хлеба. Пока бойцы закусывали, рабочие лазили по бронепоезду, отмечали мелом повреждения и вздыхали. Потом Свиридов объявил:

— Тут работы на неделю.

— А надо сделать за сутки,— сказал Васильев.— Им завтра в бой. Белые у ворот города.

— Ослабли мы,— сказал кто-то.— Помощь нужна.

— А мы-то на что,— весело крикнул Куренков.— А ну, показывайте, где тут у вас свободные верстаки, инструмент, материалы.

Все бойцы — бывшие слесари, токари, кузнецы — изъявили желание помочь рабочим.

— Это другое дело,— сказал Свиридов.— Значит, так. Ты, Газа, со своей командой латай броню. Ты, Шмай, с Никитиным и Лишенковым чини орудия. Ты, Нациевский, с Семеновым занимайся башнями — ваше хозяйство. А я, Русаков и Майлов с бригадой рабочих будем лечить паровоз. За дело, ребята!

Газа трудился самозабвенно, изредка смахивая со лба пот. И так же старательно работали все бойцы и рабочие, словно ремонтировали собственный дом. Ни-

кто им не приказывал, не указывал. Они сами до всего доходили, все делали добротно.

Весть о прибытии бронепоезда быстро облетела Нарвскую заставу. Первой прибежала с целым выводком рыжеголовых ребятишек жена Касьянова.

— Тимофей, Тимоша, Тима! — закричала она, повиснув на шее смущенного пулеметчика. Он сгреб в охапку ребятишек, расцеловал жену и, поглядывая на товарищей, сказал:

— Я, видишь, работаю. Некогда мне.

Потом пришла мать Алексея Запевалова — сухонькая, седая старушка. У рабочих был перекур, и толпа молча расступилась, давая ей дорогу. Иван подошел к Запеваловой:

— Мужайтесь, Аграфена Петровна. Ваш сын Алексей геройски сражался с белыми...

Мертвенная бледность покрыла лицо женщины.

— Так это правда? Убит он?! — закричала она.— Ой, Алешенька! Алеша, сынок... Где он?

Газа посадил ее на ящик. Их окружили бойцы и рабочие. Лишенков принес кружку воды:

— На, выпей, Аграфена Петровна. Утешься, мать. Хороший был у тебя сын. Мы все любили его.

Старик Свиридов, насупившись, проговорил:

— Ты того, мать... Мы тебя в беде не оставим...

...По-ударному трудились весь день. Завком организовал питание на месте — работавшим приносили к бронепоезду хлеб, селедку, кипяток.

Вечером командира и комиссара вызвали в штаб армии, к начальнику бронечастей Голубеву. Шмай стал докладывать о боевых делах, но Голубев прервал его:

— Все знаю. В каком состоянии бронепоезд?

— Скоро отремонтируем. Люди работают старательно.

— Молодцы,— сказал Голубев.— Время сейчас очень горячее, положение чрезвычайно трудное.

— Я это знаю,— сказал Иван.— Мне интересно, какие указания дал Ленин?

— Позавчера исполком Петросовета получил от него телеграмму.— Голубев взял со стола лист бумаги с машинописным текстом и подал комиссару. Иван прочел: «Ясно, что наступление белых — маневр, чтобы отвлечь наш натиск на Юге. Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов. Проведите мобилизацию работников на фронт. Упраздните девять десятых отделов... Надо успеть их (белых.— *В. К.*) прогнать, чтобы вы могли опять оказывать свою помощь Югу».

Голубев встал и, пройдясь по комнате, сказал:

— Вчера Политбюро Центрального Комитета партии приняло решение не сдавать Петроград. Снять с Беломорского фронта как можно больше людей для обороны Петрограда. Помочь городу кавалерией... Однако Зиновьев и Троцкий хотят впустить белогвардейские войска в город для истребления их в уличных лабиринтах. Что вы на это скажете, Иван Иванович?

— Я думаю, это им не удастся,— ответил Газа, переписывая телеграмму.— Надо, как требует Ленин, разгромить врага на подступах к городу.

— Правильно,— сказал Голубев.— Вы отлично сражались. Сейчас вам ставится новая задача — оборонять район станции Александровская. Выступать завтра в пять утра. Надеюсь, справитесь?

Шмай, вспомнив свою усталую команду, ответил не сразу:

— Бронепоезду нужны продовольствие, боеприпасы, пополнение и хотя бы несколько часов отдыха. Люди не спали трое суток, голодали и сегодня весь день работают.

Об отдыхе Голубев не хотел и слушать, а насчет продовольствия и боеприпасов распорядился очень решительно, потребовав от работников тыла срочно обес-

печить бронепоезд всем необходимым по повышенной норме.

— А пополнение можно взять у вас на Путиловском.

Он позвонил в завком завода и ему обещали дать восемь рабочих.

12

Иван торопился: ему хотелось повидать жену и сына. Доехав на трамвае до Нарвских ворот, он побежал домой, но увидел только отца. Тот сильно сдал: еще больше похудел и поседел. Он рассказал, что мать лежит в тифозном изоляторе. Клава дежурит в госпитале, а внук Боря — у сватьи.

Когда Иван вернулся на завод, бронепоезд уже находился посреди двора, весь в свежих заплатах. Восемь рабочих, выделенных завкомом, в штатской одежде стояли возле бронепоезда. Одни восхищенно, другие с некоторой робостью поглядывали на стальную громадину с грозно торчащими из бойниц стволами пушек и пулеметов. Шмай беседовал с новобранцами. Молоденький веснушчатый паренек попросил:

— Дяденька, назначьте меня пулеметчиком.

— Я не «дяденька», а командир бронепоезда,— поправил его Шмай.— И в Красной Армии положено обращаться: «Товарищ командир!» Ясно, товарищ Русаков?

Газа рассказал новобранцам о боевом пути бронепоезда и призвал молодых бойцов как можно быстрее освоить свои специальности.

К бронепоезду подкатили два автомобиля, груженные ящиками, мешками, коробками. Из кабины выскочил Никитин и доложил о получении всего, что выписано. Шмай распорядился насчет погрузки. Бойцы, разбившись на группы, дружно взялись за работу. А ког-

да все перенесли в бронепоезд, отпросились домой. Им предоставили отпуск до трех часов ночи.

13

Газа и Шмай прошли в штабной вагон, сели за столик, закурили. Шмай сказал:

— В штабе разрабатывается план разгрома Юденича. В районе Колпино — Тосно формируется ударная группа. Начинают подходить резервы...

Иван дал Шмаю прочесть текст ленинской телеграммы. Слова: «Отбейте врага, ударьте на Ямбург и Гдов» — тот прочел дважды, второй раз — вслух. Восхищенно сказал:

— Вот это здорово! По-нашему, по-рабочему. В самую точку! Отбросить! Нанести удары. Только так можно покончить с Юденичем.

Возвращая телеграмму, спросил:

— Вот я всей душой с Лениным, с большевиками. Давно воюю за Советскую власть. И вроде неплохо воюю, ты знаешь. Так вот, как ты думаешь, Иван Иванович, гожусь я для большевистской партии?

Газа давно ждал этого вопроса. Он знал, что жизнь у Шмая сложилась трудная. В детстве Авраамий, как и многие дети рабочих, мечтал о школе, но отец отвел его на Путиловский завод и устроил учеником слесаря. Парень пуд соли съел, пока самостоятельно встал к верстаку. Когда началась война, Шмай попал на артиллерийскую батарею. Был подносчиком снарядов, заряжающим, наводчиком. А когда в бою погиб командир орудия, принял на себя командование расчетом и прямой наводкой рассеял взвод немцев. Получил Георгиевский крест и чин младшего унтер-офицера. После тяжелого ранения был демобилизован. Потом работал в пушечной мастерской слесарем. Командуя взводом красногвардейцев, в ночь на 25 октября смело атако-

вал юнкеров у Дворцового моста. Команду бронепоезда держал в руках. Все его приказания исполнялись быстро и точно.

Иван все же спросил:

— Раньше ты сторонился политической работы. Дескать, это дело комиссара. Как сейчас на это смотришь?

— Ошибался я тогда, Иван Иванович,— ответил Шмай.— Командир обязан заниматься и обучением и воспитанием личного состава.

— Пиши заявление. Я поговорю с коммунистами.

14

Отход наших войск продолжался. 16 октября белые заняли Красное Село. Через несколько часов вступили в Гатчину. В некоторых местах они приблизились к Петрограду на расстояние орудийного выстрела. Положение стало чрезвычайно опасным. Командование 7-й армии спешно направило на фронт бронепоезд № 6.

На Петергофском шоссе уезжавших провожали жены, матери, сестры. Среди них Иван увидел чернобровую Катю Нациевскую, молоденькую жену Куренкова Глашу с годовалым сынишкой на руках и других знакомых. Многие плакали, вытирая глаза кончиками платков и полушалков. Иван прощально помахал всем фуражкой.

Вдруг, расталкивая толпу, подбежала Клава со свертком книг. Из-под надвинутой на лоб пушистой шапки на Ивана умоляюще глянули родные глаза.

— Ваня, Ванюша! — закричала она, шагая рядом с бронепоездом.— Возьми книги.

Газа спрыгнул на землю и, приняв пакет, обнял жену:

— Я люблю тебя, Клавушка.

— И я тебя, Ваня. Скорее возвращайся!

Он поцеловал ее и, вскочив на подножку, крикнул:

— До свидания!..

Бронепоезд двинулся на Варшавскую железную дорогу.

Газа пригласил большевиков в вагон-клуб. Вместе со всеми пришли Шмай и Никитин.

Иван сказал:

— Владимир Ильич, большевистская партия требуют, чтобы мы отстояли Петроград.

Развернув бумагу с текстом телеграммы Ленина, он громко прочитал ее вслух.

— Какой ответ дадим Ильичу?

Выступали деловито, немногословно.

— Владимиру Ильичу ответим так: команда бронепоезда имени товарища Ленина с честью выполнит боевую задачу,— сказал Шмай.

Предложение приняли единогласно.

Разошлись по вагонам и площадкам: надо было поговорить с бойцами.

Рассвет был поздний, тревожный. Ветер гнал по низкому небу черные тучи. Впереди слышались разрывы снарядов. Сзади полыхало зарево, горели дома на Счастливой улице.

Газа пошел на первую бронеплощадку проверить готовность расчетов. В тускло освещенном помещении Петренко, собрав группу бойцов, рассказывал о телеграмме Ленина:

— Петрограда не сдавать... Треба побить злодеев вдали от дому.

Степан Лишенков знакомил Щукачева и еще двух новобранцев с орудием. По-хозяйски поглаживая ствол, он глядел на Щукачева запавшими от бессонных ночей глазами и спрашивал:

— Что это? Запомнил?

— Конечно, запомнил. Пушка, сделанная нашим заводом. Предназначена для стрельбы по всяким целям...

— По всяким целям! — повторил Лишенков.— Отвечай толком, для чего орудие предназначено?

Пожилой новобранец сдвинул на затылок тесноватую шапку со звездочкой. На лбу выступил пот:

— Для уничтожения вражеских батарей и пулеметов, скоплений пехоты и кавалерии, для разрушения укреплений белых...

Русаков стоял возле пулемета, а наводчик Касьянов наставлял:

— Помощник стоит здесь. Он подает ленту в приемник. Встань, Петя, здесь.

Худенький паренек в непомерно широкой гимнастерке ломким баском попросил:

— А нельзя ли мне, дядя Касьянов, не в стороне стоять, а сразу взяться за рукоятки?

— Пока нет, не все сразу.

Газа направился в паровозную будку. В тамбуре встретился со Шмаем.

— Скоро фронт,— озабоченно сказал Шмай.— Как бы не напороться на белых.

— Надо снизить скорость, проверить наблюдателей. Я пойду в паровозную будку.

— А я к Семенову...

Паровозная бригада занималась своим делом: машинист Майлов пристально смотрел сквозь прорезь на бегущие навстречу рельсы, его помощник следил за приборами, а кочегар бросал в топку дрова.

— Как дела? — спросил Газа.

— Пока нормально,— ответил Майлов, на миг оторвавшись от щели.— Но боюсь, как бы не налететь на беляков.

Газа приказал идти малым ходом.

Поговорив с бригадой и прочитав бойцам телеграм-

му Ленина, он поднялся на тендер. Там, в шапке и телогрейке, стоял на своем посту Осипов.

— Все тихо, товарищ комиссар,— доложил он простуженным голосом.

На пронизывающем ветру красноармеец продрог. Он втянул голову в плечи, сжался, посинел...

...Серая дымчатая мгла стала редеть. Все явственнее становился орудийный гул. А когда подъехали к Александровской, ветер донес запах гари. Пожар бушевал где-то впереди.

Иван пошел узнать обстановку. Дежурный по станции сообщил, что красные из Гатчины отошли к полустанку Татьянино и что там идет бой.

— Связь с полустанком есть? — спросил Газа.

— Нету со вчерашнего вечера.

Иван собщил об этом Шмаю. Тот, подумав, сказал:

— Бронепоезд прибыл в пункт назначения. Но мы сделаем ошибку, если будем здесь ждать белых. Надо громить их на подступах к Александровской.

Он вызвал начальников бронеплощадок, отдал боевой приказ.

— Нас там не ждут. Ударим внезапно. Действовать быстро, решительно,— закончил он.

Газа добавил:

— Молодых в этом бою поберечь. Пусть сегодня постоят сзади старослужащих, посмотрят, что и как делается.

Бронепоезд двинулся на полной скорости. Бойцы заняли свои места, командир залез в рубку, а Иван поднялся на тендер.

Бронепоезду удалось незаметно подойти к Татьянину. Красные роты, сильно поредевшие, держали оборону у крайних домов. На них надвигались густые цепи белых. Медленно пятился бронепоезд № 44. С другого конца полустанка по нему били артиллерийская батарея и бронепоезд противника.

Шмай, оценив обстановку, приказал открыть огонь из всех орудий по вражескому бронепоезду. Артиллеристы стреляли точно. Один снаряд сорвал с паровоза трубу, другой пробил броню площадки, третий разнес в щепы угол штабного вагона. Бронепоезд Юденича, не выдержав дуэли, бросился наутек...

«Сорокчетверка» была сильно потрепана. Ее командир Евдокимов, бывший штабс-капитан, и комиссар Михаил Богданов, ранее служивший бойцом на бронепоезде № 6, горячо благодарили товарищей за выручку.

— Как вы здесь очутились? — спросил Иван.— Голубев говорил, что вы под Красным Селом.

— Были,— ответил Богданов.— А когда оно пало, прорвались через Гатчину сюда.

Шмай спросил:

— Стреляют с закрытой позиции?

— С закрытой,— подтвердил Евдокимов.

— А где их НП?

— Кажется, на колокольне. Ее отсюда за деревьями не видно.

К ним подошел командир полка Всевобуча — небольшого роста, круглолицый, крепко сбитый мужчина, попросил:

— А патронами я у вас не разживусь, товарищи?

Шмай, обычно прижимистый, без лишних слов велел Никитину выдать пехотинцам взаимообразно три коробки. Быстро договорились о совместных действиях.

«Сорокчетверка» осталась на месте прикрывать тыл. А бронепоезд имени товарища Ленина прошел по запасному пути и двинулся на пехоту белых. За ним наступали красноармейцы. Шмай приказал Нациевскому открыть пулеметный огонь. Лобовой «максим» Касьянова первый застрекотал. Длинная очередь угодила в наступавшую от вокзала цепь вражеских пехо-

тинцев. Одних она скосила, другие в страхе бросились назад, иные залегли в придорожных канавах. Касьянов ударил по бежавшим. Один унтер-офицер спрятался за грудой валявшихся шпал. Разведчик-наблюдатель Калмыков бросил гранату. Иван увидел, что окутанный дымом унтер-офицер уткнулся лицом в землю.

На минуту на путях установилась тишина. Лишь находившийся неподалеку в укрытии офицер, вскочив на колени, кричал что-то, размахивая руками. По его команде из узких улиц поселка донеслось недружное «ура!» и дробь винтовочных выстрелов. Один из вражеских пулеметов застрочил по бронепоезду. Нациевский приказал Лишенкову уничтожить его. Метко пущенный снаряд разметал вражеский расчет.

Газа, забыв об осторожности, вновь поднялся на тендер. Бронепоезд, отвечая на стрельбу белых пулеметным огнем, шел вперед. Пуля обожгла кожу чуть выше правого уха комиссара. Он вытер ладонью выступившую кровь, поправил фуражку. Его внимание привлекла колокольня, показавшаяся из-за привокзальных тополей. Заметив на ней блеск стекол, Иван сообщил Шмаю:

— Там наблюдательный пункт.

— Вижу.

Бронепоезд остановился. Огонь открыло орудие Петренко. Наводил его Куренков. Первый снаряд упал шагах в пяти перед колокольней. Второй пролетел почти над самым крестом, выделявшимся на фоне серого неба. Зато третий угодил прямо в колокол, который даже загудел, но гул его тотчас был оборван взрывом.

Уничтожив НП, бронепоезд прошел мимо вокзала и двинулся к южной окраине полустанка. За ним наступал полк Всевобуча. Когда бронепоезд выкатился за дома, все увидели за переездом, в полуверсте, слева от железной дороги, пушки.

Офицер на батарее, лишенный связи с разбитым НП, наверно, не предполагал, что бронепоезд красных подойдет так быстро. Солдаты грелись у костра.

— Авраамий, батарея! — опережая наблюдателя, закричал Иван.

Командир подал сигнал «Огонь!». Один снаряд угодил в крайнюю пушку, и она опрокинулась вверх колесами, другой разметал упряжку лошадей, которая стояла в кустарнике.

Газа прошел на бронеплощадку. Нациевский подавал команды. Лишенков повторял их. Николаев мгновенно заряжал орудие. Пихонов докладывал:

— Первое готово!

Гремел выстрел. Второе орудие тоже стреляло. А Русаков помогал Касьянову и глядел в бойницу.

— Бей их, дядя Касьянов! — покрикивал он.— Бей, чтоб неповадно было!

— Да ладно, замолчи ты! Подавай ленту,— добродушно ворчал наводчик.

Подоспевшие красноармейцы захватили уцелевшую вражескую пушку, с полсотни снарядов к ней, много винтовок, патронов, гранат...

Из Гатчины к Татьянину подошли крупные силы вражеской пехоты и артиллерии. Под их ожесточенным натиском путиловские бронепоезда и полк Всевобуча были вынуждены отойти.

Бой на подступах к Александровской усиливался. Бронепоезда стойко защищали станцию и даже совершали смелые рейды в тыл врага. Об одном из них писала «Петроградская правда» 29 декабря 1919 года: «Когда противником было обойдено Детское Село и взят Павловск, бронепоезда вышли на 9 верст южнее станции Александровская и очутились не только в тылу цепей противника, но и в тылу его батареи, которая двигалась по шоссе на Детское Село, была замечена и вынуждена спрятаться за каменное здание обсер-

ватории. Оттуда она открыла ураганный огонь в тыл бронепоездам, но была сбита».

Выполнив задание, бронепоезда возвратились в Александровскую.

15

Израненную, оставшуюся без боеприпасов «сорокчетверку» пришлось отправить на Путиловский завод. Станцию теперь обороняли бронепоезд № 6 имени товарища Ленина и полк Всевобуча. Чтобы усилить оборону, Газа решил организовать ополчение из местных жителей. Он разослал по улицам поселка агитаторов. Вскоре возле бронепоезда собралось человек девяносто, в основном рабочие и их сыновья. Газа объяснил им обстановку, зачитал телеграмму Ленина о защите Петрограда. Из ополченцев сформировали отряд, командиром выбрали стрелочника Лосихина, помогли ему разбить людей на десятки, вооружили всех трофейными винтовками, выдали каждому патроны.

Отряд расположился цепью на южной околице станции, за оврагом, на сжатом поле, и стал рыть траншею. Люди работали дружно, старательно. Еду им приносили в узелках женщины и дети. Но все опасливо посматривали на село Большое Кузьмино, накануне захваченное белыми.

Полк Всевобуча, ободренный поддержкой ополченцев, тоже быстро окапывался. Трофейную пушку командир поставил у железнодорожного полотна, а свое орудие нацелил на Большое Кузьмино.

Вечером бронепоезд имени товарища Ленина вышел на юго-западную окраину Александровской, откуда открывался хороший обзор позиций противника. А когда стемнело, осторожный Шмай тихонько отвел его в более надежное место — к каменным стенам вокзала, под тополя и липы.

Газа обошел посты. Часовыми стояли опытные бойцы, службу несли бдительно.

Около двенадцати ночи прибыл рабочий отряд и занял оборону на юго-восточной окраине станции. Было тихо, лишь из Детского Села доносились выстрелы.

А на рассвете послышался вой бомбы, сброшенной вражеским самолетом. Она разорвалась где-то за околицей станции. Следующая взорвалась возле бронепоезда. Особенно густо бомбы ложились на том месте, где бронепоезд стоял вечером. Оттуда доносился такой грохот и треск, что казалось — там все сметено. Самолеты сделали новый заход. И теперь сбрасывали бомбы на позиции полка Всевобуча и ополченцев. Ополченцы не выдержали и, охваченные паникой, врассыпную бросились бежать.

— Стой! — крикнул Иван, быстро спускаясь с паровоза. Он выстрелил в воздух из маузера и, догнав Лосихина, схватил его за ворот телогрейки:

— Стой! Опомнись! Чего ты испугался?

Собрав отряд, Иван сказал:

— С фронта бегут только изменники. Стыдно! Свои дома защищаете. А ну, вперед, марш!

Ополченцы вернулись к своей траншее. Некоторые удрученно вздыхали, оглядываясь на поднимавшегося на паровоз Газа.

Машинист Майлов восхищенно сказал своему помощнику:

— Ну и молодец у нас комиссар! Одно слово — путиловец!

Помощник согласился:

— Таких комиссаров поискать. Главное — душа у него наша, рабочая!

16

Бронепоезд, выдвинувшись вперед, остановился на юго-западной окраине станции. Справа и слева, чуть впереди, в траншеях и окопах готовились к бою крас-

ноармейцы, рабочие петроградского отряда и ополченцы. Трофейное орудие валялось с перебитой осью. Тут же на позиции лежали двое убитых. Фельдшер перевязывал раненого.

Рассвело. Дым и пыль рассеялись. Вдали показалась цепь противника, которая со стороны детскосельского парка двинулась к заиндевевшему сжатому полю. За ней появились вторая цепь, третья. Они с каждой минутой приближались, перекатываясь с пригорка на пригорок. За солдатами шли офицеры.

По ним начало пристрелку полковое орудие. Его поддержало орудие с бронеплощадки Нациевского. Пушки выбросили на головы белых шрапнель. Артиллерия противника, скрытая за холмом, с каждой минутой все ожесточеннее стала отвечать на стрельбу наших. Однако огонь ее был неточен. Пехота белых, неся значительный урон, короткими перебежками продвигалась к станции.

Иван, посмотрев в сторону Большого Кузьмина, вдруг увидел небольшую группу всадников, которая скакала по дороге к Александровской. Через минуту сквозь редкие кусты пошла белогвардейская цепь, а еще через несколько минут стали отчетливо видны еще две пехотные цепи.

Газа понял замысел белых: их роты и батальоны одновременно наступали с фронта и левого фланга. К отражению такой атаки бронепоезд был готов, и комиссар чувствовал себя уверенно. Но когда он увидел, что вслед за пехотой из переулков Большого Кузьмина выкатились запряженные шестерками лошадей четыре тяжелые гаубицы, его охватило беспокойство, так как бронепоезд стоял на открытом месте. Газа знал, что и бойцы, глядя на эти гаубицы и наползавшие цепи белогвардейцев, тоже тревожатся. Они ждут команды, а Шмай почему-то молчит. Промедление могло стать гибельным. Газа шагнул к рубке:

— Авраамий, почему медлишь? Бей быстрее!

— Сейчас. Только передам данные для стрельбы.

Гаубицы белых разворачивались; маленький офицер, махая руками, руководил их установкой за холмом. Лишь одной, крайней слева, не хватило там места, и она осталась на открытой лужайке. Ездовые уже угоняли упряжки лошадей за овины.

Наконец выстрелило орудие второй бронеплощадки. Снаряд упал близко от того места, где стоял офицер, взметнув вверх столб земли. Офицер зашатался и, схватившись за грудь, рухнул. К нему бросились солдаты. Семенов, воспользовавшись этой суматохой, дал залп по огневой позиции белых. Но гаубицы стояли невредимыми.

Шмай приказал повернуть и орудия первой площадки в сторону Большого Кузьмина. Но Иван не успокоился даже тогда, когда Осипов радостно закричал:

— Разбита! Одна гаубица разбита, товарищ комиссар!

— Вижу: лежит на боку. А остальные-то живы и не достать их из пушек, а мы у них на виду.

Вскоре гаубичная вражеская батарея начала пристрелку. Тяжелый снаряд оглушительно разорвался у оврага, сделав огромную воронку и закидав землей и осколками штабной вагон. Комиссар понимал, что за этим снарядом последуют другие, и тревожно смотрел в сторону села. Весь холм был в черных воронках, но вражеские орудия, скрытые земляным гребнем, действовали. Вот и второй гаубичный снаряд пролетел почти над самым паровозом и разорвался возле зеленого, с красной железной крышей домика, выбив в нем все стекла. Затем пролетели сразу три снаряда. Перенесла огонь с фронта на бронепоезд и другая батарея белых.

Шмай приказал Майлову отойти за вокзал. Обстрел

бронепоезда прекратился, но и сам он не мог вести огонь: мешали деревья и здания.

Шмай велел зарядить орудия и быстро вывести бронепоезд на прежнюю позицию. Дав три залпа по растерявшимся белякам, бронепоезд вновь ушел в свое укрытие, потом вынырнул с другой стороны вокзала и опять нанес внезапный удар. Часа полтора путиловцы громили врага, а сами оставались в безопасности.

Тогда беляки вызвали аэропланы. Но Шмай увел бронепоезд со станции в земляную выемку. Осипову разрешил спуститься на площадку. Бронепоезд маневрировал. Первый самолет сбросил бомбу за насыпью, подняв стену земли и камней.

Еще один аэроплан атаковал бронепоезд. Майлов резко затормозил. Иван видел, как из-под крыльев отделилась черная грушевидная бомба и с пронзительным визгом пошла вниз. Казалось, что она падает прямо на бронепоезд. Иван захлопнул дверь, велел Осипову и Щукачеву лечь. Площадку накрыло землей, тряхнуло. Ивану казалось, что он куда-то проваливается. Открыв дверь, увидел: насыпь снесена. Но бронепоезд не пострадал.

— Еще бы немного, и конец,— сказал Щукачев, поглядывая на небо, и вдруг крикнул:

— Опять летят!

Он хотел спрыгнуть вниз, но Осипов схватил его за ворот гимнастерки:

— Куда?! Здесь безопаснее.

Бронепоезд снова сманеврировал. Аэропланы сбросили впустую еще три бомбы и улетели.

Тем временем белые продолжали наступать. Красноармейцы, не выдержав, стали отходить. Бронепоезд, стреляя из всех орудий и пулеметов, двинулся на врага. Беляки повернули назад. Красноармейцы, рабочие и ополченцы кинулись их преследовать. Но на бронепоезд опять обрушилась артиллерия противника. Один

снаряд задел бок паровоза, содрав два листа брони. Пришлось снова уйти в укрытие. Пехотинцы отошли к домам. Начался бой за каждую улицу, за каждый переулок. Бронепоезд, появляясь из-за станционных строений, бил по огневым точкам и скоплениям пехоты. Но силы были неравные. К вечеру нашим войскам пришлось оставить станцию...

Бронепоезд отходил последним. Белые кинулись наперерез, намереваясь его окружить, но им пришлось отступить под ливнем пулеметных очередей. С другой стороны, из-за домов, вылетел вражеский эскадрон. Кавалеристы кричали, стреляли, размахивали саблями. Но, попав под пулеметный огонь, повернули вспять. Бой закончился. Несколько минут Иван молчал, потом сказал Шмаю:

— Сегодня команда хорошо дралась. Мы выиграли еще один день. Еще бы немного продержаться.

Шмай сказал:

— Продержимся...

Вдруг застрочил пулемет, по броне зацокали пули. Бронепоезд остановился. Справа от дороги, на косогоре, заросшем кустарником, виднелись фигуры вражеских солдат и щиток пулемета.

Шмай приказал Нациевскому уничтожить пулеметный расчет. Когда с ним было покончено, Газа вышел из вагона, и удивился: костыли из шпал вытащены, гайки с болтов отвернуты, но рельсы лежат на своих местах. Каким-то чудом половина состава уже прошла по ним, а паровоз и первая площадка стояли на поврежденном участке. Иван хотел возглавить команду по ремонту пути, но Шмай, покосившись на Большое Кузьмино, где стояла вражеская гаубичная батарея, предложил:

— А может, попробуем пройти, Иван Иванович? Ведь проскочила же половина состава. Здесь стоять опасно.

И как бы в подтверждение его слов у села рявкнула гаубица, донесся нарастающий вой снаряда. Он разорвался недалеко от бронепоезда.

— У них это место пристрелянное,—сказал Шмай.— А ну, Майлов, двигай потихоньку.

Газа предложил поддерживать рельсы ломами. Человек двадцать с ломами встали по обе стороны паровоза и бронеплощадки. Паровоз медленно сдвинулся с места и осторожно пошел по дрожавшим рельсам.

Бойцы стояли, не спуская глаз с колес, которые тихо катились по шатавшимся рельсам. Шпалы качались и скрипели. Наконец паровоз выбрался с поврежденного участка, за ним благополучно прошла и орудийная площадка. Все обрадовались и побежали к своим местам. Бронепоезд двинулся на северо-восток, чтобы укрыться в земляной выемке.

До нее оставалось шагов сто, когда гаубичный снаряд догнал первую площадку и пробил крышу. Бронепоезд содрогнулся и, сбавляя ход, скрылся за насыпью.

Иван, выскочив из вагона, побежал к пострадавшей площадке. Из бойниц и щелей ее шел дым.

— Сюда, товарищи! — кричал Щукачев.— На помощь!

Газа поднялся наверх. Вся площадка, ниши, бойницы, орудия и пулеметы были окутаны густым дымом. В рваном проеме крыши серело небо. Несколько бойцов было ранено. Наводчик второго орудия Пихонов стоял на коленях, привалившись лицом к прицелу, а руки его все еще сжимали механизм наводки. Иван подхватил его под мышки, намереваясь поднять, но боец был уже мертв, из пробитого виска струйкой сбегала кровь. На полу, распластавшись, со снарядом в руках, неподвижно лежал Костя Николаев. Газа подумал, что заряжающий погиб, но Костя вдруг встал и, виновато улыбаясь, сказал:

— В ушах звон, как в колокола бьют.

Долго не могли подняться на ноги Лишенков, Петренко и Куренков — их тоже контузило. К стенке возле лежащего на боку пулемета прислонился окровавленный Касьянов. Рядом с ним сидел Русаков и потирал колено. Нациевский, болезненно морщась, прижимал руку к груди. Из-под ладони струилась кровь, смачивая гимнастерку.

— Иван Иванович, мне плохо. Помогите встать,— попросил он чуть слышно и застонал. Прибежали Шмай, Черных, Никитин, бойцы. Черных стал осматривать пострадавших. Газа и Никитин помогали ему. Раненых и контуженных отправили в лазарет.

Касьянов получил не особенно опасное ранение. Его перевязали. А Нациевскому было плохо. Крупный, с зазубринами, осколок, пробив грудную клетку, видимо, задел легкое и печень, вызвав обширное кровоизлияние. Раненый впал в беспамятство. Его томила жажда. Все время, как только сознание возвращалось к нему, он просил воды и жадно пил. Каждое движение причиняло ему жестокую боль, он стонал, а когда впадал в беспамятство, то громко кричал что-то несвязное или жалобно звал жену. Врач давал ему лекарства, делал уколы.

Поздно вечером Нациевский на несколько минут пришел в себя и сказал, что ему лучше.

— Где мы? — спросил он.

— Недалеко от Александровской,— сказал Иван.— В земляной выемке.

— Это ничего. Мы еще вернемся.— Нациевский с усилием приподнялся и тотчас лег. На лбу его выступили мелкие капельки пота.— Все равно мы победим!

— Конечно,— сказал Газа.— Мы их выбьем не только из Александровской, но очистим от них всю нашу страну. Только поправляйтесь, Евгений Иванович.

— Нет, не выжить мне,— тихо шепнул Нациевский.— Отвоевался. Адские боли.

Он закрыл глаза. Черных хотел сделать ему укол, но Нациевский, оттолкнув его руку, сказал:

— У меня — мать, жена, дочурка... Навести их, Иван Иванович. Расскажи, как я умирал...

В лазарет пришли Шмай, Никитин, Семенов и остановились у постели Нациевского. Так, окруженный товарищами, тихо скончался начальник первой орудийной площадки Евгений Иванович Нациевский.

Бойцы вырыли на склоне высоты могилу, бережно опустили в нее Нациевского и Пихонова, простыней прикрыли их лица.

Газа сказал:

— Прощайте, дорогие товарищи! Вы славно дрались и отдали свои жизни за счастье рабочего класса, всего трудового народа. Люди будут вечно помнить ваш подвиг. А мы, бойцы бронепоезда имени товарища Ленина, клянемся бороться до полной победы над заклятым врагом.

Над могильным холмом установили свежевыструганный столбик, к которому прибили дощечку; на ней чернильным карандашом вывели имена погибших. Два прощальных залпа прогремели над темными полями и Пулковскими высотами.

Потом застучали молотки, завизжали напильники и сверла, зазвенела сталь — путиловцы ремонтировали свой бронепоезд.

17

Задолго до рассвета, когда ремонт был уже закончен, со стороны Петрограда к бронепоезду подошел эшелон из четырех вагонов. Из первых трех, переговариваясь и поеживаясь от утренней прохлады, высыпали бойцы с винтовками. Невысокий командир направился к бронепоезду, но его остановил часовой.

— Стой! Кто идет?

— Командир роты курсантов Окин,— ответил прибывший, останавливаясь.— Мне нужно срочно к командиру бронепоезда.

Часовой вызвал Петра Никитина, который бодрствовал. Но Окин потребовал провести его к командиру бронепоезда. Никитин разбудил Шмая.

— Спи,— сказал ему Иван, вставая.— Я пойду разберусь.

— Какой теперь сон,— ответил Шмай.— Да и не тебя вызывают, а меня.

Они вышли из вагона вместе. Было тихо, слегка подморозило; на стылом небе тускло мерцали звезды. Землю, вагоны и шпалы посеребрил инеей.

Прибывший командир, приложив руку к новенькой фуражке со звездочкой, отчетливо назвал свою фамилию и доложил, что рота прибыла помочь бронепоезду и другим войскам взять обратно Александровскую.

— Взять обратно? — переспросил Шмай, пытливо глянув в молодое, безусое лицо прибывшего.— Предъявите документы.

Окин подал свое удостоверение личности и повторил:

— Надо как можно быстрее взять Александровскую обратно.

— Только и всего? — усмехнулся Шмай, возвращая документ.— Сколько у вас штыков?

— Со мной сто двадцать один.

— Вот видите,— сказал Иван.— А у белых в Александровской два полка пехоты и две артиллерийские батареи. У нас пехоты кот наплакал. Боеприпасы на исходе.

— Я привез вагон с продовольствием и боеприпасами,— сказал Окин, вынимая из сумки бумаги.— Вот накладные.

— За это спасибо,— смягчился Шмай, принимая документы.— Ого, даже двести снарядов.

— Какие новости, товарищ Окин? — спросил Иван, когда они шли к бронепоезду.

— Неважные, товарищ. Белые все еще наступают,— сказал Окин.— Но и наши не сидят сложа руки. В Петрограде формируются новые отряды. С разных мест к городу стягиваются войска. Мы прибыли из Вологды. Так как же насчет наступления, товарищ?

Сил для наступления и даже для обороны было мало. Остатки 2-го полка Всевобуча отошли к деревне Редкое Кузьмино и на его южной окраине рыли окопы. Отряды рабочих и жителей Александровской окапывались справа и слева от земляной выемки. Чтобы укрепить их позиции, командование бронепоезда сняло с площадок четыре пулемета и поставило их на буграх насыпи. Шмай посоветовал Окину занять оборону впереди бронепоезда. Молодой командир развернул роту на указанном месте.

Днем бронепоезд несколько раз выходил из своего укрытия, обстреливал неприятельские позиции, а когда гаубицы противника открывали огонь, быстро скрывался в выемке.

Наблюдатели доложили о прибытии на станцию еще одного вражеского стрелкового батальона. Видимо, противник готовился к решительному броску на Петроград. Утром 20 октября Осипов заметил на севере дымок.

— Товарищи! — радостно закричал Осипов.— «Сорокчетверка» идет.

Шмай и Газа быстро вскарабкались на холм. Действительно, от города на всех парах мчался бронепоезд имени Володарского. Он остановился у перекрестка железной и шоссейной дорог. Из бронепоезда вышел начальник бронечастей Голубев и по шпалам направился к выемке.

Шмай четко отрапортовал. Голубев поздоровался с командиром и комиссаром сдержанно.

— Почему оставили Александровскую? — строго спросил он.

Газа объяснил. Голубев ничего не сказал, а лишь вынул из сумки аккуратно сложенную «Петроградскую правду» и подал ее комиссару.

— Здесь опубликовано письмо Ленина.

Иван развернул газету, и первое, что ему бросилось в глаза, был заголовок ленинского воззвания, набранный крупным шрифтом:

«К рабочим и красноармейцам Петрограда!»

Газа стал читать вслух: «Товарищи! Наступил решительный момент. Царские генералы еще раз получили припасы и военное снабжение от капиталистов Англии, Франции, Америки, еще раз с бандами помещичьих сынков пытаются взять красный Питер. Враг напал среди переговоров с Эстляндией о мире, напал на наших красноармейцев, поверивших в эти переговоры. Этот изменнический характер нападения — отчасти объясняет быстрые успехи врага...

Товарищи! Решается судьба Петрограда! Враг старается взять нас врасплох. У него слабые, даже ничтожные силы, он силен быстротой, наглостью офицеров, техникой снабжения и вооружения. Помощь Питеру близка, мы двинули ее. Мы гораздо сильнее врага. Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!

В. Ульянов (Ленин)».

Письмо слушали и Шмай, и Голубев, и подошедший Никитин, и даже часовой, стоявший поблизости.

— Вот как надо воевать! — восхищенно воскликнул Шмай, протягивая руку к газете.— Зубами держаться за каждую пядь! Биться до последней капли крови!

Письмо Ленина взволновало Ивана. Теперь ничто не спасет врага от разгрома; сдержать наш напор он не в силах. Мы победим!

Желая поскорее рассказать о письме Владимира Ильича, он велел всем собраться в клубе. Однако Голубев повел его и Шмая в командирский отсек.

— Юденич хочет кратчайшим путем — через Пулковские высоты — ворваться в Петроград,— сказал Голубев.— Но он просчитался. Пока вы, братишки, сдерживали натиск белых, мы подготовили им «морской узел».

Начальник бронечастей развернул на столе карту, говорил уверенно:

— В районе Колпино — Тосно создана ударная группа войск. 6-я дивизия пополнена и сосредоточилась в районе станций Лигово и Сергеево. На вашем участке создается Северная группа. К нам прибывают войска с севера и востока, приехали коммунистические отряды из Вологды, Вятки, Новгорода и других городов. На Балтийской железной дороге стоят бронепоезда «Черноморец», «Смерть или свобода!», № 45 и № 89.

— А какие части будут взаимодействовать с нами? — спросил Шмай.

— «Сорокчетверку» вы уже видели. Скоро прибудет рота курсантов-кавалеристов. Ночью подойдут два стрелковых полка. Приказ скоро получите.

Осмотрев бронепоезд, он отправился на Балтийскую дорогу. Иван, взяв газету с письмом Ленина, заторопился в вагон-клуб, но Шмай остановил его:

— Иван Иванович, так как же с моим приемом в партию?

— Заявление написал?

Шмай подал ему сложенный вчетверо исписанный лист бумаги.

К ним подошел Никитин и тоже подал комиссару заявление о приеме в партию.

— Хорошо,— сказал Газа.— Сейчас и рассмотрим.

В вагоне-клубе собралось человек восемьдесят. Командир прошел к столу и сел. Никитин остался у две-

ри. Некоторые бойцы из задних рядов протиснулись вперед.

— «Товарищи! Наступил решительный момент...» — начал читать Газа.

Все слушали внимательно. Комиссар кончил читать. Раздались возгласы:

— Да здравствует товарищ Ленин!

— Добре вин нам написал!

— Не пожалеем своей крови! Смерть белым псам!

Потом встал Лишенков:

— Мы защищаем Советскую власть в самые тяжелые дни. Никаких колебаний. Будем драться, как велит Ленин!

Выступил Николаев, назначенный наводчиком вместо Пихонова:

— Питер будет только красным! И пока мы живы, клянемся в этом!

— Що тут бачить! — закричал Петренко.— Бить белых, як гадов!

Встал Шмай и решительно сказал:

— Товарищи! Нам скоро снова в бой. Ленину ответим так:

— «Дорогой Владимир Ильич, команда бронепоезда, носящего ваше светлое имя, клянется, что будет драться с врагами до последней капли крови, отдаст все силы, а если потребуется,— и жизни, но выполнит свой долг перед революцией».

Это предложение приняли единогласно. Газа предоставил слово парторгу.

— Вы только что ознакомились с письмом Ленина и знаете обстановку,— сказал Лишенков.— В эти трудные дни партия призывает трудящихся, красноармейцев и командиров в свои ряды. Объявлена партийная неделя. В нашу парторганизацию поступило несколько заявлений.

Он зачитал заявление командира бронепоезда и по-

просил его встать. Шмай поднялся и рассказал о себе. Его приняли в партию, так же как и Никитина, и других путиловцев, подавших заявления.

18

В этот день главнокомандующий Северо-западной армией генерал Юденич прибыл в Царское Село и сразу решил поехать на передовую. Ему подали автомобиль. Выехав за село Большое Кузьмино, Юденич, окруженный генералами, поднялся на холм.

Юденич был раздражен: Царское Село, Царская Славянка и Павловск достались слишком дорогой ценой, а потери в людях и технике восполнить было нечем. И главное, непонятно, почему измотанные длительным отступлением и, казалось, ни на что уже более непригодные полки 7-й армии красных стали оказывать корпусу генерала Родзянко все возрастающее сопротивление? Рядом с красноармейцами на фронте появились рабочие и матросские отряды, которые дрались ожесточенно. Сначала Юденич думал, что это последние резервы Советов. Но те самые полки, которые еще недавно отступали почти без боя, теперь стойко сражались, а местами даже потеснили части корпуса. Особенно неприятным было сообщение о появлении под Александровской неуловимого, наносящего неожиданные удары бронепоезда № 6, который давно считался уничтоженным.

— Доложите, генерал,— сухо обратился Юденич к Родзянко, стоявшему рядом.— Почему у вас такие большие потери?

Не понимая истинных причин, Родзянко во всем винил командира 3-й дивизии генерала Ветренко, который не смог перерезать железную дорогу, связывающую Петроград с Москвой.

— Он послал на Тосно лишь один батальон,— сказал Родзянко.

— Объявите Ветренко выговор. И пусть завтра же возьмет Тосно,— резко сказал Юденич. Помолчав, спросил:

— Ну, а когда овладеете Питером? Все сроки давно прошли.

— Послезавтра буду гулять по Невскому,— пообещал Родзянко, повторив фразу, полчаса назад брошенную им иностранному корреспонденту.

Юденич недоверчиво покосился на него, хотел напомнить о ложной заметке в газете об уничтожении бронепоезда № 6, но в этот момент подошел адъютант с пакетом:

— Ваше превосходительство, получена срочная депеша от Люндеквиста.

— Читайте! — не оборачиваясь, велел Юденич.— Здесь все свои.

Адъютант, вскрыв пакет, прочел:

— «План восстания в Петрограде...»

Юденич приободрился. Он делал большую ставку на помощь внутренних сил контрреволюции. На южной окраине Петрограда войска его армии должны будут объединиться с подпольными группами офицеров и тайной агентурой Люндеквиста, чтобы затем совместно нанести окончательное поражение 7-й армии, разгромить рабочие формирования.

— Я полагал, что Люндеквист арестован,— сказал Юденич.

В этот же день Юденич отдал приказ: 1-му корпусу Северо-западной армии опрокинуть красные войска и на их плечах ворваться в Петроград.

Примерно в это же время командующий 7-й армией Д. Н. Надежный возвращался с рекогносцировки. Его машина въехала на Дворцовую площадь и остановилась у здания штаба. Разминая затекшие ноги, Надежный поднялся по широкой лестнице на второй этаж и вошел в кабинет начальника штаба армии.

В просторной комнате с большими окнами, выходящими на площадь, было накурено так, что синие пласты дыма плавали над столом, за которым в шинелях сидели начальники отделов. Новый начальник штаба Александров подал команду: «Встать!» Александров доложил, что совещание подошло к концу. Командарм поздоровался со всеми и приказал:

— Всем немедленно приступить к выполнению своих задач!

Когда начальники вышли, Александров открыл форточку. Надежный пригладил густые, седеющие, зачесанные назад волосы, сел к карте. Лицо его, сухое, пожелтевшее от бессонных ночей, казалось болезненным. Александров — опытный военный специалист — стал докладывать, четко называя номера полков, прибывших в этот день под Петроград.

— На станцию Поповка проследовал из Москвы 5-й Латышский полк, один из его батальонов снят Лениным с охраны Кремля. Это боеспособная часть... В Колпино прибыл отряд Нарвско-Петергофского района. Колпино-Тосненская группа войск в основном сформирована. Но некоторые части все еще на марше.

Доложив о прибытии войск на другие участки фронта, Александров бросил на командарма выжидательный взгляд. Надежный не стал расспрашивать начштаба. Он сам видел на дорогах движение армии. Сейчас его больше интересовали планы Юденича, приготовившегося к последнему броску на Петроград.

Надежный пододвинул к себе карту, испещренную красными и синими знаками. Изображенная на ней линия фронта представляла собой круто изогнутую дугу. Выпуклость ее была обращена к Петрограду, а вершина упиралась в Пулковские высоты, где уже несколько дней кипел горячий бой. Разведчики доложили Надежному, когда он был на рекогносцировке, что здесь белые сосредоточили две отборные дивизии и продолжа-

ют подбрасывать другие части. Полки 2-й стрелковой дивизии из последних сил сдерживали натиск белогвардейцев. И неизвестно, что было бы с измотанными красноармейскими частями, если бы не постоянная помощь питерских рабочих и моряков, если бы не бронепоезд имени товарища Ленина, который самоотверженно сдерживает напор белых. От того, сколько еще продержится 2-я стрелковая дивизия, зависело, хватит ли времени для подхода и развертывания частей и отрядов, прибывающих в распоряжение командарма. Необходимо, чтобы эта дивизия продержалась еще сутки. Потом ее сменит Северная группа войск, которая формируется в тылу дивизии.

Александров открыл тяжелую дверцу сейфа, извлек из него напечатанный на машинке проект приказа о переходе армии в контрнаступление, положил перед командующим. Надежный взял бумагу и стал вслух читать:

— «Противник сгруппировал большую часть своих сил между Варшавской и Московско-Виндавской железными дорогами, оттеснил части 2-й стрелковой дивизии от Детского Села и Павловска.

Завтра, 21 октября, перейти в решительное наступление на фронте 6-й и 2-й стрелковым дивизиям и Колпино-Тосненской группе войск...

Объявить войскам, что красный Питер ждет исхода боя завтрашнего дня с полной верой в успех».

Прочитав проект приказа, командарм задумался. Замысел перехода армии в контрнаступление был прост и ясен: двумя ударными группировками с севера и востока охватить фланги корпуса белых, пытавшегося прорваться через Пулковские высоты к Петрограду. Как требовал В. И. Ленин, удар своим острием был направлен на Ямбург. На Гдов будут наступать соседние южные соединения.

Сейчас армия энергично готовилась к сражению.

Но многие части ее все еще находились на марше. Излишняя поспешность при переходе армии в наступление могла повредить выполнению задачи. Командующий медлил с отдачей приказа и подписал его лишь поздно вечером, когда все войска были в сборе.

21 октября ровно в шесть утра части Колпино-Тосненской группы и 6-я стрелковая дивизия двинулись в наступление. Земля загудела от тысяч ног, загромыхали колеса орудий и повозок, зацокали лошадиные копыта. По Балтийской железной дороге один за другим двинулись бронепоезда «Черноморец», «Смерть или свобода!», № 45 и № 89. С Финского залива открыли огонь двенадцатидюймовые орудия линкора «Севастополь», который громил укрепления противника на скатах Каграссарской высоты.

В это время 2-я стрелковая дивизия, стоявшая на Пулковских высотах, отбивала ожесточенные атаки рвавшихся к Петрограду белогвардейцев. Левый фланг ее, усиленный подошедшими ночью свежими полками, отрядами моряков и курсантов, отбил нападение противника и перешел в наступление. Красноармейские цепи бросились на захваченное врагом село Большое Кузьмино, но, встреченные яростным артиллерийским и пулеметным огнем, были вынуждены залечь. Тогда в бой вступили бронепоезда имени товарища Ленина и № 44.

19

Приказ они получили около трех часов ночи. Орудия и пулеметы были наготове. Бойцы и командиры заняли свои места. Иван, поговорив с людьми, поднялся на тендер паровоза. С севера по дорогам двигались пехотные колонны, телеги с пулеметами, боеприпасами, продовольствием. Войска останавливались и развертывались на пологих скатах высот. Мимо бронепо-

езда прошли вооруженные рабочие-путиловцы. Узнав свой бронепоезд, они восторженно закричали:

— Наш, путиловский!

— Разобьем белых гадов!..

В шесть часов бронепоезд имени товарища Ленина двинулся в бой. Шел он медленно, с потушенными огнями, не стреляя. То и дело приходилось останавливаться для ремонта взорванного пути. Пехота обгоняла бронепоезд, шла вперед. За ней подтягивалась артиллерия.

Вдруг раздался отдаленный выстрел. Тотчас в мглистое небо взвилась ракета и, освещая землю яркими красными искрами, упала на землю. С той и другой стороны забарабанили пулеметы, ухнули орудия, и все слилось в сплошной грохочущий гул.

Над Пулковскими высотами, где в ожесточенной схватке сошлись революционные войска с белыми, занимался рассвет. Ночной туман смешивался с пороховым дымом.

От села Большое Кузьмино шли белогвардейские цепи. Навстречу им двигался тоже развернутый в цепи 62-й стрелковый полк 2-й дивизии. Неожиданно из-за склона высоты появились ряды всадников. Овраг маскировал движение эскадрона, заходившего во фланг нашего полка. Но Газа и стоявший рядом с ним Осипов заметили вражескую конницу. Шмай, определив расстояние, скомандовал:

— По эскадрону белых, прямой наводкой, картечью, всем четырем орудиям — огонь!

Разом оглушительно грохнули пушки. Остатки более чем наполовину выкошенного картечью эскадрона повернули назад. Бронепоезд проводил их пулеметным огнем.

Тем временем первая цепь 62-го полка перебежала несколько десятков метров и залегла. В бинокль Иван видел, как белогвардейцы строчили из пулеметов. Бро-

непоезд дал и по ним несколько выстрелов осколочными снарядами. Над головами солдат взметнулись столбы земли. Из-за околицы села раздались ответные вражеские залпы. В рядах красноармейцев появились потери: трех бойцов осколки сразили насмерть, нескольких ранили.

Подошел бронепоезд имени Володарского и тоже открыл огонь. Он стрелял правее от железной дороги, туда, где по склонам высот лезли белогвардейцы. Против них двинулся полк Всевобуча и подошедший ночью 162-й стрелковый полк.

Между тем из оврага снова показался вражеский эскадрон. Размахивая саблями и крича, кавалеристы опять понеслись к флангу 62-го полка. Шмай приказал разогнать их пулеметным огнем. Ивану было хорошо видно, как повернули всадники. Отступив, эскадрон выровнялся и пошел в новую атаку. И снова ураганный пулеметный огонь бронепоезда погнал всадников в овраг.

Меткие удары бронепоезда поколебали ряды белогвардейцев. Цепи их смешались, стали отступать к селу Большое Кузьмино. Красноармейцы ринулись за ними, но, напоровшись на вражеские пулеметы, залегли. Бронепоезд, расчищая дорогу своей пехоте, перенес огонь на околицу села, на позиции белых. Красноармейцы ворвались в село, захватили мост через реку Кузьминку, но подоспевший офицерский отряд вскоре выбил их из селения.

Бой за Большое Кузьмино продолжался весь день. Вечером после яростной атаки красных село было полностью освобождено, но позднее белые снова захватили его южную часть.

На правом фланге 2-й дивизии, где тоже весь день шло сражение, войска Красной Армии при поддержке броневиков заняли деревню Новая Сузи. На остальных

участках этой дивизии наши части хотя и не продвинулись вперед, но и не отступили ни шагу.

Ночью сильно измотанные, поредевшие части 2-й дивизии были отведены на переформирование. Их позиции заняли свежие полки Северной группы войск.

На другой день бои продолжались с еще большим ожесточением. Войска Колпино-Тосненской группы, ломая сопротивление врага, подошли к Детскому Селу с юга. Другие части этой группы завязали бой за деревню Аннолово, в семи верстах от Павловска. В это время левый фланг Северной группы, поддержанный бронепоездами, с боями пробился с севера к станции Детское Село. По колено в грязи, под моросящим дождем, неся большие потери, беспрерывно штурмовали войска Красной Армии укрепления белых. Но противник отбил все атаки. Его артиллерия вела огонь из Детского Села и его парков.

20

Вечером к бронепоезду № 6 прискакал на взмыленном коне курсант-связной. Вручив командиру секретный пакет, а комиссару — «Петроградскую правду», умчался обратно.

Иван развернул газету и стал громко читать: «Наши войска перешли в наступление против Деникина. Взят Орел. Главные силы Деникина разбиты у Воронежа...»

— Товарищи! — весело закричал Газа.— На юге победа!

Он еще раз прочитал бойцам сообщение.

— Теперь очередь за нами,— сказал Шмай, вскрывая пакет. Пробежав глазами бумагу, передал ее комиссару. В ней говорилось: «Командующий 7-й армией приказал:

Завтра, 23 октября, бронепоезду № 6 «Ленин», совместно с бронепоездом № 44 «Володарский», взаимо-

действуя с 162-м стрелковым полком, 2-м полком Всевобуча, 62-м стрелковым полком, рабочим отрядом и ротой курсантов Окина, к исходу дня занять станцию Александровская и тем самым отрезать войскам противника, находящимся в Детском Селе, путь к отступлению. Начало атаки в 6-00.

Начальник бронечастей 7-й армии Голубев».

— Ну как? — спросил Шмай, не скрывая своего беспокойства.

— Что «как»? — переспросил Газа, серьезно поглядев на него.— Выполнять надо. Или что-нибудь неясно?

— Да, неясно. Куда делась гаубичная батарея белых?

Иван тоже терялся в догадках. Ни вчера, ни сегодня она не стреляла. Может, белогвардейцы готовят какую-нибудь ловушку?

— Надо выяснить,— сказал Иван.— Пошлите разведчиков.

— А если не вернутся? — спросил Шмай.— Вспомни Чадова и Ефремова.

Иван сокрушенно вздохнул. А Шмай продолжал:

— Наступать вслепую тоже опасно. Кого пошлем в разведку?

— Можно Осипова,— подумав, предложил Газа.— Парень надежный.

— Хорошо, а также Михаила Еселева — смелый и сообразительный боец.

Разведчиков инструктировал и отправлял Никитин. А Шмай и Газа сидели над картой, размышляли о взятии Александровской. Белогвардейцы укрепили ее. После сегодняшних боев им удалось занять южную часть деревни Редкое Кузьмино, потеснив полк Всевобуча. Заречная окраина села Большое Кузьмино тоже была в руках врага. Придавая важное значение Александровской, противник сосредоточил здесь больше двух полков пехоты с двенадцатью пулеметами, эскадрон

кавалерии и артиллерийские батареи, которые стояли за линией окопов у въезда на станцию. Два ее орудия находились слева от железной дороги, на берегу реки Кузьминки, укрытые кустами ивняка, два других — справа, возле переезда. А где стоит гаубичная батарея, выяснят разведчики.

Шмай предложил отвлечь внимание белых атакой полка Всевобуча на южную часть деревни Редкое Кузьмино, после чего бросить в бой оба бронепоезда, чтобы с ходу уничтожить стоявшие возле станции пушки и нанести удары по пехоте и кавалерии противника. Газа поддержал его мнение.

Начальники бронеплощадок Никитин и Семенов получили конкретные указания. Была срочно послана заявка на боеприпасы. Шмай, взяв у связного коня, поехал в соседний полк договариваться о совместных действиях, а Газа вызвал Лишенкова, ознакомил с приказом и дал газету. Они разъяснили бойцам боевую задачу, прочитали им сообщение о победе Красной Армии на Южном фронте.

Все было согласовано и подготовлено. Оставалось лишь выяснить место расположения гаубичной батареи противника. Разведчики долго не возвращались. Шмай, утомленный дневным боем, тревогами и хлопотами, прилег отдохнуть. А Газа, поджидая разведчиков, то и дело глядел на часы, выходил из бронепоезда, всматривался в холодную, моросящую мглу, прислушивался. Наступила полночь, а разведчики все еще не возвратились. Лишь в половине четвертого на улице послышались шаги и оклик часового. Иван сейчас же вышел из вагона и в темноте увидел Осипова, который нес на спине Еселева. Боец подошел к вагону и осторожно положил на песок неподвижное тело.

— Осипов? Что случилось? — встревоженно спросил Иван и нагнулся над застонавшим Еселевым.— Быстро врача! — крикнул он подбежавшему красноар-

мейцу, потом опять обратился к Осипову: — Отвечайте же.

— Сейчас, товарищ комиссар.

И только тут Иван заметил, что сильный, отменного здоровья Осипов совершенно выбился из сил. С трудом переводя дыхание, он распахнул телогрейку, сел на песок и долго не мог вымолвить ни слова.

— Сейчас... Значит так... Ранили вот... Мишку Еселя, когда бежали...

— Где ранили? — спросил Газа.

Их окружили красноармейцы. Прибежал Черных, раненого унесли в лазарет. Иван помог Осипову пройти в вагон. Вся одежда на разведчике была мокрая, грязная, телогрейка залита кровью. Газа усадил его на лавку, подал кружку воды. К ним подошел Шмай.

— Ну, докладывай, братец. Нашли батарею?

— Ага, нашли,— сказал Осипов, немного приободрившись.

— Где она?

— На южной окраине Баболовского парка. Мы перебрались через Кузьминку по пешеходному мосту, поползли сначала на старую позицию. Там пусто. Видим, глубокие следы от колес ведут к парку. Пошли по ним. Сперва ползли. Наткнулись на батарею. А когда перебегали дорогу, часовой выстрелил. Там Еселя и ранило,— кивнул он в сторону парка.— Смотрю, нет Мишки, а бежал рядом. Вернулся, гляжу: он лежит в канаве у дороги и стонет. Я подхватил его и ходу...

— Погоня была? — спросил Шмай.

— Кажется, нет. Темно очень. Но кто-то кричал сзади. Перебрел я через Кузьминку и пошел по берегу в сторону бронепоезда...

Командир и комиссар больше не перебивали и не переспрашивали его, ожидая, когда Осипов расскажет все по порядку. Появление тяжелой гаубичной батареи на окраине Баболовского парка усложняло положение.

Но важно было точно определить ее огневую позицию.

— Я, значит, прошел по течению до самого изгиба реки, где она поворачивает вспять. Вдруг слышу, впереди разговаривают. Тихонько опять перебрался через Кузьминку...

— Покажите на карте место, где обнаружили гаубичную батарею,— попросил Шмай, пододвигая к разведчику карту.

— Вот здесь, на южной окраине парка,— Осипов уверенно показал место на карте.

Шмай нарисовал на указанном месте кружок с двумя короткими черточками по краям. Иван сдержанно вздохнул, чувствуя, что тревога все сильнее охватывает его. Оправдывалось худшее из его опасений: тяжелая батарея противника выдвинулась на самую угрожающую для бронепоезда позицию. Прикрываясь кустарником, она сможет теперь бить по нему в упор.

Командир объявил Осипову благодарность за добытые сведения и за то, что вынес из расположения противника раненого товарища.

Разведчик ушел отдыхать, а командир и комиссар вновь склонились над картой. Обстановка теперь полностью прояснилась. Гаубичную батарею белогвардейцы оттянули к южной опушке парка. Обе батареи стоят в засаде, выжидают, а бронепоезда, скованные рельсами, не могут их обойти...

Рано утром люди позавтракали, погрузили на площадки подвезенные снаряды и патроны. Подошла приданная бронепоезду рота курсантов под командованием Окина. Первый ее взвод сразу выдвинули вперед. Газа тревожился, как бы белогвардейцы не обнаружили курсантов и не сорвали замысел предстоящего боя. Однако время шло, а настороженная тишина впереди ничем не нарушалась. Лишь слышался неумолчный гул боя со стороны Детского Села и Павловска.

Подтянулись 62-й и 162-й стрелковые полки. Красноармейцы в намокших шинелях тяжело шагали под дождем.

Шмай велел вызвать в штабной вагон командиров и начальников бронеплощадок. Первым прибежал Никитин, назначенный, так сказать, по совместительству начальником первой площадки. Он стал еще более деятельным, энергичным, активным, всюду успевал, во все вмешиваясь, везде толково распоряжаясь. Сейчас он, чисто побритый, в до блеска начищенных сапогах, вошел и четко доложил.

Потом явился командир курсантской роты Окин. Ловко затянутый ремнями, с полевой сумкой на боку, он легко протиснулся в отсек и скороговоркой доложил о своем прибытии. Почти одновременно с ним пришел Лосихин — командир отряда жителей Александровской, в мокрой телогрейке и железнодорожной фуражке. Начальника второй площадки Семенова опять пришлось ждать. Шмай уже взялся было за телефон, чтобы вызвать его, как послышались шаги и в отсеке показался Семенов.

— Почему опаздываете? — строго спросил Шмай.

— Работал,— смущенно ответил Семенов.— Учту.

Все примолкли — ждали получения боевого приказа. Понимали, что после этого начнется трудный, жестокий бой и для кого-то, может быть, он будет последним в жизни.

— Слушайте боевой приказ,— сказал Шмай.— Противник сосредоточил в районе станции Александровская...

Рассказав о частях, которые совместно с бронепоездом будут брать станцию, командир поставил начальникам бронеплощадок конкретные задачи. Но он все время думал, как обеспечить безопасность бронепоезда, к которому в бою могут подкрасться белые и подорвать паровоз, бронеплощадки или вагоны. Поэтому

приказал командиру курсантской роты двигаться справа и слева от бронепоезда. Это сразу же вызвало возражения у Окина.

— Выходит, моя рота будет вроде почетного эскорта! — раздраженно сказал он.— Но ведь это же...

Шмай даже бровью не повел, как будто не слышал этой реплики. Он взглянул на Лосихина, сидевшего на краю лавки рядом с комиссаром.

— А вам, товарищ Лосихин, самая ответственная задача: обеспечить быстрое восстановление разрушенных участков полотна железной дороги. Без этого мы не сможем ворваться на станцию. В ваших руках судьба боя...

Слушая приказ, Иван видел, что лица собравшихся сосредоточенные, сдержанные. Лишь у командира курсантов — хмурое. Надо было разрядить атмосферу. Когда Шмай кончил говорить, Газа встал и, поглядев на Окина, спокойно спросил:

— Кто вам позволил оспаривать приказ старшего начальника?

— Моя рота сможет выполнить более важную задачу,— повысил голос Окин.

— Но какое вы имели право перебивать командира, отдающего приказ?

— Я разрешения ни у кого не спрашиваю! — крикнул Окин.

— Вы не кричите,— остановил его Газа.— И не говорите глупостей. Никто не собирается держать вашу роту в качестве эскорта. Вам приказано наступать вдоль железнодорожного полотна, справа и слева от бронепоезда. Мы с вами будем наступать на самом ответственном участке — вместе прорывать оборону белых, брать станцию. Будем вместе драться, взаимодействуя друг с другом. Что же здесь плохого, обидного? Тем более что мы пойдем впереди других частей.

Газа говорил сдержанно и, вероятно, убедил Окина, который то бледнел, то краснел, порываясь что-то сказать.

— Ну, говорите,— разрешил Газа.

Окин попросил у командира и комиссара прощения.

— Обещаю,— сказал он,— что курсантская рота с честью выполнит поставленную задачу.

Повеселели командиры и начальники, как-то легче стало дышать. А когда все разошлись, Шмай подошел к комиссару:

— Спасибо, Иван Иванович. Я бы так не смог...

Послышался грохот подходившего бронепоезда имени Володарского. В вагон вошли Евдокимов и Богданов. Евдокимов извинился за опоздание:

— Нам все еще не хватает организованности, четкости,— сказал он, отрывисто произнося слова.— Но я полагаю, скоро этому научимся.

Богданов поинтересовался готовностью бронепоезда имени товарища Ленина.

— У нас все в порядке,— ответил Шмай.— Приказ уже отдан.

Они договорились о совместных действиях.

21

Войска Колпино-Тосненской группы, подошедшие с вечера близко к Детскому Селу, наступали всю ночь. Белогвардейцы встретили их ружейно-пулеметным огнем. Но красноармейцы, курсанты и рабочие неудержимой лавиной, с криком «ура!» ворвались в город, стреляя с ходу, забрасывая противника гранатами. Одновременно с севера в город пробились полки левого фланга Северной группы. Белогвардейцы дрогнули и, не выдержав натиска, стали отходить к Александровской. Сначала крупной рысью пронеслась по дороге кавалерия, затем с грохотом промчались три уцелевшие пушки, за ними большими толпами бежала пехота.

Обо всем этом доложил командиру и комиссару бронепоезда связной, прискакавший из штаба Северной группы. Вскоре примчался еще один связной с вестью о взятии Павловска. Сообщения были радостные, но Шмай забеспокоился: отступавшие части противника пополняли гарнизон Александровской.

Газа прошел на первую площадку. Там все было готово к бою. Стояли у орудий и пулеметов ветераны Лишенков, Петренко, Куренков, Николаев, рядом с ними Русаков, Щукачев и другие молодые бойцы. Посреди площадки находился Никитин.

Каждый день Иван общался с этими людьми, призывал их к выполнению долга, боевой задачи. Сейчас ему хотелось сказать им что-то особенное, ободряющее. Он объявил о взятии нашими войсками Детского Села и Павловска. Все обрадовались, закричали «ура!». Что может быть радостнее, чем весть о победе!

На площадку торопливо вошел пулеметчик Касьянов с забинтованной головой.

— Разрешите, товарищ комиссар, мне встать к пулемету,— попросил он.

Газа пожал ему руку:

— А не рано? Может, вам лучше полежать?

— Да вы что, Иван Иванович? — возразил пулеметчик.— Вы будете громить беляков, а я — лежать? Нет уж, потом належусь.

— Верно, дядя Касьянов,— засмеялся Русаков.— Сначала беляков вышибем, а потом на боковую.

— Сегодня, товарищ Касьянов, дайте Русакову пострелять,— сказал Газа.— Но чтоб в воздух не палил.

Он посмотрел на Щукачева:

— А каково ваше самочувствие?

— Привыкаю помаленьку, но боюсь чего-то.

— Смотрите, не подведите товарищей.

— Не подведу.

Со стороны Редкого Кузьмина послышались пуле-

метные очереди. В наступление пошел полк Всевобуча...

Бронепоезд имени товарища Ленина тихо вышел из земляной выемки и проехал небольшой поворот. С этого поворота должна открыть огонь по гаубичной батарее «сорокчетверка», а бронепоезду № 6 предстояло пройти еще с полверсты и ударить прямой наводкой по пушкам противника. Шмай наблюдал из своей рубки, а Иван поднялся на тендер, где в это утро стоял разведчик Калмыков.

— Пока все спокойно,— доложил он.

Комиссар посмотрел в бинокль на расплывшийся во мгле мысок Баболовского парка, за которым скрывалась гаубичная батарея, но ничего не заметил. У северной околицы Александровской, на том берегу Кузьминки, виднелись кусты, покрытые белесой дымкой. Где-то за ними стоят наготове вражеские пушки. Их пока не видно. Два других орудия спрятаны у въезда на станцию. На их месте появились какие-то кучи, похожие на копны сена. Присмотревшись, Иван увидел за ними лафеты. Рядом стоял солдат, наверное часовой.

— Товарищ комиссар, замаскированные орудия,— доложил Калмыков.

— Правильно, сообщите командиру.

— Сам вижу,— сказал Шмай.— Сейчас врежем.

Бронепоезд остановился. Газа посмотрел назад: «сорокчетверка» уже выползла из выемки и тоже затормозила. Прошла минута, и вдруг оглушительно грохнуло орудие Лишенкова. Почти одновременно выстрелило орудие бронепоезда имени Володарского. Иван ждал разрыва возле замаскированных копнами сена пушек, но снаряд упал за ними.

Артиллеристы изменили прицел: второй снаряд немного не долетел. Третий залп оказался удачным. Одна из пушек взлетела в воздух. Двумя следующими

залпами была подбита вторая пушка. Бронепоезд № 44 продолжал стрелять по гаубичной батарее.

Красноармейцы полка Всевобуча бросились в штыковую атаку. Их поддержал 162-й полк. Рабочий отряд в свою очередь выступил из села Большое Кузьмино и тоже атаковал. Справа от него двигались цепи 62-го полка. Белые не выдержали.

Открыли огонь пушки противника за кустами. Но их снаряды рвались, не долетая до железной дороги. Через некоторое время и эти орудия были накрыты артиллерийским огнем бронепоезда № 6.

— Вперед! — приказал Шмай машинисту Майлову.

Бронепоезд, сопровождаемый курсантами и ополченцами, двинулся к станции.

По улицам Александровской бежали солдаты, скакали всадники. Они скапливались на северной, западной и восточной окраинах поселка. Бронепоезд имени товарища Ленина шел, стреляя с ходу по укреплениям и скоплениям белых. За ним на прежнем расстоянии следовала «сорокчетверка». А справа и слева наступала пехота.

Газа смотрел на мысок Баболовского парка. Ему хотелось знать, поражена ли гаубичная батарея. Потом внимание комиссара привлекли курсанты, посланные вперед. Они остановились на железнодорожном полотне и что-то оживленно обсуждали.

Шмай приказал сбавить ход. Один из курсантов, махая руками, закричал:

— Стойте! Путь взорван!

В этот момент Калмыков заметил гаубичную батарею.

— Вон там она! — сказал он, показывая на южную окраину парка.

Иван навел бинокль. Парковый мысок, укрывавший батарею, теперь был наполовину обойден. За поломанными деревьями, на изрытой воронками поляне,

стояли три целехонькие, закопанные в землю гаубицы. Шмай, прикинув расстояние до огневой позиции, дал команду открыть огонь прямой наводкой.

Газа спустился с бронепоезда. В середине железнодорожного полотна зияла огромная воронка. Рельсы были погнуты и оплавлены, шпалы расщеплены и разбросаны по сторонам. Не теряя времени, Газа приказал отряду Лосихина принести рельсы и шпалы с платформы, прицепленной к бронепоезду. Группа ремонтников стала разбирать поврежденный участок пути. Сам Газа схватил ключ и начал отвертывать гайки. Застучали молотки и ломы, зазвенели лопаты. Все работали быстро и сноровисто. Вдруг со стороны парка грохнул орудийный выстрел.

— Ложись! — крикнул Иван и бросился в придорожную канаву.

Снаряд с грохотом упал рядом с бронепоездом, вырвав верстовой столб и осыпав первую площадку землей и осколками. Второй снаряд разорвался близ канавы. Оглохший, полузасыпанный землей, Иван поднялся и осмотрелся — бронепоезд стоял на месте; бойцы из всех укрытий глядели на него, комиссара.

— Живой я! — сказал Иван.

И опять перед насыпью взлетела земля. Уже весь участок был в воронках. Открыли огонь пушки бронепоезда.

Путиловцы сражались стойко. Никитин громко и четко подавал команды. Куренков быстро наводил орудие на цель — на правую гаубицу. Раздавался выстрел. Пороховой дым застилал бойницу. Рядом стреляло орудие Лишенкова, которое наводил Николаев.

Шмай, наблюдая за боем, с удовлетворением заметил, что крайняя правая гаубица выброшена взрывом из своего гнезда. Одно ее колесо, сорванное с оси, покатилось в кусты. Шмай, сообщив об этом расчетам, приказал усилить огонь.

Неожиданно гаубичный снаряд разорвался у первой площадки. Броня лопнула, и часть осколков влетела в помещение. Возле орудия, вскрикнув, осел Куренков. К нему кинулся Петренко:

— Василь, що з тобой?

Куренков не отвечал. Прибежал вызванный Никитиным Черных. Куренков лежал на полу и молчал. Из-под него натекла лужа крови. Черных, пощупав пульс, закрыл наводчику глаза.

Шмай приказал заменить наводчика и продолжать огонь. Наводить орудие стал Петренко...

Иван, работая с ремонтниками, видел, что преимущество вначале было на стороне белых. Мощные гаубицы, рассредоточенные, зарытые в землю и хорошо пристрелянные, были менее уязвимы, чем бронепоезд, который стоял на рельсах перед ними огромной мишенью. Снаряды противника рвались рядом. Один из них угодил в левую сторону паровоза, повредив броню. Майлов, осмотрев пробоину, доложил командиру об утечке воды и пара. Шмай выделил группу бойцов-слесарей. Люди сразу взялись за дело.

Бой гремел, не смолкая. Но когда одна гаубица была уничтожена, огонь батареи чуточку поутих. К бронепоезду имени товарища Ленина подошла «сорокчетверка» и тоже открыла огонь из всех орудий. Теперь перевес сил оказался на стороне бронепоездов. Восемь их пушек били по двум гаубицам. Били до тех пор, пока с одной из них не был сорван щит, а другая не перевернулась вверх колесами.

Все облегченно вздохнули. Газа вытер ладонью пот на лбу, вынул кисет, потряс им, прикидывая, хватит ли табаку на всех, потом сказал, снимая напряжение боя:

— Закуривайте, товарищи!

Красноармейцы и ополченцы, выдержав жесточайший обстрел, утомленные и потные, один за другим

подходили к комиссару, брали по щепотке махорки и лоскутку газеты, свертывали цигарки и с наслаждением затягивались. Не поднялся лишь один черноволосый парень — достал его осколок: порвав голенище сапога, впился в ногу. Он стонал, морщился. Черных перевязал его, помог отнести в лазарет.

— Как самочувствие? — бодро спросил Иван, оглядывая товарищей.— Здорово нам беляки жару поддали. Но и мы в долгу не остались. Разгромили две артиллерийские батареи. А наши бронепоезда — вот они! Стоят и ждут, когда мы исправим дорогу. А ну, товарищи, нажмем! Нам надо торопиться в Александровскую. Вижу, некоторые стосковались по своим семьям.

Он взял лом.

— Ребята, выравнивайте шпалы, подбивайте снизу и с боков! — кричал Лосихин.— Кладите рельсы!

Железнодорожное полотно исправили. На паровозе ставились последние заклепки, когда одна из вражеских пушек на берегу Кузьминки ожила и вновь открыла огонь по бронепоезду. Снаряд разорвался у паровоза. Двух бойцов, сверливших отверстия в броне, взрывная волна сбросила на землю. К ним уже бежал Черных.

Шмай приказал Никитину уничтожить ожившую пушку. Первая площадка снова загрохотала.

Иван, подобрав валявшуюся на земле дрель, сам полез на паровоз. Вставив сверло в отверстие, начал сноровисто работать. Красноармеец помог ему поставить заклепку.

Утечку воды и пара полностью устранить не удалось, но паровоз мог двигаться. Майлов, подняв пары, повел бронепоезд вперед.

Выйдя на бронеплощадку, Иван сразу увидел рваную дыру в броне и лежавший на полу труп, покрытый мешковиной.

— Кто?— вздрогнув, спросил он и снял фуражку.

— Куренков,— скорбно ответил Никитин.

Иван побледнел и с минуту стоял молча. Потом закурил...

Красноармейские цепи, заметив продвижение бронепоездов, снова устремились на врага. До Александровской оставалось рукой подать. И пушка противника на берегу Кузьминки была уничтожена. Но возникло еще одно препятствие: путь впереди был разобран, рельсы и шпалы увезены, а песчаная насыпь перерыта.

— Вот проклятье! — воскликнул Шмай.— Ремонтники, на линию! Быстрее!

Но едва бронепоезд остановился, как по нему опять начали стрелять — на этот раз вражеские орудия, привезенные из Детского Села. Установленные на холме перед вокзалом, они открыли огонь прямой наводкой. Вся артиллерия бронепоездов обрушилась на этот холм.

Иван, удрученный гибелью друга, вышел к ремонтникам, которые сейчас решали судьбу боя. Распределив людей, он взял лопату и стал помогать бойцам засыпать котлован. Люди работали изо всех сил, без передышки, обливаясь потом. Когда на бронепоезде не хватило запасных шпал, Газа дал сигнал «сорокчетверке», чтобы подошла ближе. Ополченцы стали носить шпалы с ее платформы. Не ходили, а бегали, бросаясь при близких разрывах снарядов на землю и вновь поднимаясь.

И еще несколько раз приходилось бойцам восстанавливать путь. Только после полудня бронепоезда прорвались к станции.

Иван находился у щели на первой бронеплощадке, около грохочущей пушки Лишенкова. Заметив в проемах между домами крайнего переулка конницу белых, он сказал Никитину:

— Наверно, хотят ударить по нашей пехоте.

Никитин предложил разогнать кавалерию из орудий.

— Береги снаряды,— посоветовал Иван.— Эскадрон близко, полосни по нему из пулеметов.

Получив приказ, Касьянов быстро установил прицел. Русаков приготовил ленту. И «максим» застрочил, отбрасывая гильзы. Открыли огонь по кавалерии еще два пулемета. Первые же очереди угодили по всадникам, скопившимся в переулке. Эскадрон повернул назад и поскакал в глубь переулка. Касьянов передал пулемет Русакову:

— А ну, Петя, врежь им в хвост.

В это время из густых зарослей ивняка донеслись крики «ура!» и винтовочные выстрелы. Цепи 62-го полка и рабочего отряда ворвались на восточную окраину поселка. Оттуда слышался нестройный гул голосов, пальба. По дороге из Детского Села наступали курсанты и моряки. Из их рядов вырвалась пулеметная тачанка, запряженная четверкой лошадей. Она лихо развернулась, и тотчас пулемет дал очередь по белогвардейцам, высыпавшим из ближнего сада.

Впереди бронепоезда наступали курсанты первого взвода роты Окина. Они добежали почти до самого вокзала. Неожиданно из-за угла на них набросились солдаты. Другая группа белогвардейцев выскочила из-за товарного поезда, стоявшего на путях. Окин, наступавший с двумя взводами рядом с бронепоездом, рванулся на выручку, но не успел. Многих курсантов белые закололи штыками, остальных взяли в плен.

Но тут из-за бугра показались роты полка Всевобуча. Они с криком «ура!» кинулись на белогвардейцев, которые грузились в эшелон, и оттеснили их.

Прорыв бронепоездов на станцию и решительное наступление стрелковых частей принудили белых к

бегству из Александровской. Отступать им пришлось под перекрестным огнем.

Белогвардейцы прибегли к варварскому способу «спасения». Они пригнали к месту боя захваченных в плен курсантов, схватили подвернувшихся под руку местных жителей. Подставив этих людей под огонь наших войск, прикрываясь ими, начали отходить. Курсанты кричали красноармейцам:

— Стреляйте, товарищи! Стреляйте!

К Ивану подбежал взволнованный Лосихин:

— Товарищ комиссар, там моя мать. Вон она в коричневой кофте. Не разрешайте стрелять.

Газа позвонил Шмаю.

— Как решишь, так и будет,— ответил тот.

Иван велел Майлову подъехать ближе к толпе отступавших, поднялся на паровоз и, сложив у рта руки рупором, громко закричал:

— Эй вы, белые трусы! Сейчас же отпустите пленных и мирных жителей. Мы разрешаем вам отойти на триста шагов! А ну, живо! Считаю до трех!

Белогвардейцы, оставив пленников, побежали к парку, обгоняя друг друга. Жители и курсанты кинулись к своим. Пехотинцы бросились вдогонку за белыми.

К Окину подошла группа освобожденных курсантов. Помощник командира взвода в рваной гимнастерке, без оружия, доложил о случившемся. Окин гневно сказал:

— Позор! Немедленно найти свое оружие и привести себя в порядок! — Он повернулся к бронепоезду: — И благодарите путиловцев!

К Шмаю подошел Лосихин и попросил разрешения отпустить людей к семьям.

— Они вернутся через два часа.

Шмай разрешил. Иван пошел вдоль бронепоезда. Паровоз уже залатали, но на орудийных площадках

и вагонах чернели пробоины. А сколько было свежих вмятин, трещин, ожогов! У штабного вагона сорвана дверь. На второй площадке снаряд пробил орудийную башню. Семенов контужен, двое бойцов ранены. Какой жестокий бой!

Шмай приказал произвести необходимый ремонт бронепоезда. И бойцы, даже не отдохнув, взялись за инструмент.

Газа прошел в лазарет. Крохотное помещение было переполнено. Раненые лежали на всех полках и на полу, стонали, метались. Между ними ходил Черных. Увидев комиссара, попросил быстрее эвакуировать тяжелораненых.

— Не волнуйтесь, сейчас отправим их в госпиталь,— пообещал Газа.

На станции нашелся паровоз под парами. К нему прицепили два вагона. В них погрузили раненых. Сопровождать их назначили фельдшера из 62-го полка.

Потом путиловцы похоронили Куренкова. Могилу вырыли за станцией, у речки Кузьминки, на холме, поросшем осокой. Когда все ушли, Иван выкопал в соседнем кустарнике кудрявую березку — Василий любил молодые деревца — и посадил ее у могилы.

Ветерок доносил от домов горький дым, который таял в прохладном воздухе. Жители работали на огородах, где-то на улице кричали ребятишки. В осеннем небе, курлыкая, летели на юг журавли. Маленькая речка огибала холм, на котором покоился Василий, и серое небо отражалось в ней.

Иван сидел у могилы друга и смотрел на речку, на хмурые склоны высот вдали. Курил махорку и вспоминал, как они с Василием работали в новомеханической, как поднимали рабочих на забастовки, как тот познакомил его с Клавой, как потом вместе служили в штрафном батальоне, громили белых.

«Лежи спокойно, Василий. Скоро мы разобьем белых гадов. И начнется счастливая жизнь, за которую ты боролся. А жену твою и сынишку, Дениску, мы не оставим, поможем встать ему на ноги»,— думал он...

У бронепоезда комиссара поджидали начальник бронечастей Голубев и вся команда, построенная в две шеренги.

Увидев подходившего комиссара, Голубев шагнул к нему, обнял за плечи и тихо, но так, что все слышали, сказал:

— Знаю, братишка, что ты потерял друга. Сочувствую, соболезную. Но выше голову. Я тебе привез газету с новым письмом Ильича. Вот, держи!

Иван взял газету, развернул. На первой странице было напечатано письмо Владимира Ильича «К товарищам красноармейцам». На ходу читая его, Газа встал рядом с командиром. А Голубев, поправив бескозырку, возвысил голос:

— Именем Советской власти... за взятие Александровской объявляю благодарность... Но в народе говорят: куй железо, пока горячо. Отдыхать, братишки, некогда. Противник уходит, может собраться с силами. Надо догнать его, взять на абордаж, уничтожить!

Газа вышел из строя и объявил:

— Слушайте письмо Владимира Ильича «К товарищам красноармейцам».

Он стал громко читать, и когда произнес:

— «Вперед! товарищи красноармейцы! На бой за рабоче-крестьянскую власть, против помещиков, против царских генералов! Победа будет за нами!»

Бойцы закричали:

— Да здравствует Ленин! Смерть капиталу! Ур-ра! Вперед!

— К бою! — скомандовал Шмай.

Красноармейцы устремились к орудиям и пулеметам. Через пять минут бронепоезд, тяжело громыхая,

двинулся в погоню за противником. Ветер яростно трепал красный флаг на паровозе. Сзади шел бронепоезд № 44, шагали полки и отряды. Бои продолжались. За самоотверженность и героизм, проявленные в этих боях, красноармейцы и командиры бронепоезда № 6 имени товарища Ленина были поощрены денежными и вещевыми наградами. Газа и Шмай получили от Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов золотые часы.

22

Бронепоезд № 6 вернулся для ремонта на завод. Бойцы разошлись по своим мастерским и принялись за работу.

Но вскоре Антанта начала третий поход против Советской России. И бронепоезд имени товарища Ленина отправился на Польский фронт. Базой его стала узловая станция Режица (ныне Резекне).

Снова жаркие схватки с врагом, смелые рейды по его тылам, молниеносные налеты на станции и полустанки белых. Проникая в глубь расположения противника, путиловцы уничтожали его склады с боеприпасами, скопления боевой техники, сеяли панику среди войск.

Чтобы повысить скорость и маневренность бронепоезда, в рейды часто выходили налегке, даже не брали ремонтную мастерскую, платформу с запасными рельсами и шпалами.

Белополяки старались уничтожить бронепоезд. Они подкупили стрелочника, который работал на станции Режица. Однажды вечером возле станции появился вражеский отряд. Бронепоезд вступил с ним в бой. Предатель, крадучись, подошел к стрелке и тихонько перевел ее. Наблюдатели не заметили этого, так как следили за полем боя. Газа, подменив раненого наводчика, вел огонь из пулемета. Паровозная бригада

тоже была занята. Отбросив белополяков, бронепоезд в темноте двинулся к своей стоянке и остановился: путь был разобран. Ремонтировать его пришлось под огнем противника. Но команда справилась и с этой задачей.

Потерпев на этот раз неудачу, враг продолжал охотиться за бронепоездом. После очередной боевой вылазки он возвращался на базу. Мерно постукивали колеса. В узких смотровых щелях и бойницах мелькали запорошенные снегом макушки сосен. Некоторые бойцы, вероятно вспомнив семьи, взгрустнули. Иван вынул из футляра гармонь и заиграл «Яблочко». Вдруг от внезапного толчка люди полетели на пол. Поезд дернулся несколько раз и остановился.

— Живо на паровоз! — приказал Шмай Никитину.

Тот сейчас же юркнул в узкий проход бронированного вагона. В паровозной будке Майлов дергал за ручку парораспределителя.

— Что случилось?

Майлов кивнул в сторону смотровой щели. Никитин, взглянув в нее, увидел, что один из рельсов снят с пути. Запасного рельса на бронепоезде не было.

Никитин и прибежавшие бойцы стали аккуратно укладывать на место снятого рельса толстые березовые поленья, которые сбрасывал им из тендера Майлов.

Белополяки спохватились слишком поздно. Пули засвистели, когда чурки были уложены. Майлов дал задний ход, потом осторожно тронул вперед. Никитин, повиснув на подножке, смотрел на колеса. Березовый «рельс» скрипел, но оставался на месте...

4 января 1920 года бронепоезд получил новое задание. Ему предстояло подойти к железнодорожному мосту на реке Дубне и дать несколько холостых выстрелов, чтобы известить о своем прибытии подразделение наших войск, находившееся за рекой. После этого командир должен был получить данные о расположе-

нии позиций противника. В дальнейшем бронепоезду надлежало взорвать мост.

Глубокой ночью бронепоезд остановился невдалеке от моста. Громыхнули три холостых выстрела. Но ответных сигналов не последовало. Шмай приказал подрывникам начать работу. Когда мост был подготовлен к взрыву, с той стороны к реке подъехала группа всадников. Командир Красной Армии вручил Шмаю пакет и подтвердил приказ о взрыве моста. Через несколько минут мост взлетел на воздух.

«Возвращаясь с этого задания,— вспоминал Иван Александрович Осипов,— бронепоезд, как и под Ямбургом, очутился в окружении. Наступавшие на Режицу поляки обошли нас. Несмотря на то, что двигались мы осторожно, бронепоезд вскоре попал в ловушку. Позади него раздался сильный взрыв. Впереди полотно оказалось заминированным... Чтобы продолжать отход, надо было разминировать путь, убрать с рельсов пироксилиновые шашки. А молчавшие до этого белополяки, засев за насыпью, стали забрасывать бронепоезд ручными гранатами».

Газа решил сам пойти на разминирование. Бойцы говорили ему:

— Иван Иванович, не комиссарская это работа.

Он слушать никого не стал. Взял клещи-кусачки, нож и топор, выпрыгнул из вагона и пополз по кромке насыпи.

Бой шел справа. Газа полз по-пластунски, прижимаясь к земле. Снег забирался в рукава шинели, за ворот и в сапоги. Над головой посвистывали пули, но комиссар, не останавливаясь, полз и полз.

Наконец, он добрался до заминированного участка. Извлек одну пироксилиновую шашку из-под рельса, другую. Действовал внимательно, не спеша. Освободив от взрывчатки один рельс, перевалился через него и придвинулся к другому. Началось самое опасное: Иван

Иванович оказался на виду у белополяков, которые открыли по нему прицельный огонь. Пули проносились над головой, одна продырявила край шапки. Но Газа продолжал начатое дело. Он уже протянул руку, чтобы снять последнюю шашку, как вдруг почувствовал острую боль в груди. Пуля навылет пробила грудь. Обливаясь кровью, он все же закончил работу. Но вернуться на бронепоезд не хватило сил. Теряя сознание, с трудом подполз к краю насыпи и покатился вниз.

Очнулся Иван Иванович, когда к нему подбежали бойцы. Они бережно подняли истекавшего кровью комиссара и понесли в вагон.

— Путь свободен,— чуть слышно произнес Газа и махнул рукой.

Бронепоезд, продолжая вести огонь, тронулся вперед. Врач Черных перевязал раненого комиссара.

Когда бронепоезд прибыл в Режицу, Газа отправили в петроградский военный госпиталь.

За спасение бронепоезда Иван Газа был награжден орденом Красного Знамени — высшей наградой того времени.

К моменту выздоровления Ивана Ивановича гражданская война уже закончилась. Советская страна обрела мир. Но Газа оставили в армии: сначала военкомом гаубичного дивизиона, затем перевели на должность помощника начальника бронечастей Петроградского военного округа, а в 1924 году он стал комиссаром броневых сил округа.

НА ПАРТИЙНОЙ РАБОТЕ

1

20 декабря 1925 года... Серые холодные сумерки... Нарвские ворота, запорошенные снегом, еле видны в тумане. Низко нависло над Ленинградом тяжелое небо. Дым, выбрасываемый из труб «Красного путиловца», стлался по заставе.

К заводу, дребезжа, подошел трамвай и двинулся дальше. Из вагона вышел Иван Газа в темно-зеленой бекеше с серым каракулевым воротником, в фуражке с красной звездочкой, и зашагал к проходной. Показав вахтеру постоянный пропуск, он направился в партийное бюро.

Иван Иванович только что ознакомился с материалами XIV съезда партии, который открылся два дня назад в Москве. Внимательно прочитал политический отчет ЦК, с которым выступил Сталин. В докладе содержался анализ международного и внутреннего положения Советского Союза, излагалась позиция ЦК по коренным вопросам социалистического строительства. Отмечалось, что партия неуклонно следует ленинской генеральной линии, рассчитанной на создание тяжелой индустрии как основы преобразования всей экономики, в том числе и сельского хозяйства. Это радовало.

Но на втором заседании съезда выступил содокладчик от оппозиции Зиновьев, который по всем коренным вопросам противопоставил линии партии взгляды «новой оппозиции».

Газа знал о ее фракционных выступлениях. В конце ноября 1925 года Центральный Комитет информировал партийные организации о существе разногласий с оппозицией. Положения оппозиционной программы подвергались критике в предсъездовских тезисах ЦК и в партийной печати.

«Новая оппозиция» сформировалась на платформе троцкизма. Зиновьев и Каменев, следуя за Троцким, пытались доказать, что строительство социализма в СССР якобы обречено на провал, выступали против курса партии на индустриализацию страны, не верили в возможность социалистического преобразования сельского хозяйства на основе ленинского кооперативного плана.

Ленинградские большевики дали решительный отпор троцкизму. Вместе с большевиками Московской и Харьковской организаций они одними из первых осудили антипартийную статью Троцкого «Уроки Октября», его нападки на РКП(б) и Коминтерн. Единодушно поддержав постановление январского (1925 г.) Пленума ЦК и ЦКК, квалифицировавшего выступление Троцкого, как попытку «подменить ленинизм троцкизмом», Ленинградская партийная организация еще теснее сплотилась вокруг Центрального Комитета.

Однако оппозиционеры не прекратили борьбы против партии. С конца 1924 года в Ленинграде «новая оппозиция» принялась усиленно сколачивать подпольную антипартийную фракцию. Зиновьев, при поддержке секретаря Северо-Западного бюро ЦК и Ленинградского губкома РКП(б) П. Залуцкого, руководящих партийных работников Г. Евдокимова, И. Бакаева, А. Куклина, Г. Сафарова, А. Саркиса и некоторых других, развернул пропаганду антиленинских взглядов, повел линию на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК РКП(б). Но поскольку большинство ленинградских коммунистов полностью доверяло Центральному

Комитету, оппозиционеры встали на путь обмана и двурушничества. Они заявляли о поддержке решений партии, а сами насаждали местничество и сепаратизм, устраивали фракционные собрания, преследовали честных коммунистов, вели разлагающую работу в Ленинградской комсомольской организации.

Центральный Комитет вынужден был принять меры по пресечению антипартийной деятельности раскольников. 21 сентября 1925 года Оргбюро ЦК заслушало доклад о работе Северо-Западного бюро и Ленинградского губкома РКП(б). На работу в Ленинград направили члена Президиума ЦКК Н. М. Шверника и члена ЦК Н. П. Комарова, которые вошли в состав секретариата губкома РКП(б). С руководящей работы был снят П. Залуцкий. Однако Зиновьеву удалось провести вместо него своего сторонника Г. Евдокимова. По указанию ЦК в партийной печати была развернута широкая полемика с представителями оппозиции.

Важную роль в разоблачении «новой оппозиции» сыграла XIV Московская губернская партконференция, которая осудила раскольнические действия ряда руководящих работников Ленинградского губкома и антипартийное выступление Каменева, защищавшего взгляды фракционеров. Однако в Ленинградской партийной организации положение продолжало осложняться. 1 декабря открылась XXII Ленинградская губернская партконференция. В единогласно принятой резолюции она заявила, что «целиком и полностью одобряет политическую и организационную линию ЦК». Но оппозиционеры, вопреки этому решению, выступили на конференции с антипартийными выпадами, прикрывая их громкими фразами о верности ЦК и его политике, с необоснованными нападками на руководство партийной организации столицы. Грубо нарушая Устав партии, зиновьевцы сделали все возможное, чтобы провести на XIV съезд в качестве делега-

тов своих сторонников, исключили из предварительных списков кандидатов в состав губкома коммунистов, не согласных с оппозицией...

Вероломное выступление оппозиции на съезде партии возмутило Ивана Ивановича. Он вспомнил предательское поведение Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года, когда они выдали Временному правительству план вооруженного восстания. Посоветовавшись со старшими товарищами, Газа отправился на «Красный путиловец».

Он часто бывал на родном заводе. Много раз выступал в цехах с докладами, разоблачая мелкобуржуазную, оппортунистическую сущность троцкизма. Теперь он хотел помочь партийной организации очистить завод от зиновьевцев...

В кабинете сидели и о чем-то оживленно разговаривали парторганизатор бюро коллектива Александров и член бюро Блинков. Александров едва кивнул Ивану Ивановичу и даже не предложил сесть, а Блинков, исключенный комиссией по чистке из партии, а затем восстановленный Зиновьевым, вообще отвернулся от Газа.

— Зачем пожаловал, комиссар? — глухо спросил Александров.

— Хочу побеседовать с рабочими по материалам съезда,— сказал Иван Иванович.— В какой цех можно пойти?

Александров, видимо, побоялся впустить Газа в мастерские. Взяв какую-то бумагу, неохотно сказал:

— Читки и беседы с рабочими мы уже провели.

— Ты врешь, Александров! — раздался громкий голос только что вошедшего рабочего.— У нас в вагонной мастерской о съезде ничего не знают.

— Разве? — с наигранным удивлением воскликнул Александров, глядя на рабочего исподлобья.— Выйди на минуту, я с тобой потом поговорю.

По лицу Блинкова пробежала презрительная улыбка. Когда рабочий ушел, Блинков сказал:

— Все равно мы не имеем права пускать в цеха посторонних.

Иван Иванович понял, что эти люди не хотят, чтобы рабочие знали правду о съезде.

— Как же вы дошли до такой жизни, Александров? — строго спросил он.— Вас вышвырнут с завода. Имейте мужество сказать, что сделана ошибка, что вы запутались и запутали других.

Длинное костистое лицо Александрова застыло, сделалось серым.

— Сам ты, Газа, глубоко ошибаешься,— резко сказал он.— И делать тебе на заводе нечего. Иди себе комиссарствуй.

— И не мешайте нам работать,— добавил Блинков.

Александров вызвал из соседней комнаты члена бюро Семенова — огромного детину — и приказал:

— Проводи комиссара до проходной.

Ивану Ивановичу пришлось подчиниться. Шагая по заснеженному двору, он спросил Семенова:

— И вы с ними заодно?

— Ага, заодно,— с вызовом ответил тот.— Все наше бюро заодно. И директор завода, и райком, и губком заодно. И в Москве многие стоят за нас. Так что скоро, комиссар, вам каюк.

— Глупый ты, Семенов. Связался с заговорщиками и радуешься. Их скоро разгромят.

— Но, но! Укороть язык! — закричал Семенов.

Газа вернулся в свой штаб, сел за стол и, опустив голову, задумался.

«Что делать? Жаловаться на самоуправство Александрова в райком? — думал он.— Но райком партии возглавляет Саркис — бывший троцкист, переметнувшийся на сторону Зиновьева. Сейчас он на съезде. Едва Зиновьев закончил содоклад от оппозиции, как

Саркис выступил в поддержку «новой оппозиции». В райкоме он окружил себя единомышленниками. Жаловаться им на Александрова бесполезно. В горкоме и губкоме тоже хозяйничают зиновьевцы».

Газа вспомнил, как большевики, готовя вооруженное восстание, завоевывали массы на заводе. Сам он принимал в этом активное участие. «И сейчас надо начинать с низов,— думал Иван Иванович.— Бывать на заводе, говорить с людьми, создавать из преданных партии людей инициативную группу». Он прошел к своему старому товарищу Шмаю, который стал начальником броневых частей округа, объяснил ему обстановку и договорился об отпуске.

2

На другой день Газа встал по первому гудку, надел старое ватное пальто, шапку. Щурясь от летевшего снега, он влился в человеческий поток, двигавшийся к заводу. Поглядывая по сторонам, он вспомнил тревожные сообщения вчерашних центральных газет, столкновение с Александровым, угрозу Семенова. Миновав проходную, остановился в стороне и стал всматриваться в лица проходивших мимо людей.

Многие путиловцы погибли в сраженьях гражданской войны, другие умерли от голода и болезней, третьи рассеялись по другим предприятиям и городам. Их места в мастерских заняли вот эти проходившие мимо люди, в основном из разоренных войной деревень. Знакомых не было. Иван Иванович уже хотел идти в цехи и там разыскивать своих старых соратников, как вдруг в толпе увидел чуть сутулую фигуру Майлова. Тот перехватил взгляд Газа и, вскинув голову, шагнул к нему.

— Иван Иванович! Сколько лет, сколько зим! Какими судьбами?

— Вот пришел проведать вас, Алексей,— сказал Газа, приветливо улыбаясь.— Как вы тут живете, работаете?

— Помаленьку,— басовито зарокотал Майлов, обнимая Газа.— Ну что же мы здесь стоим? Пойдем ко мне в центральную ремонтную, там у меня есть закуток, посидим.

Майлов стал рассказывать о своем назначении на должность мастера, о нехватке металла, о низкой квалификации рабочих.

— А вообще-то дела идут неплохо,— закончил он.

В мастерской было темновато, холодно, но чисто, прибрано. За станками уже появились рабочие, доставали из ящиков инструменты, раскладывали их. Майлов проводил Газа в конторку.

— Садись, Иван Иванович. Устраивайся на табурете, кури,— сказал он. Сгреб с табурета, освобождая место, инструменты и начал закуривать сам.— Махорки хочешь? «Кременчуг» желаешь? Продирает насквозь.

— Ты иди, распоряжайся,— ответил Газа, присаживаясь на табурет.— Чтобы люди не стояли без дела. Я подожду.

— Не беспокойся,— Майлов закурил, швырнул спичку в металлическую коробочку, закашлялся.— Я задания даю накануне вечером. Все знают, кому что делать. Ровно в семь включу трансмиссию, проверю, все ли на месте, и пусть трудятся.— Он вынул из кармана жилетки старинные карманные часы на серебряной цепочке.— Есть еще семь минут.

«Нет, он, видимо, не догадывается, зачем я пришел»,— подумал Газа, взял кронциркуль, стараясь понять, какой интерес к общественной жизни проявляет бывший машинист бронепоезда имени товарища Ленина. Газет в конторке почему-то нет.

— А как твоя рана, Иван Иванович? — спросил Майлов.— Не тревожит?

— Иногда побаливает, особенно перед непогодой,— сказал Газа.— Вчера вечером сильно болела.

— Тот-то я смотрю, у тебя вид болезненный. Может, отдохнешь?

— Нет, я чувствую себя нормально,— сказал Иван Иванович.

— Ну, а как Шмай служит, как наш бронепоезд?

— Шмай служит хорошо, старается, а бронепоезд скоро пойдет на переплавку.

— А не рано, Иван Иванович? — забеспокоился Майлов.— Больно обстановка-то тревожная. Все время ждали: вот-вот на Западе грянет революция, поможет нам. А ее все нет и нет. В капиталистическом окружении мы оказались. Так?

— Ну и что? — спросил Газа.

Майлов опять вынул из кармана часы:

— Погоди минутку. Я сейчас.

Он поправил шапку и вышел. За легкой дощатой стенкой зашумела трансмиссия, послышался громкий голос Майлова:

— Приступить к работе!

Вернулся он минут через пять и сразу заговорил:

— Этот вопрос меня сильно беспокоит. Тут выступал дня четыре назад один оратор и такого тумана напустил... Говорит, без помощи пролетариата западных стран нам социализм не построить. А я что-то не верю. Как же так? Восемь лет строили и, выходит, все насмарку, возврат к старому. Не согласен я с ним.

— Вопрос этот сложный,— сказал Газа.— Сейчас его решает съезд партии. Подавляющее большинство делегатов считает, что можно построить. А вот Зиновьев все дело свел к тому, что без пролетарской революции на Западе строительство социализма в нашей стране невозможно. Да ты газеты-то читаешь? — спросил Газа, всматриваясь в постаревшее лицо Майлова.

— Несколько дней не читал. Как только съезд на-

чался, газеты у нас исчезли. И мы ничего не знаем о съезде. Разъясни, Иван Иванович, поподробнее.

Газа стал рассказывать. Майлов возмутился:

— Как они посмели, гады!

Иван Иванович вынул из кармана вчерашний номер «Правды»:

— На, вот, сам прочти и рабочим почитай...

Он прошел в бывшую пушечную мастерскую, в которой теперь разместился тракторный цех. Еще издали заметил высокого, широкоплечего Петра Русакова. Он стоял у токарного станка и, повернув голову, смотрел на Газа, а тот шел к нему, уже плохо слыша появившегося сбоку толстенького мастера, спрашивавшего Ивана Ивановича о чем-то.

— Я свой,— машинально ответил ему Газа.

Петр вышел из-за станка, вытирая ветошью руки; на лбу темнело маслянистое пятно.

— Здравствуй, Петр,— проговорил Газа и дружески протянул Русакову руку.— Как ты возмужал!

— Здравствуйте, товарищ комиссар,— ответил низким голосом Русаков.— Года идут.

Он выключил станок, и они отошли к окну, за которым крутила метель.

— Как живешь, Петр? — спросил Газа.

— Живу, как все,— сказал Русаков, когда они закурили.— Работаю вовсю, а получаю мало. Семья большая. Трудно. Хорошо у нас живут только нэпманы. Шикуют в ресторанах, одеваются в меха, катаются на рысаках. Неужели вернулись к старой жизни, товарищ комиссар?

Он горько усмехнулся. Газа вспомнил, как после удачных боев с войсками Юденича и белополяками радовался и веселился молоденький Русаков.

— Нет, это стратегическая линия нашей партии,— ответил Газа.— Мы немного отступили, чтобы затем шагнуть вперед. За четыре года нэпа в стране почти

полностью восстановлено народное хозяйство. Государственные предприятия развиваются быстрее, чем частные. Ваш завод тому подтверждение. Командные посты в руках нашей партии. А нэпманов скоро прижмем.

— Выходит, никакого перерождения у нас нет,— сказал повеселевший Русаков.— А нам тут такого на днях наговорили.

— Кто наговорил?

— А этот, Блинков, из бюро.

— Гнали бы его из мастерской в три шеи,— посоветовал Газа.— Он бывший троцкист, сторонник зиновьевцев. Зиновьев и Каменев сколотили в Ленинграде «новую оппозицию». Выступили на съезде против линии партии.

У Русакова от удивления поползли вверх рыжеватые брови.

— Да ты что, тоже газет не читаешь? — спросил Газа.

Петр пожал плечами:

— Нет у нас газет. Мы ничего не знаем.

Иван Иванович дал ему экземпляр «Известий». Пряча газету в карман, Петр направился к станку, говоря:

— Прочитаю и побеседую с рабочими.

К ним подошли мастер и Семенов.

— Вот он,— сказал мастер, показывая пальцем на Газа.

Семенов зло закричал:

— Что вам здесь надо, Газа? Я предупреждал вас вчера, что если появитесь еще раз на заводе,— убью, и ничего мне за это не будет.

— Уйдите с дороги,— спокойно сказал Газа, сжимая в кармане рукоятку пистолета.— Если тронете хоть пальцем — застрелю!

Те отступили. Иван Иванович пошел в чугунолитейную, где секретарем партячейки являлся Даниил Афа-

насьев — единственный из двадцати шести членов партбюро, выступивший против оппозиции. Газа давно знал его.

Афанасьев был невысок ростом и неказист с виду. Но сильно поношенная телогрейка, туго подпоясанная солдатским ремнем, ладно сидела на нем; штаны аккуратно заштопаны, старенькие сапоги — залатаны. Неожиданным контрастом выглядела новая шапка-ушанка. Увидев Газа, он улыбнулся:

— Кстати пришли, Иван Иванович. Меня измотали эти прохвосты. Не знаю, что дальше делать.

Газа, глядя на простое, открытое лицо Афанасьева, вдруг почувствовал себя легко и свободно. Улыбка невольно тронула его губы. Сказал дружески:

— Вы начали правильно, Даниил Афанасьевич. Действуйте и дальше в том же духе. Есть у вас помощники?

— Есть один — формовщик Иван Казакевич,— осторожно ответил Афанасьев.

Газа посмотрел на него:

— Всего один? Мало! Надо, чтобы за вами шли все коммунисты ячейки.

Афанасьев промолчал: до того определенно сказано, что пояснений не требовалось. Они вышли из цеха на свежий воздух.

— Считайте это своей главной задачей,— сказал Иван Иванович.— Мы на вас крепко надеемся.

Афанасьев ответил кратко:

— Будет сделано.

В этот день Газа встретился и поговорил еще с четырьмя коммунистами.

Иван Иванович стал ходить на завод каждый день, как на службу. Сплачивал вокруг партии заводских коммунистов. Командование и политуправление округа направило ему в помощь начальника бронечастей Шмая.

Шмай был по-прежнему подтянут и строен, только в темных курчавых волосах его появилось много седины. На завод он пришел со списком бойцов, которые после увольнения со службы устроились работать на «Красном путиловце».

Газа и Шмай, обосновавшись в дальней комнате завкома, пригласили к себе Николая Остахова — бывшего механика 4-го бронедивизиона, сейчас работавшего крановщиком в мартеновском цехе. Подвижный и веселый, в армии он сразу привлек к себе их внимание отличной учебой и примерной службой. Газа и Шмай дали ему рекомендации в партию. И на заводе он работал старательно.

Остахов пришел в завком не один, а с двумя товарищами — Сашей Саженниковым и Никитой Капраловым — тоже молодыми коммунистами, недавно уволенными из армии в запас. Когда начался XIV съезд партии, они каждый день собирались, читали «Правду», за которой поочередно ездили на Невский.

Встреча была радостная, но короткая. Едва Газа и Шмай расспросили парней о партийной работе в мастерской, как появился председатель завкома и предложил им покинуть помещение. Уже в коридоре Остахов сказал:

— Трудновато приходится. Рабочие не всегда понимают, где свои, где чужие. Партбюро поддерживает «новую оппозицию», поэтому в мастерской начинают колебаться.

— Вам придется все повернуть,— сказал Шмай.

— Да,— подтвердил Газа.— Вам надо создать ядро из надежных товарищей, разъяснить рабочим линию ЦК. Литературой мы вам поможем. Снабжать ею будет Никита Капралов.

— А вы, Иван Иванович, работать у нас будете? — полюбопытствовал Остахов.

Газа и Шмай переглянулись.

— Придется, видимо, поработать,— ответил Газа.

Они побывали в новомеханической и башенной, в которых раньше работал Газа. В башенной теперь находился турбинный цех. В обеих мастерских нашлись знакомые рабочие — члены партии. Но обстоятельно поговорить с ними не удалось — помешали оппозиционеры.

Вскоре из Москвы на завод приехали студенты Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. Но их не пропустили на территорию завода. Газа познакомился со студентами и их руководителем Александром Митрофановым — делегатом XI, XII и XIII съездов партии, посоветовал им организовать пропаганду по месту жительства рабочих. Пропагандисты стали собирать людей на квартирах старых большевиков.

Газа проводил все дни на заводе. Постепенно вокруг него образовался актив из тридцати двух человек. Иван Иванович решил, что пора создать из них инициативную группу. Но собраться было негде. Поэтому он пригласил всех к себе.

3

Около четырех часов, когда стали сгущаться сумерки, приглашенные потянулись к двухэтажному дому близ Нарвских ворот. Пошел и Алексей Майлов.

Раньше здесь помещались Совет Нарвско-Петергофского района и другие организации. После слияния с Московским районом в один — Московско-Нарвский — учреждения переехали в другое место, и здание освободилось. У Ивана Газа возникла мысль о создании в нем дома-коммуны. Он предложил группе кадровых рабочих и бывших фронтовиков поселиться всем вместе и начать строить новый, коммунистический быт. Желающих нашлось много: семьи бывшего заместителя командира бронепоезда имени товарища

Ленина Петра Никитина, бывшего парторга бронепоезда Василия Мещерского, рабочего Александра Ермилова и другие. Председателем домовой комиссии и главой коммуны избрали Газа. Жильцы дома совместно купили необходимые для ремонта материалы, сами починили крышу, водопровод, сделали перепланировку. Печник сложил плиты и печи. О необходимых расходах по содержанию дома договорились на общем собрании. За дровами обычно направлялась бригада во главе с Ермиловым или Газа. На реке Екатерингофке разбирали старые баржи. В первую очередь дрова доставляли тем семьям, у кого были больные или престарелые.

Майлов дернул за шнур колокольчика.

Дверь открыла Клава. Они были знакомы, но давно не виделись. Она протянула Майлову руку:

— Наконец-то собрались зайти к нам.

— Здравствуйте, Клавдия Ивановна.

В прихожей появился Иван Иванович. В новой гимнастерке, на которой ярко блестел орден Красного Знамени, в синих командирских брюках, в высоких хромовых сапогах. Обняв Майлова за плечи, повел его в комнату, откуда слышались мужские голоса.

Комната была продолговатая, довольно просторная, с двумя окнами, выходившими на улицу, и изразцовой печкой в углу, возле которой стоял квадратный стол. Над ним висела лампа в светлом абажуре. В другом углу — большой книжный шкаф. На нем — самодельный переплетный станок. Майлов знал, что Газа относился к книгам бережно, даже благоговейно. Самым любимым его занятием дома было переплетать книги для своей библиотеки. И он делал это с профессиональным мастерством и большим вкусом.

Уже сошлись все друзья-товарищи Газа, рабочие-путиловцы — Николай Остахов, Никита Капралов, Петр Русаков, член партбюро Даниил Афанасьев, руководи-

тель московских студентов Александр Митрофанов и еще человек двадцать пять. Сидели на кровати, покрытой клетчатым одеялом, на диване, по двое на стульях, табуретах, собранных из многих квартир.

Майлова встретили приветственными возгласами. Иван Иванович уже хотел начать собрание, но неожиданно открылась дверь, и из смежной комнаты с шумом выбежали разыгравшиеся дети: темноволосый мальчик лет четырех и девочка полутора лет. Иван Иванович сгреб детей в охапку.

— Костя, Клавик, идите к Борису,— сказал он, целуя детей.

Он отнес их в соседнюю комнату, где готовил домашние задания старший сын Борис, плотно закрыл дверь.

Газа немного волновался. Создание инициативной группы тайком от партийного бюро коллектива — дело нешуточное.

— Кажется, все пришли,— сказал Газа, внимательно оглядывая собравшихся. Взял с тумбочки тетрадь в синей обложке, положил перед собой на столе, развернул, медленно провел ладонью по сгибу. Все ждали. Он начал доклад:

— Четырнадцатый съезд партии еще не закончился. Он призывает коммунистов, весь народ «держать курс на индустриализацию». На съезде идет острая идейная борьба. «Новая оппозиция», возглавляемая Зиновьевым, противопоставила себя Центральному Комитету. Эта оппозиция свила себе гнездо у нас в Ленинграде.

Газа стал говорить о положении на заводе, о том, что партийная организация попала под влияние оппозиции, стала опорой зиновьевцев.

— Мы должны сплотить сторонников съездовского большинства, очистить парторганизацию от зиновьевцев,— продолжал он.— Для этой цели и создаем инициативную группу. Перед ней стоят две задачи: разъ-

яснить рабочим решения съезда и подготовить заводское партийное собрание.

Майлов вскочил:

— Верно! С этого надо начинать!

— Будем голосовать,— сказал Иван Иванович, выходя из-за стола.

Он уже чувствовал, что собравшиеся его поняли. На их помощь он надеялся. Сейчас важно было объединить силы членов партии и направить их на главное. А силы эти есть. Вот они, преданные партии, умные, честные люди.

Решение о создании заводской инициативной группы приняли единогласно.

— Я думаю, мы начнем свою работу с подготовки партийных собраний в цехах,— сказал Газа.

— И медлить нельзя! — подхватил Даниил Афанасьев.— Я предлагаю еще создать в каждой мастерской цеховую инициативную группу, человек из пяти. Поручить им агитировать за линию ЦК, готовить отчетно-выборные собрания цеховых партячеек, следить за происками оппозиционеров.

— Согласен,— сказал Газа.

Это предложение тоже приняли единогласно.

Потом заговорил Митрофанов, простоявший весь доклад неподвижно у печки со скрещенными на груди руками.

— Надо открыть заводские ворота для съездовской литературы.

Иван Иванович весь подался вперед:

— Не только для литературы, но и для московских пропагандистов.

Капралов, который, выполняя поручение Газа, каждый день приносил на завод центральные газеты, сказал:

— Снабжение литературой я уже организовал и буду продолжать.

— Я помогу тебе, Никита,— поддержал его Русаков.

— Вот видите,— весело сказал Газа, снова беря в руки тетрадь.— Я подготовил проект «Обращения к членам ВКП(б) завода «Красный путиловец». Его подписали Антон Васильев, Василий Мещерский, Михаил Богданов и другие большевики-путиловцы, в разное время работавшие прежде на заводе.

— Читайте! — послышалось со всех сторон.

— «Поскольку судьбы нашей революции полностью и целиком зависят от нашей ВКП(б),— начал читать Газа,— от ее монолитности, единства ее без всяких оговорок... перед каждым членом партии, и в первую очередь перед партийцами-путиловцами, встает во весь рост задача добиться того, чтобы все трудности, которые стоят перед нашей страной, строящей социализм, могли быть разрешены полностью и правильно...»

Далее в обращении характеризовалась раскольническая деятельность оппозиции, выражалась уверенность, что краснопутиловские коммунисты будут твердо стоять на ленинских позициях. Это обращение, единогласно утвержденное, решили размножить и вывесить во всех мастерских, затем опубликовать в «Ленинградской правде».

Клавдия Ивановна накрыла на стол. Иван Иванович принес большой, по-домашнему шумевший самовар.

Началось чаепитие. Но беседа не прекращалась.

— Ведь у них, у зиновьевцев, какой расчет? — спрашивал Майлов и сам отвечал: — Если уж краснопутиловцы клюнут на их приманку, глядишь, и в других местах легче пройдет. Шутка ли, такая махина!

— Да, я чувствую, что мы стоим на правильном пути,— сказал Русаков.

— И прочно стоим,— вторили ему.

После собрания расходились небольшими группами.

Иван Иванович и Клавдия Ивановна, прибрав комнату, сели на диван.

— Ванюша, а оппозиционеры не исключат тебя из партии? — спросила Клавдия Ивановна, ласково заглядывая в лицо мужа.— Я слышала, они исключают всех, кто с ними не согласен.

— Руки коротки,— улыбнулся Газа.— Я состою на партийном учете в штабе округа.

— Говорят, они на заводе организовали группу, которая расправляется с неугодными людьми.

— Не беспокойся, Клавушка, я вооружен.

Из комнаты выбежали дети:

— Папа, давай играть в лошадки.

Иван Иванович опустился на четвереньки и, смеясь, подставил спину:

— Садитесь, прокачу.

Костя и Клавик радостно залезли ему на спину. Раздались смех, визг. Из другой комнаты вышел худенький, высокий, похожий на отца, десятилетний Борис и стал стыдить малышей:

— У папы болит простреленная грудь. А вы?..

Костя и Клавик сразу сникли. Мать принесла им веревочку:

— Вот. Запрягите папу и бегайте за ним.

4

На следующий день рано утром Газа подошел к проходной. Увидел там незнакомых людей в черных полушубках. Рабочие обходили их стороной. Хотел и он вместе с рабочими пройти. Но когда предъявил вахтеру пропуск, появился Семенов.

— Взять его,— сказал он, показывая на Газа.

Двое мужчин в полушубках схватили Ивана Ивановича за руки и повели в соседнее помещение. Он возмутился и закричал:

— Не имеете права! Это произвол! Вы ответите за незаконные действия.

Его втолкнули в холодную комнату, в которой девять лет назад он стоял перед жандармским офицером. Нанесенная сейчас обида всколыхнула воспоминания. «Тогда нас хватали классовые враги,— думал Иван Иванович.— А сейчас?.. С этим надо быстрее кончать».

Он потребовал объяснений.

— А чего объяснять-то,— с кривой усмешкой произнес Семенов.— Давно все ясно.

— Вы используете жандармские приемы против большевиков,— громко сказал Газа.— Вот до чего вы докатились!

— Но, но! — угрожающе проговорил Семенов.— Пошуми у меня.— Он покрутил ручку телефона и кому-то доложил: — Ваше задание выполнено. Задержан. Да, да, Иван Газа.

Оппозиционеры, очевидно, полагали, что после задержания Газа на заводе установится тишь да благодать. Но они просчитались. Начала действовать инициативная группа.

Алексей Майлов, Николай Остахов, Петр Русаков и другие участники вчерашнего совещания ходили по мастерским и разоблачали сторонников оппозиционеров. Даниил Афанасьев — организатор партячейки чугунолитейной, сопровождаемый формовщиком Иваном Казакевичем, в этот день привлек на свою сторону еще двух коммунистов и создал у себя в мастерской инициативную группу. Такие группы появились и в других мастерских. А в электроцехе член инициативной группы Франц Гяч даже сумел провести собрание коммунистов, на котором зиновьевцев изгнали из цехового партбюро.

Никита Капралов, выполняя поручение, принес на завод большую кипу центральных газет с решениями

съезда. Коммунисты разнесли их по мастерским, организовали громкие читки.

Зиновьевцы бросились в мастерские, стали разгонять рабочих, отбирать газеты, задерживать людей, которые выступали против оппозиции. Потом организовали нападение на Капралова. Когда он шел в красный уголок по узкому проходу между двумя штабелями металлических слитков, они вдруг с грохотом повалились. Никита успел отскочить в сторону, но большой слиток придавил ему ногу. С тяжелым переломом его отвезли в больницу.

Ивана Газа оппозиционерам пришлось выпустить. Вечером Семенов вывел его за ворота и, снова пригрозив, отпустил. Но Иван Иванович не боялся угроз. Почти каждое утро он ловко проскальзывал через проходную. Правда, не всегда ему удавалось собрать людей, но он шел к знакомым членам партии и рабочим, беседовал с глазу на глаз, давал задания, помогал...

Потерпев поражение на съезде, оппозиционеры 28 декабря собрали партактив Московско-Нарвского района. Газа хотел присутствовать на этом собрании. Но его не пустили. Проглотив обиду, Иван Иванович вышел на крыльцо, закурил. К нему подошел знакомый рабочий. Кивнув на окна, спросил:

— Заседают?

— Да,— ответил Газа.

— О чем они там?

— Сговариваются, как сподручнее морочить нам головы.

— Да ну? Ты, Иван Иванович, скажи вкратце, в чем суть-то.

К ним подошел еще один член партии и стал расспрашивать о подрывной деятельности оппозиционеров. Иван Иванович ответил и на его вопросы. Потом подошли двое, затем еще несколько человек. Многие

приглашенные на актив остались здесь и с интересом слушали Газа.

Один из оппозиционеров, выйдя из клуба, предложил собравшимся разойтись.

— Это вам надо разойтись и очистить помещение,— резко сказал Иван Иванович.— Вы изменили делу рабочего класса, делу Ленина и не имеете права находиться в рабочем клубе.

— Ты Газа, замолчи,— со злостью сказал зиновьевец.— Если не прекратишь демагогию, мы исключим тебя из партии.

Но собравшиеся закричали:

— Убирайся ты, зиновьевский прихвостень. Давай говори, Газа!

Два часа говорил разгоряченный Иван Иванович. И два часа стояли на морозе люди, внимательно слушая каждое его слово.

Ночью у него заболело горло, начался сильный кашель. В простреленной груди возникло ощущение тяжести; поднялась температура.

Клавдия Ивановна дала ему таблетку аспирина, напоила горячим молоком, поставила горчичники. Иван Иванович почувствовал облегчение. Утром он снова направился на завод...

Оппозиция на съезде была разгромлена. 28 декабря съезд принял «Обращение ко всем членам Ленинградской организации», в котором разоблачались раскольнические действия зиновьевцев. Было также принято постановление об изменении состава редакции «Ленинградской правды», которое лишило сторонников Зиновьева возможности использовать этот партийный орган во фракционных целях. Для дальнейшего разоблачения оппозиции ЦК направил в Ленинград большую группу коммунистов, среди которых были прежние работники Ленинградской партийной организации — Н. И. Подвойский, Н. М. Анцелович и другие. 29 де-

кабря в Ленинград приехали члены президиума съезда Г. К. Орджоникидзе, С. М. Киров, А. И. Микоян и Н. А. Кубяк. В тот же день они выступили на большом собрании партийного актива Выборгского района с сообщениями о работе съезда партии.

Принятые съездом и Центральным Комитетом меры, активизация сторонников ленинской линии внесли перелом в борьбу против оппозиции в городе. Партийные организации ряда заводов и фабрик направили в Москву свои делегации, которые горячо приветствовали съезд и поддержали его решения.

А вечером Киров пригласил Ивана Газа, Даниила Афанасьева, Франца Гяча и других членов инициативной группы к себе в гостиницу «Европейская».

Газа знал Сергея Мироновича как опытного партийного организатора, непоколебимого ленинца, читал его яркую речь на съезде. Когда краснопутиловцы вошли в комнату, из-за письменного стола встал и пошел к ним навстречу крепкий, коренастый; просто и строго одетый жизнерадостный человек. Пожимая руку Газа, он улыбался и говорил:

— Слышал много хорошего о вас. Рад встрече.

Пододвинув стулья к столу, усадил всех и сел напротив.

— Ну, рассказывайте о делах завода.

— Положение сложное и трудное,— ответил Газа.— Из всех членов партбюро один Афанасьев стоит за линию ЦК. Мы создали инициативную группу.

Киров одобрительно кивнул и стал расспрашивать, как оппозиционерам удалось ввести в заблуждение партийные массы.

— Рабочие лишены правдивой информации,— сказал Газа.— Питаются антипартийной ложью зиновьевцев.

— Но ведь мы направляем в Ленинград массу партийной литературы.

— Оппозиционеры задерживают ее,— сказал Афанасьев.— Центральные газеты получаем через политуправление округа. Их доставку организовал Газа. Но литературы очень мало.

— Мы привезли с собой газеты и текст «Обращения ко всем членам Ленинградской организации»,— сказал Киров, указав на чемоданы.— Один — ваш. Получайте, работайте. А какие еще приемы и методы применяют зиновьевцы?

Краснопутиловцы рассказали обо всем. Киров поинтересовался работой инициативной группы. Иван Иванович, чувствуя его дружеское расположение, рассказал.

— Вам нужно, не теряя драгоценного времени, проводить в цехах партийные собрания,— сказал Киров.— Надо, чтобы массы выступали открыто, а большевистская точка зрения была четко выражена в резолюциях собраний.

— Сергей Миронович,— сказал Гяч.— Мы в электроцехе уже провели собрание. Старое бюро разогнали и выбрали новое из преданных партии большевиков.

— Правильно,— сказал Киров.— А сколько человек голосовало за нашу резолюцию?

Гяч смутился и сказал, что никакой резолюции он не предлагал.

— Тут вы не дотянули, дорогой товарищ,— сказал Сергей Миронович.— Резолюция помогла бы вам поднять борьбу на принципиальную политическую высоту.

— Мы это учтем,— сказал Газа.

— И постарайтесь выяснить, где зиновьевцы задерживают литературу, которую мы вам направляем,— посоветовал Киров.— Надо немедленно снабдить всех путиловцев съездовской литературой. Она сразу откроет глаза рабочим.

Беседа продолжалась до ночи.

Киров провел в Ленинграде еще день, затем вместе с Орджоникидзе и Микояном уехал в Москву, где проходили заключительные заседания съезда партии.

5

И после съезда оппозиционеры продолжали ожесточенную борьбу. 2 января президиум губернской партийно-контрольной комиссии по настоянию ее председателя Бакаева осудил «дезорганизаторскую» деятельность инициативных групп. А 3 января Газа вызвали в Смольный, в партийно-контрольную комиссию.

Иван Иванович знал, что в этой комиссии крепко засели зиновьевцы, которые давно собираются учинить над ним расправу. Но, чувствуя свою правоту, без колебания отправился по вызову. Когда он вошел в коридор Смольного, неожиданно встретил Бакаева.

— Прошу,— сказал тот, отворяя дверь в кабинет и пропуская Газа вперед. Войдя в кабинет, он опустился в глубокое кресло за столом и, не пригласив Ивана Ивановича сесть, сказал:

— Вы являетесь комиссаром броневых сил Ленинградского военного округа. Почему находитесь не на службе, а болтаетесь на заводе «Красный путиловец»?

— Я нахожусь в отпуске. Завод наш шеф. И я помогаю парторганизации разъяснять решения съезда партии,— отвечал Газа, побледнев от волнения и сдерживая гнев.

— Я спрашиваю, чем вы еще занимались на заводе?

— Отвечаю: беседовал с рабочими и большевиками.

— Не лгите, не уходите от ответственности.

И тут вдруг прорвалось долго сдерживаемое раздражение Бакаева. Он высказал все, что, видимо, накипело у него на душе.

— Партийно-контрольной комиссии известно, что вы, Газа, организовали на заводе подпольную инициа-

тивную группу. И вам должно быть известно, что подобная деятельность является фракционной, дезорганизаторской и поэтому несовместима с пребыванием в партии.

— Я прошу вас не говорить того, что несправедливо,— перебил его Газа.

— Я говорю правду и не позволю...— еще раздраженнее заговорил Бакаев.

Иван Иванович тоже повысил голос:

— А кто вам с Зиновьевым дал право тайно создавать в Ленинграде «новую оппозицию»? Кто вам дал право проводить на «Красном путиловце» антипартийную фракционную деятельность? Почему вы запретили приносить туда центральные газеты и съездовскую литературу? Куда вы ее деваете?

В это время зазвонил телефон, и Бакаев, взяв трубку, кому-то бросил:

— Сейчас приду.

Затем посмотрел на Газа пронизывающим взглядом и зло сказал:

— Предупреждаю: если немедленно не распустите свою подпольную группу и не прекратите дезорганизаторскую деятельность на заводе, будете исключены из партии.

— Не имеете права,— возразил Газа.

— Имеем. Вот постановление президиума губернской партийно-контрольной комиссии,— он протянул Газа напечатанный на машинке текст.

Иван Иванович взглянул на бумагу и, усмехнувшись, сказал:

— Ваше постановление не имеет законной силы.

Он и не думал отступать от намеченной цели. Наоборот, решил усилить деятельность инициативной группы.

Под ее руководством в цехах создавались свои инициативные группы. Цеховые партячейки одна за дру-

гой переизбрали бюро, решительно отмежевываясь от оппозиционеров.

Через три дня в Ленинград приехала группа членов ЦК — делегаты съезда А. А. Андреев, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров и другие.

Михаил Иванович, еще до революции работавший токарем на Путиловском заводе, хорошо знал положение в заводской парторганизации. Он приехал на завод в день перевыборов партийного бюро в тракторном цехе. Газа, встретив его возле мастерской, доложил:

— Обстановка напряженная, Михаил Иванович, но большинство членов партии идет за нами.

— Вот и хорошо,— ласково сказал Калинин, пожимая Ивану Ивановичу руку.

В красном уголке раздавались выкрики и свист. Особенно шумел член бюро ячейки токарь Кудрявцев — активный зиновьевец. Видимо, желая войти в новый состав бюро, он защищал свою кандидатуру и выкрикивал клеветнические обвинения в адрес выдвинутых собранием коммунистов.

— Я гражданскую войну прошел! Я — буденовец! — кричал он.

Калинин приподнялся со стула и поднял руку. Собрание притихло.

— По всему видно, что ты не буденовец, а бузеновец! — сказал Михаил Иванович оппозиционеру.

Раздался дружный хохот. Дискуссия о кандидатуре Кудрявцева прекратилась. Бюро переизбрали. Большинство голосовало за большевистскую резолюцию.

В ту пору напряженной борьбы во главе Ленинградской партийной организации стал Киров. Иван Газа, работая теперь под его руководством, видел, как этот человек сплачивал вокруг себя преданных партии людей, заражал их своей энергией. Ивану Ивановичу он сказал:

— Бакаева не бойтесь. Действуйте смелее.

Инициативная группа готовила общезаводское партийное собрание. Иван Газа, Франц Гяч, Даниил Афанасьев и другие члены группы дни и ночи находились в цехах. Каждому члену партии давалось задание: тебе надо привести того-то, тебе таких-то.

— Ты,— говорил Иван Иванович Остахову,— проверишь входы и выходы. Возьмешь из своего цеха ребят поздоровее и еще прихвати прокатчиков. Человек по пять посади поближе к дверям.

Первые два ряда наметили заполнить людьми понадежнее. Не забыли и о дальних углах, где обычно сосредоточивались главные крикуны.

Собрание проходило в тракторном цехе 20 января. Приехали К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, С. М. Киров и другие члены ЦК. На повестке дня стоял вопрос: «Итоги XIV съезда ВКП(б) и задачи партийной организации „Красного путиловца"».

От имени оппозиционеров выступил председатель губсовета профсоюза Глебов-Авилов [Александрова в это время на заводе не было. Его вызвали в ЦКК ВКП(б)].

Первое столкновение произошло при выборах президиума. Зиновьевцы заявили, что поскольку в заводское бюро их избрал коллектив, то лишь они имеют право на выдвижение кандидатур. Иван Газа отверг эту точку зрения и предложил выдвигать кандидатов как с той, так и с другой стороны. Его предложение было принято.

Почти два часа продолжались выборы президиума. В конце концов решили, что заседание будут вести сразу два президиума.

Собрание проходило бурно. Когда в дальнем правом углу зиновьевцы подняли бузу, Газа дал сигнал Остахову. Восьмерых наиболее шумливых оппозиционеров коммунисты быстро вытолкали на улицу.

Зиновьевцы вели нечестную игру: еще накануне

пустили слух, что из-за отсутствия топлива закроется мартен, а следовательно, и прокатный цех, который не может работать без мартеновских заготовок. На собрании оппозиционеры пытались взбудоражить людей и, воспользовавшись этим, перетянуть на свою сторону большинство присутствующих. Но встал Газа и спокойно разъяснил, что завод будет полностью обеспечен топливом.

Затем выступил М. И. Калинин.

— Вся наша партия от Архангельска до Севастополя, от Москвы до Владивостока,— сказал он,— потрясена и осуждает поведение ленинградской организации. Ленинградские коммунисты за ЦК, я в этом не сомневаюсь. К путиловцам мы приехали к последним, зато полностью все восемь человек, и, надеюсь, не без поддержки путиловских рабочих мы завтра поедем в Москву.

Собрание приняло резолюцию, подготовленную Иваном Газа:

«Мы решительно осуждаем поведение бюро коллектива, райкома и губкома, все время вносящих своей фракционной работой, политикой репрессий и партийного зажима разложение и дезорганизацию в наши ряды. Мы требуем скорейшего созыва районной и губернской партконференций и немедленного устранения от партийного руководства нынешнего бюро райкома, мешающего нормальному ознакомлению членов партии с решениями съезда и их практическому проведению в жизнь... Так как бюро нашего коллектива своими фракционными и раскольническими действиями подорвало доверие к себе партийных масс, мы лишаем его права с сегодняшнего дня на дальнейшее руководство работой коллектива, считаем его распущенным и поручаем выбранной пятерке немедленно принять все дела от бюро коллектива и приступить к работе по перевыборам нового бюро».

4 февраля состоялось собрание заводского партийного коллектива, на котором решался вопрос о переизбрании бюро. С докладом выступил С. М. Киров. Нового секретаря губкома партии еще не все знали в лицо, но тех, кто успел с ним познакомиться, он уже расположил к себе душевностью.

Киров начал доклад не спеша. Сначала голос его звучал еще не в полную силу. Он всматривался в лица людей, как бы определяя, с чем пришли сегодня коммунисты и чего ждут от него. Речь его текла как свободный, непринужденный рассказ. Но вот оратор перешел к вопросам борьбы с оппозицией. Он оживился, выразительно жестикулируя, с полемическим запалом разоблачал зиновьевцев, досконально разбирая суть спорных вопросов. Далее Киров говорил о новых конкретных задачах парторганизации завода.

После доклада раздались бурные аплодисменты. «Экая силища,— с восхищением думал Иван Иванович о Кирове.— Как хорошо, что он к нам прибыл».

В состав нового бюро партийного коллектива избрали надежных большевиков. Организатором коллектива стал Газа, ответственным секретарем Никита Капралов.

Незадолго перед этим Газа ввели в состав нового бюро районного комитета партии, которое обратилось в политуправление округа с ходатайством о демобилизации Газа вследствие того, что он ведет в районе партийную работу.

6

Положение на заводе было сложное. Хозяйничание сторонников оппозиции привело к заметному ослаблению партийной работы. Занятия в кружках и политшколах прервались, ячейки перестали обсуждать производственные вопросы, снизилась дисциплина. На заводе участились случаи брака. Из-за халатности нередко возникали пожары.

Пришел Иван Иванович на завод, а его уже ожидают много людей. У всех к нему вопросы. Металла нет. Много деталей опять пришлось списать. Начальство снизило расценки. У всех семьи, детей надо кормить. Давай, парторг, помогай!

И Газа помогал и в организации труда, и в снабжении, и в повышении расценок.

Потом прибежал парторг ячейки железопрокатной мастерской:

— Рабочие устроили волынку!

— Что они, с ума сошли? — возмутился Газа.— Вздумали волынить, когда до зарезу нужен прокат. Причину выяснили?

— Подбили оппозиционеры.

Он сейчас же пошел в железопрокатную. Прокатный стан стоял. Рабочие сидели и курили. Слушали какого-то человека, видимо зиновьевца:

— Над нами издеваются! Не позволим! Зарплата и так низкая!

Газа подошел к рабочим, поздоровался, спросил, почему не работают. Зиновьевец начал было отвечать за всех, но Иван Иванович не стал его слушать.

— Пусть скажут сами рабочие.

Встал пожилой прокатчик:

— Товарищ секретарь, не годится так. Простои не по нашей вине. Не привезли металл. Мастерская стояла. А нам не уплатили. И еще снизили всем разряды. Без всякой причины. Это же произвол.

Газа вызвал начальника цеха. Тот сослался на приказ директора. Газа пошел к нему. Левин активно поддерживал оппозиционеров. На вопрос Газа надменно ответил:

— Да, это я приказал. У меня рапорт начальника цеха. Они там бездельничают, а я борюсь за рентабельность предприятия.

— Ваш приказ незаконен,— сказал Иван Иванович.— Он вызвал возмущение рабочих.

— Но я полагал...

— Никаких «но». Извольте сейчас же отменить приказ. И в будущем согласовывать приказы со мной.

С обидой в этот день пришел к Газа слесарь Александр Мирошников. Иван Иванович знал его давно. В дни революции Мирошников обучал путиловцев военному делу, участвовал в штурме Зимнего дворца. В холодные ночи 1919 года ремонтировал бронепоезда для фронта, потом работал в завкоме. Ему часто говорили:

— Подавай заявление в партию. Ведь ты по своим делам давно большевик.

Но Мирошников отвечал:

— Вот вернусь из завкома в мастерскую, там в своем коллективе и вступлю.

В конце 1924 года его перевели в железнодорожный цех мастером по эксплуатации паровозов. В самый разгар борьбы с оппозицией он пришел в бюро цеховой ячейки с просьбой принять его в партию. Парторг и другие члены бюро — оппозиционеры — недовольно переглянулись. Они хорошо знали этого человека, который выступал за линию ЦК. Дело о его приеме в партию отложили в долгий ящик. Газа помог слесарю вступить в партию.

После Мирошникова пришел старый котельщик Антон Григорьевич Русаков. Его сын Петр отважно воевал за Советскую власть на бронепоезде имени товарища Ленина. Сам Антон Григорьевич тридцать с лишним лет отработал в паровозокотельной. У Русакова одиннадцать детей. Средний сын его Василий расчищал площадки под сады, зимой сбрасывал снег с крыш. Антон Григорьевич решил, что надо устроить парня на постоянную работу.

Иван Иванович всегда относился к старикам с большим уважением и ни одной их просьбы без внимания

не оставлял. Помог он и на этот раз. Василия зачислили в прокатный цех, пока чернорабочим.

Многие люди шли к Газа со своими просьбами, советами, предложениями. В общем, дел у секретаря хватало. Он организовал на заводе широкую сеть политкружков по изучению материалов XIV съезда партии. Сам стал руководить кружком в мартеновском цехе.

Однажды после занятия к Ивану Ивановичу подошли двое рабочих. Один из них — молодой черноволосый кавказец, другой — худой старик. Известия, рассказанные ими, встревожили Газа. Организатор бюро коллектива ВЛКСМ Иван Канкин и агитпроп Александр Гусев, которые были одновременно членами партбюро, склоняли некоторых ребят, особенно чернорабочих, на сторону оппозиции.

Выслушав рабочих, Иван Иванович долго молчал. Он знал, что надо делать, но никак не мог простить себе, что проглядел рядом этих двух оппозиционеров.

Иван Иванович поручил комиссии проверить сведения о Канкине и Гусеве, которые полностью подтвердились. Газа добился того, что оппозиционеров вывели из состава партбюро.

В этот же день Иван Иванович пошел на заседание бюро ВЛКСМ, которое помещалось на «голубятне» — в небольшой мансарде над завкомом. Рассказал о раскольнической деятельности Канкина и Гусева. Возмущенные комсомольцы вывели их из своего бюро.

Новым организатором комсомольцев избрали Александра Ильина — начитанного парня, умеющего найти подход к молодым рабочим, увлечь их. По душе пришелся комсомольцам и новый агитпроп Павел Лысаков, прибывший на завод с городских партийных курсов. Молодежь стала активнее участвовать в жизни завода, лучше трудиться...

Как-то на завод приехал С. М. Киров. Пожимая руку Газа, приветливо спросил:

— Ну, как работается, секретарь?

Иван Иванович сообщил о своих делах.

— Так,— сказал Киров.— Ну, а как с производством тракторов?

Работа над их освоением на заводе началась осенью 1923 года. Тогда разобрали американский «фордзон», составили чертежи узлов и деталей, изготовили примитивные формы для литья, штамповки, сделали заготовки для механической обработки. Но отсутствие опыта и нужных станков, незнание «души» трактора приводили к тому, что «фордзоны», или, как их окрестили рабочие, «федоры», на первых порах своим ходом не шли. Их на буксире вытаскивали во двор завода и долго бились над тем, чтобы завести. Лишь к 1 Мая 1924 года на демонстрацию вышли из ворот завода два трактора. Летом развернулась подготовка к серийному выпуску тракторов. Для этого приспособили пушечную мастерскую, которую стали называть тракторной. Но за весь 1924 год выпустили всего семь «фордзонов». В 1925 году завод дал 66 машин. Обо всем этом Газа доложил Кирову.

Сергей Миронович, внимательно выслушав его, сказал:

— Мало. Пойдем в тракторную, посмотрим, что там делается.

Когда Киров и Газа вошли в цех, работа там шла, как говорится, ни шатко ни валко. Что-то не ладилось со сборкой трактора. Один из сборщиков стальной кувалдой загонял втулку в заднюю ось машины.

— Что вы делаете? — спросил Сергей Миронович, останавливаясь.

Сборщик стал сетовать на то, что втулка «от руки не лезет», потому что она недобросовестно обработана.

— В таком случае нужно заменить ее другой,— сказал Киров.

А Газа добавил:

— Когда дело не клеится, нужно позвать инженера.

— А что, инженер больше нас понимает, что ли? — возразил рабочий.

— Нет, брат,— ответил Киров.— На «ура» не возьмешь там, где требуется знание. И опытом технически грамотных людей пренебрегать не следует. Надо с их помощью овладевать техникой.

— И я то же говорю,— сказал подошедший к ним начальник цеха.— Не умеем мы делать сложные машины.

— Не умеем — научимся,— сказал Иван Иванович.

Киров, обратившись к начальнику цеха, спросил:

— Вы, кажется, еще что-то хотите добавить?

— Да,— сказал тот.— Придется нам идти на поклон к Форду.

— Значит, вы за то, чтобы покупать тракторы в Америке? — спросил Сергей Миронович.

— Думаю, обойдутся дешевле.

— А если буржуи откажут? — сказал Газа.— Как тогда быть?

Начальник цеха молчал.

— Государственное это дело — тракторы,— громко сказал Киров.— Основная база для перестройки нашей отсталой деревни. Будут у нас сельскохозяйственные машины — переведем мы деревню на рельсы коллективизации. Это — во-первых, и самое главное. И о втором помнить надо: осваивая тракторное производство, мы одновременно технически перевооружаем завод. А это тоже наша первоочередная большая задача.

Киров и Газа обошли мастерские, которые изготавливали детали для тракторов. Работа не ладилась. Не получалось хорошей отливки деталей. Трудно давалась поковка для коленчатых валов и шатунов. Шлифовка шла вручную.

Сергей Миронович нахмурился и повернул к заводоуправлению.

— Когда наладите производство тракторов? — спросил он Левина.

Директор не мог дать точного ответа. Он высказал сомнение в возможности изготовления тракторов на заводе и тоже стал убеждать Кирова в целесообразности покупки их за границей.

Перед отъездом Сергей Миронович сказал Газа:

— Эти люди не могут руководить заводом. А ты глубже вникай в технологию производства.

Иван Иванович поступил так, как советовал Киров. Стал чаще бывать в тракторной, наладил там партийную работу, изучил тракторное дело. В отделе снабжения он обнаружил много затаившихся оппозиционеров, которые саботировали обеспечение завода материалами. Когда эти люди были заменены, поставки значительно улучшились.

Вскоре на заводе оппозиционеров сняли со всех руководящих постов. Директором назначили Василия Грачева — старого члена партии, ранее работавшего председателем районного Совета Петроградского района, а до этого руководившего продотрядами на Украине и в Сибири. Иван Иванович встретил его сердечно, познакомил с людьми, рассказал о делах, которыми занят коллектив.

— Трудности вас ждут немалые,— сказал он.— Некоторые виды продукции — тракторы, паровозы, вагоны — остаются для нас убыточными. Производительность труда растет медленнее, чем зарплата. Много брака. Так что засучай рукава, директор.

Однако Грачев, не имевший технического образования, не мог решить многих задач, которые стояли перед ним. Чтобы помочь новой администрации, Иван Иванович организовал на заводе производственную комиссию; возглавил ее бывший заместитель командира

бронепоезда № 6 Петр Никитин — человек с твердым характером, энергичный.

— Ты должен привлекать массы к участию в производственных совещаниях, следить за внедрением предложений рабочих, добиваться экономии материалов и электроэнергии,— сказал ему Иван Иванович.— Главное — надо как следует наладить работу на местах.

— Я уже скомандовал, сегодня-завтра в каждом цехе будет своя производственная комиссия,— весело сказал Никитин.— Режим экономии будем проводить неуклонно!

Иван Иванович усмехнулся:

— Ты, Петр, старайся поменьше командовать. Завод — это не бронепоезд. Здесь все сложнее.

Он оказался прав. С первых дней деятельность производственной комиссии натолкнулась на упорное противодействие оппозиционеров. Они распустили клеветнические слухи о том, что экономия будет проводиться за счет рабочих, зарплата снизится, отпуска сократятся. Иван Иванович ходил по мастерским и разъяснял суть проводимых мероприятий. На партийных и профсоюзных собраниях обсудили вопросы, связанные с участием масс в хозяйствовании.

Шли дни, недели, месяцы. «Красный путиловец» уверенно набирал темпы, увеличивал выпуск продукции, улучшал ее качество.

3 апреля 1926 года исполнилось 125 лет со дня основания завода. Краснопутиловцы решили отметить этот юбилей в дни первомайского праздника. Началась деятельная подготовка к предстоящему торжеству. По предложению Газа создали специальную комиссию, которая занялась сбором материалов по истории предприятия.

На празднование съехалось много гостей. Иван Иванович встречал делегации заводов, Германской ком-

партии, Монгольской народно-революционной партии, представителей Коминтерна, Реввоенсовета СССР, Красной Армии и Флота.

В связи с юбилеем и в ознаменование выдающейся роли «Красного путиловца» в усилении индустриальной мощи Советского Союза завод наградили орденом Трудового Красного Знамени. На торжественном заседании, которое состоялось в тракторном цехе, выступили С. М. Киров, многочисленные гости, ветераны гражданской войны и герои труда. Закрывая заседание, Газа сказал:

— После победоносной Октябрьской революции путиловцы сбросили цепи, разрушили троны в щепы и стройными рядами пошли вперед к социализму. После того, когда все лишения оставлены позади, когда основные трудности нами пройдены, мы выражаем твердую уверенность, что как раньше, так и впредь будем в первых рядах, и врученный нам сегодня орден Трудового Красного Знамени будет гордо сиять над стальными путиловскими колоннами...

В середине июля С. М. Киров вновь приехал на завод. Он был чем-то недоволен. И действительно, справившись о положении дел, Сергей Миронович вынул из кармана гимнастерки письмо:

— Вот, ознакомься,— сказал он Ивану Ивановичу.

Письмо было от председателя ленинградского треста «Машинстрой». В нем сообщалось о неудовлетворительном сбыте краснопутиловских «фордзонов».

— Ну, что скажешь, секретарь? — спросил Киров, пристально глядя на Газа.

— Все правильно,— согласился Иван Иванович.— Наши тракторы хуже американских. Заказчик не верит в их надежность. Потому и не берет их.

— Почему не сообщили мне об этом? — спросил Сергей Миронович.

— Мы с Грачевым написали в «Машинтрест».

— Написали и успокоились! Не годится,— чуть повысил голос Киров.— О таких вещах надо докладывать ЦК партии. Учти это на будущее. Что намерен делать?

Газа ответил, что считает необходимым реконструировать тракторное производство. Надо закупить современное оборудование. Послать Грачева на учебу в Америку.

— Требуется подумать,— сказал Киров.— Пойдем, посмотрим, что там у вас.

Они направились в тракторный цех.

Действительно, все проходы мастерской были заставлены «фордзонами». Сергей Миронович подошел к крайней машине и попросил слесаря-испытателя завести трактор. Парень залез в кабину, нажал на стартер. Но мотор молчал. Нажал еще и еще — без толку. Вылез, крутанул ручку — и опять безрезультатно. Лишь минут через пять трактор, чихнув, загрохотал.

Киров, показывая на тракторы, сказал рабочим:

— Снаружи машины выглядят хорошо. А заводятся плохо. Нельзя терпеть такое небрежное отношение к подготовке двигателя. Вот потому-то и не хотят покупать ваши тракторы. Хотя они очень нужны деревне.

— Все машины довести, чтобы они заводились сразу,— сказал Иван Иванович начальнику цеха.

Этот случай краснопутиловцам запомнился надолго. Готовые тракторы еще раз тщательно проверили; все недостатки устранили.

Грачеву Киров сказал:

— Дело серьезное. Затоваривание недопустимо. Подготовьте-ка, товарищ Грачев, доклад на бюро губкома, там посоветуемся, разберемся. Но не тяните. Недельки через две сможете это сделать?

— Смогу,— ответил Грачев.

— Ну и отлично. А ты, Газа, помоги ему.

В назначенное время состоялось заседание бюро. Грачев докладывал, потом выступил Газа. Киров вни-

мательно выслушивал всех выступавших, время от времени задавал вопросы то одному, то другому. Иван Иванович очень обрадовался, когда С. М. Киров поручил тресту и Севзаппромбюро разработать срочные меры по выпуску трех тысяч тракторов отличного качества и по снижению их себестоимости.

7

Социалистическая реконструкция страны натолкнулась на сопротивление враждебных элементов. При поддержке извне в СССР стали создаваться подпольные контрреволюционные группы, возобновили атаки на партию лидеры оппозиции. Весной 1926 года внутрипартийная борьба усилилась. Переход зиновьевцев на идейные позиции троцкистов привел их к объединению в единый антипартийный блок. Троцкий, Зиновьев и Каменев пытались дезорганизовать работу Политбюро ЦК. В разных районах страны оппозиционеры устраивали конспиративные собрания, рассылали фракционные документы в разные города. 1 октября лидеры блока выступили против политики ЦК ВКП(б) на собрании ячейки московского завода «Авиаприбор». Однако коммунисты завода дали им решительный отпор.

Когда об этом стало известно в Ленинграде, Газа решил, что главари антипартийного блока приедут и в Ленинград. А если появятся в городе, то обязательно побывают на заводе, потому что раньше они имели здесь своих сторонников. Иван Иванович собрал партийный актив:

— Я уверен,— сказал он,— что наш коллектив сумеет разгромить раскольников.

Был разработан и утвержден специальный план мероприятий. На 7 октября наметили собрание заводской партийной организации. Немедленно началась тщательная подготовка в цехах. Многие коммунисты приходи-

ли к Газа за советом: как лучше подготовиться и выступить.

— Поменьше общих фраз,— говорил он.— Оппозицию надо добивать фактами. Вспомните, что было у нас за Нарвской заставой раньше. Захолустье, грязь, пустыри. А теперь строятся новые дома, зелень кругом, своя поликлиника, возводится Дом культуры у Нарвских ворот.

Готовились и оппозиционеры. Правда, их число уменьшилось, но они, видимо, надеялись в ходе собрания склонить на свою сторону большинство. По рабочим ящикам и верстакам тайком раскладывали троцкистские листовки и брошюры.

7 ноября утром Ивана Ивановича вызвали в райком партии. В его отсутствие в партбюро стали заходить парторги цеховых ячеек. Рассказывали Никите Капралову, который остался за Газа, о подозрительной возне оппозиционеров: бегают по цехам, собираются группами, шепчутся, многие берут увольнительные, выходят с завода и снова возвращаются. Через некоторое время разнесся слух о приезде в Ленинград Зиновьева. Капралов позвонил Газа и попросил его не задерживаться.

После работы со всех концов завода люди потянулись в старую арочную мастерскую на больничном дворе, в зал Нариманова. После того как деревянное здание путиловского театра было разрушено наводнением, здесь ставились спектакли, устраивались митинги. Просторное помещение в этот вечер быстро заполнилось большевиками.

Иван Иванович стоял за столом президиума. Он был спокоен. Своевременно предупрежденные активисты хорошо поработали, поговорили со всеми большевиками, обеспечили стопроцентную явку. В первом ряду сидели Петр Никитин, Франц Гяч, Даниил Афанасьев, во втором — Николай Остахов, Александр Саженков,

Алексей Майлов и другие надежные товарищи. У дверей стоял рослый печной мастер Иван Дуда. Ему с товарищами поручили охранять вход.

В зале было шумно. Оппозиционеры кричали, мешая вести собрание.

— Когда кончится эта оппозиция? — громко сказал один из литейщиков.— Мы их вышвырнем за дверь! Всех до одного!

— Товарищи, вы слышали, нам грозят насилием! — закричал зиновьевец.

На собрание приехал Киров, который состоял на партийном учете на заводе. Он часто бывал здесь, выступал в мастерских. Рабочие звали его ласково: «Наш Мироныч». Все ждали, что он скажет. Однако Сергей Миронович не спешил выступать. Он сидел, положив блокнот на колено, и внимательно слушал.

Газа сообщил о недавних раскольнических выступлениях лидеров «новой оппозиции» на московском заводе, о тайных сборищах троцкистов и зиновьевцев в Ленинграде, о троцкистских листовках и брошюрах, разбрасываемых в цехах. Потом стали выступать рабочие-коммунисты. Оппозиционеры подняли крик, мешая говорить. Иван Дуда и его помощники выставили наиболее шумливых за дверь.

Появился Зиновьев, сопровождаемый Евдокимовым и Саркисом. Гул в зале усилился. Раздались крики оппозиционеров:

— Дать слово Зиновьеву!

Газа, обращаясь к собранию, спокойно сказал:

— Зиновьев не просит слова. Если попросит — дадим.

Зиновьев, не поднимаясь, надменно заявил:

— Я считаю, что и так дадите.

— Нет,— сказал Газа,— если не запишитесь, то не дадим.

Зиновьеву пришлось записаться. В списке выступающих он значился восемнадцатым. Выступавшим полагалось говорить не более десяти минут. Но когда подошла очередь, Зиновьев заявил, что ему требуется час.

Иван Иванович поставил вопрос на голосование. Под злобные крики и свист оппозиционеров собрание высказалось против. Когда Зиновьев вышел на сцену, раздались гневные возгласы:

— Не хотим слушать! Долой Зиновьева!

Он все-таки начал речь. Говорил о том, что в стране растет частный капитал, сокрушался о низкой зарплате рабочих, об их необеспеченности. Чувствовалось, что он хочет настроить собрание против ЦК. Однако по мере того как он говорил, в зале нарастал ропот. Затем отовсюду закричали:

— Хватит! Долой! Кирову слово! Пусть Киров выступит!

Зиновьев попросил продлить время.

— Как, товарищи? — спросил Газа собрание.

После ожесточенных споров Зиновьеву дали еще пятнадцать минут, но он и этим не ограничился, продолжал говорить. Тогда Газа прервал речь Зиновьева:

— Что же вы не подчиняетесь собранию?

Зал мощным гулом поддержал председателя. Зиновьев вынужден был покинуть сцену.

На трибуне появился Киров. Оппозиционеры топали, свистели, кричали. Газа дал знак Ивану Дуде. Наиболее рьяных бузотеров вывели из зала.

Сергей Миронович спокойно ждал, пока установится тишина. Затем обратился к Зиновьеву:

— Насколько я помню, вы приехали в Ленинград, чтобы навестить больного отца.

Киров разделал Зиновьева, как говорится, под орех. Напомнил и о том, что Зиновьев не первый раз нарушает партийную дисциплину.

Сергей Миронович образно сравнил Советскую страну с кораблем, отчалившим от берега капитализма, но еще не приставшим к берегу социализма, и призвал краснопутиловцев держать курс к этому берегу, руководствуясь ленинским компасом, вести беспощадную борьбу с людьми, которые пытаются посадить корабль на мель.

Почти четверть часа заводские большевики бурно приветствовали выступление Кирова.

— Вон двурушников! — гневно кричало собрание.— Они нас обманывают. Довольно с ними нянчиться.

Зиновьев, Евдокимов, Саркис и другие оппозиционеры, ничего не добившись, покинули собрание.

Иван Иванович зачитал проект резолюции, в которой коммунисты «Красного путиловца» призвали всех рабочих Республики Советов принять активное участие в идейном разгроме антипартийной группировки. За нее проголосовали 1489 человек, и только 21 — против.

Газа был рад. К нему подошел Киров и, улыбаясь, сказал:

— Молодец. Хорошо вел собрание. Можно сказать, экзамен на зрелость выдержал.

25 октября Газа вместе с Кировым и другими делегатами поехал в Москву на XV конференцию ВКП(б). Там он рассказал о вылазке оппозиции на заводе, заявив:

— Мы в течение этих десяти месяцев сделали все для того, чтобы партийная организация нашего завода осталась на ленинских рельсах. И я полагаю, что никакой подпольной работой и никакими гастролерскими наездами оппозиционерам не удастся ее больше сбить с этого пути.

Во время перерыва между заседаниями конференции Ивана Ивановича пригласили к Серго Орджоникидзе.

Орджоникидзе встал из-за стола, заваленного бумагами и книгами, и, тепло поздоровавшись с Иваном Ивановичем, пригласил его сесть. Рядом с Орджоникидзе Газа увидел улыбающегося Кирова.

Серго справился о самочувствии Ивана Ивановича, спросил, понравилось ли ему в Москве, потом стал расспрашивать о заводе. Он выразил уверенность, что «Красный путиловец» выполнит важное правительственное задание по выпуску тракторов. Но производство этих машин предстояло увеличить в десять — двенадцать раз. Гигантский скачок! Ему хотелось знать, как к этому отнесется Газа.

— Надо добиться, чтобы ваш завод выпускал пять тысяч «фордзонов» в год и снизил их себестоимость на 30 процентов,— сказал Серго.

— Чтобы перейти к массовому производству тракторов, следует реконструировать завод,— ответил Газа.— Перестройка потребует много денег и времени.

— Понимаете, Иван Иванович,— разъяснил Киров.— Машины очень нужны деревне. Помните, что говорил Ленин о тракторах?

— Помню,— ответил Газа.

— Вот и хорошо,— сказал Орджоникидзе.— Денег дадим. Время — два-три года, не больше. Срочно готовьте проекты. Мобилизуйте все силы коллектива на выполнение этого задания.

Приехав из Москвы, Иван Иванович сразу прошел в тракторный цех. Новый начальник цеха доложил, что выпуск машин идет по плану.

— К концу года дадим больше четырехсот. План будет перевыполнен.

— Мало! — сказал Иван Иванович.— В ближайшие два-три года надо увеличить выпуск тракторов до пяти тысяч. Сумеете?

Начальник цеха удивленно спросил:

— Вы, вероятно, пошутили, Иван Иванович?

— Нет, подумайте, как это сделать.

Газа пошел в заводоуправление. Когда он рассказал там о беседе с Орджоникидзе, Грачев заволновался.

— Пять тысяч! Вряд ли мы осилим такую махину.

— Надо осилить,— сказал Газа.— Тракторы нужны деревне, как воздух. Вызывайте инженеров. Давайте вместе подумаем, что можно и нужно сделать.

После совещаний и заседаний руководство завода приняло решение построить две специальные мастерские — чугунолитейную и кузнечную, переоборудовать термическую, произвести ряд других реконструкций. Правительство отпустило 63 миллиона рублей. И весной 1927 года начались строительные работы.

Пять тысяч тракторов — этого следовало добиться через два-три года. А в 1927 году завод на старом оборудовании должен был дать тысячу «фордзонов», много паровозов, вагонов, драг и другой продукции. Чтобы поднять коллектив на борьбу за выполнение и перевыполнение плана, Газа и члены партийного комитета провели в мастерских собрания, организовали социалистическое соревнование между цехами, участками и отдельными рабочими. Производственные комиссии усилили борьбу с производственными потерями. Заводоуправление ускорило строительство жилых домов для рабочих, столовых, школ, детских яслей. Начала выходить многотиражная газета «Красный путиловец». По предложению Газа художнику И. И. Бродскому заказали картину о выступлении В. И. Ленина на заводе 12 мая 1917 года. Картина была закончена через два года и подарена «Красному путиловцу». Ее повесили в фойе Дворца культуры имени Горького.

На завод часто приезжал Киров. Он вникал во все детали производственного процесса, знал многих людей.

— В мастерских решается судьба плана,— говорил он.— Значит, цеховые ячейки должны глубже вникать

в производственную жизнь, находиться в гуще рабочей массы.

Иван Иванович сам видел, как коммунисты тянутся к живой практической деятельности, как устали они от всякого рода дискуссий, навязанных оппозиционерами. И он делал все возможное, чтобы направить энергию масс в нужное русло. В цехах (в бригадах, сменах, на участках) создали новые подразделения партийных ячеек — звенья. Звенорги добивались выполнения каждым членом и кандидатом партии Устава ВКП(б), давали им поручения, выясняли и учитывали запросы беспартийных, привлекали их к общественной работе, а наиболее сознательных готовили к вступлению в партию.

После беседы с Орджоникидзе Иван Иванович решил взяться еще за одно важное дело. Он пришел к Никитину и дал ему газету с текстом резолюций XV партийной конференции:

— Читай, Петр. Это как раз по твоей части.

Никитин вслух прочел абзац, обведенный красным карандашом:

— «В интересах углубления работы производственных совещаний, их приближения к делу управления предприятиями,— а тем самым приближения к делу управления рабочих масс... признать полезным в виде опыта применить на отдельных предприятиях создание временных контрольных комиссий из рабочих данного предприятия, формируемых ФЗК и производственными совещаниями. Задачей подобных комиссий должно явиться детальное ознакомление со всей деятельностью заводоуправления за определенный срок его работы, его планами, финансами, методами управления, структурой аппарата...»

— Ну, как ты на это смотришь? — спросил Иван Иванович, когда Никитин кончил читать.

— В решении сказано «в виде опыта» и «на от-

дельных предприятиях»,— хитровато улыбнулся Никитин.

— Правильно,— сказал Иван Иванович.— Значит, считай, что в первую очередь на нашем заводе.

— Дело, конечно, неплохое,— согласился Никитин.

Газа и Никитин долго сидели, обдумывая, как лучше приступить к делу. Решили сначала наметить кандидатуры членов комиссии. Затем обсудили их со звеноргами и членами партии.

В комиссию вошли рабочие с большим производственным стажем, хорошо знавшие завод. Председателем стал Василий Костин. Этого невысокого, с проседью на висках, человека Газа знал давно. Квалифицированный, политически развитый рабочий был прекрасным оратором, часто выступал на собраниях.

Некоторые хозяйственники отнеслись к созданию такой комиссии с холодком. Технический директор Саблин высказал опасение, что она будет мешать работе администрации.

Газа объяснил:

— При помощи временной контрольной комиссии рабочие будут глубже вникать в производство. ВКК не берет на себя функции управления заводом, но она должна вносить в это дело коррективы, помогать проведению в жизнь предложений, которые выдвигаются на производственных совещаниях. Комиссия поможет заводоуправлению и техническому персоналу изжить имеющиеся недостатки.

Членов комиссии на два с половиной месяца освободили от основной работы, чтобы подготовиться к делу. По совету Газа комиссия начала свою деятельность с обследования тракторного производства и сразу обнаружила отсутствие единого плана. Заказы в заготовительные цехи поступали из производственного отдела неритмично и зачастую не были достаточно продуманы. Предписывалось, например, в одни и те же сро-

ки модельной — изготовить модели и чугунолитейной — изготовить отливки.

— Тут даже неспециалисту ясно, что раньше надо сделать модель,— сказал Костин.

Газа посоветовал ему обратить внимание на снижение себестоимости трактора. Каждый «фордзон» обходился заводу почти в четыре тысячи рублей, а его продажная цена составляла всего две тысячи сто рублей. Тысяча тракторов, за выпуск которых боролся коллектив в текущем году, могла дать заводу огромные убытки. Причинами нерентабельности производства тракторов были старое оборудование, нечеткое планирование. Тем не менее даже при существующих условиях, по мнению Газа, можно было снизить себестоимость тракторов, если по-хозяйски подойти к делу.

Члены комиссии стали искать резервы, вскрывать недостатки в организации труда. Пантелеймон Старушенко, например, обследуя кузницу, обратил внимание на то, что многие детали трактора отковывались с излишними припусками и потому требовали доводки в механической мастерской. Он предложил перевести на штамповку большинство деталей.

Другие члены комиссии установили, что в чугунолитейной себестоимость отливок непомерно велика. Большая часть отливок изготовлялась по деревянным моделям, поэтому получались лишние припуски. Пуд тракторного литья стоил больше восьми рублей. Если снизить себестоимость литья хотя бы на рубль, можно удешевить каждый трактор на пятьдесят рублей.

— Есть над чем задуматься,— сказал Иван Иванович.

Мастер цеха инженер Михаил Фролов предложил изготовить металлические модели. Поставили вопрос о покупке формовочных станков. Мастер Иван Казакевич посоветовал поставить в чугунолитейную пресс

для испытания блоков на твердость, которое до сих пор проводилось в механической мастерской.

Потом члены комиссии занялись делами термической мастерской. И здесь работа шла по старинке. Техническое наблюдение за обжигом и закалкой велось недостаточно четко, поэтому часто происходило коробление деталей. Печи, построенные еще во времена Путилова, для закалки тракторных деталей не годились. Комиссия предложила администрации построить новую муфельную печь.

Комиссия внесла много предложений по улучшению работы тракторной мастерской: указала на высокие накладные расходы, связанные с большим числом вспомогательных рабочих, на излишества в оплате труда технического персонала (некоторые специалисты, например, кроме оклада получали вознаграждения в виде квартирных, дровяных и так далее).

Всего комиссия внесла 118 предложений. Экономисты подсчитали, что их осуществление снизит себестоимость трактора на 25 процентов.

— Вот где скрываются резервы,— обрадовался Газа.

Решили провести 5 июня 1927 года общезаводскую производственную конференцию. На нее Газа пригласил Грачева, Саблина, председателя профкома. Председатель ВКК Костин обстоятельно доложил о деятельности комиссии и ее предложениях. Директор пообещал немедленно принять меры для их осуществления. Но некоторые работники отделов заводоуправления формально отнеслись к предложениям комиссии. Никитин, который шефствовал над комиссией, пришел в партийный комитет с жалобой.

— Что делать, Иван Иванович?

— Требуй,— строго сказал Газа.— Список тех, кто ограничивается отписками, дай мне. Я поговорю с Грачевым.

Под нажимом Газа большинство предложений ВКК было осуществлено. Вскоре и директор завода Грачев понял полезность деятельности контрольной комиссии и стал ей помогать. Себестоимость трактора значительно снизилась.

Но комиссия была временным органом. А дело требовало постоянной инициативы. Борьба за новое, передовое не должна утихать ни на один день. Иван Иванович вызвал Никитина:

— Как у нас дело с рационализаторами?

— Неважно.

— Будем принимать меры.

Во всех мастерских провели партийные собрания, посвященные участию коммунистов в рационализации. Партком потребовал от администрации усилить внимание к предложениям рабочих, незамедлительно внедрять их в производство.

И дело сдвинулось. А Газа продолжал внушать Грачеву:

— Чем быстрее мы усовершенствуем производство, тем быстрее выполним план.

Тысячный трактор выпустили 6 ноября 1927 года. Иван Иванович сообщил об этом Кирову.

— Молодцы,— обрадовался Сергей Миронович.— Поздравляю всех вас с великим праздником.— Ну, а как с приемом в партию?..

В канун десятилетия Октябрьской революции ЦК ВКП(б) объявил о массовом приеме рабочих в партию. Газа доложил об этом на заседании парткома. И сразу стали поступать заявления от передовиков производства.

Вскоре Газа единогласно избрали делегатом на XV съезд партии. Его речь на съезде прозвучала как итог глубоких раздумий:

— Мы начали серьезную и большую работу в смысле подготовки низового партийного актива и имеем

соответствующие результаты... Мы именно за эти два года достигли в вопросах внутрипартийной демократии таких результатов, которых два года назад не могли и предполагать.

Мы можем заявить, что именно теперь больше, чем когда-либо, спайка между рабочим классом и нашей партией закреплена.

Я на заводе третий раз присутствую при заключении коллективного договора... Последнее обсуждение его говорит о том, что рабочий сознательно подходит к вопросам и заработной платы и самой производительности труда...

Киров видел, что Газа вырос в крупного партийного работника. В конце сентября 1928 года, оставшись с глазу на глаз с Иваном Ивановичем, он спросил:

— Ну, как работается, секретарь?

— Сами видите,— скромно ответил Газа.

— Вижу, что засиделся ты на заводе, друг мой. Будем выдвигать на руководящую партийную работу.

3

Иван Газа, избранный в конце 1928 года секретарем Московско-Нарвского районного комитета партии, решил сначала побывать на крупных предприятиях: «Красном треугольнике», «Электросиле», вагоностроительном заводе, заводе подъемно-транспортного оборудования, затем — на Северной судостроительной верфи и в Торговом порту. Сопровождать его вызвался председатель райсовета, но он почему-то задержался.

Зазвонил телефон. Иван Иванович, взяв трубку, услышал знакомый голос Кирова. Сергей Миронович сообщил, что собирается на «Электросилу» и, если Газа желает, будет рад поехать с ним вместе.

«Наверно, хочет познакомить меня с руководством завода»,— подумал Иван Иванович и ответил, что с ра-

достью поедет вместе с Кировым. Договорились о встрече. И через полчаса уже ехали по Международному проспекту в сторону завода. У ворот «Электросилы» вышли из машины и направились в партийный комитет, который недавно был создан здесь вместо бюро. Киров, подавая руку секретарю, сказал:

— Вот, товарищ Карпухин, знакомьтесь. Иван Газа.

— А мы давно знакомы,— сказал Карпухин, радостно обнимая Ивана Ивановича.

Киров взглянул на часы и попросил Карпухина доложить о положении дел на «Электросиле».

«Всегда с этого начинает,— подумал Газа.— Приезжает внезапно, запросто заходит в партбюро или партийный комитет, получает самые свежие данные, а потом идет в мастерские. Самый верный и быстрый способ вникнуть в суть дела!»

Иван Иванович знал, что «Электросила», как и «Красный путиловец», решала ту же задачу — помогала освободить страну от экономической зависимости от иностранных фирм. Советский Союз гигантскими темпами развивал тяжелую промышленность.

Карпухин докладывал о строительстве турбокорпуса. Постройкой этого генераторного цеха С. М. Киров интересовался постоянно. Турбокорпус должен был стать не только крупнейшим в Европе, но и оснащенным самым современным оборудованием. Заметив расхождение между сводкой и графиком строительства, Киров потребовал объяснений. Карпухин сослался на нехватку арматуры и кирпича. Сергей Миронович сейчас же позвонил на заводы, которые выпускали эти материалы, и потребовал немедленно выполнить заказы «Электросилы».

— Что еще тормозит строительство? — спросил Газа, когда Киров положил трубку.

Карпухин некоторое время молчал.

— Говорите прямо, в чем дело,— сказал Киров.

— Нам не хватает знаний, опыта, умения,— подумав, ответил Карпухин.— На заводе создается научно-техническое ядро. В США выехала группа специалистов, чтобы ознакомиться с крупными электромашиностроительными отраслями производства. Для рабочих организуем рабфаки, профшколу, техникум.

«Обстановка на „Электросиле" примерно такая же, как и на „Красном путиловце",— заключил Иван Иванович.— Трудности роста. И меры принимаются те же».

Карпухин повел Кирова и Газа на стройку. Поблизости от старого цеха строился огромный корпус нового цеха со 135-метровым пролетом. Несколько десятков рабочих в телогрейках и ватных штанах возводили стены; вспыхивали огни электросварки. Работал подъемный кран, подавая на леса цементный раствор.

Киров и Газа подошли к строящемуся зданию. Руководитель строительства старый большевик Сиско объяснил:

— Сроки жесткие, а порядка мало,— говорил он.— Часто возникают перебои.

— А как обстоит дело с оборудованием? — спросил Газа.

— Станки закуплены, но еще не прибыли,— ответил Сиско.

— Где они сейчас? — спросил Киров.

— Видимо, отгружаются.

— Видимо! — возмутился Сергей Миронович.— Надо точно знать. Сегодня же сделайте запрос. И лично проследите за доставкой.

— Слушаюсь, Сергей Миронович.

— Ну, а теперь покажите нам разгоночную яму.

Иван Иванович слышал о ней впервые и полагал, что это какое-то незначительное сооружение. Карпухин, заметив на его лице недоумение, тихо пояснил:

— Чтобы выпустить турбину, необходимо тщательно испытать ее на заводе. Для этого мы и делаем разгоночную яму.

Яма, к которой они подошли, была очень большая. Заводские инженеры и рабочие, приступив к ее постройке, сразу же встретились с различными затруднениями. Главное из них — отсутствие опыта.

Киров заинтересовался составом научных работников, привлеченных к сооружению ямы. Оказалось, что консультантами являются только заводские инженеры.

— Попробуйте привлечь двух-трех видных специалистов,— посоветовал Сергей Миронович начальнику строительства.— Думаю, дело пойдет лучше.

Карпухин пригласил Кирова и Газа осмотреть электромашины, которые начал выпускать завод. Когда вошли в старый корпус, там как раз опробовались две из них. Испытания прошли хорошо. Начальник цеха, видимо очень довольный результатами, сказал:

— Прекрасно отделаны. Не хуже иностранных.

Киров попросил мастера поднять крышку машины и заглянул внутрь нее. Затем снял пальто, засучил рукава гимнастерки и стал шарить рукой в машине. Когда он вытащил руку, она была грязная. Подошел ко второй машине и проделал то же самое — результат оказался таким же. Укоризненно покачав головой, Сергей Миронович сказал:

— Снаружи машины отделаны тщательно. А что внутри? Посмотрите на мои руки. Нельзя терпеть небрежного отношения к внутренней отделке.

Когда ехали обратно, Киров, сидевший рядом с водителем, повернулся к Газа:

— Ну как?

— Я все понял, Сергей Миронович,— сказал Газа, намереваясь выйти из машины.

— Сиди, сиди,— сказал Киров, улыбаясь.— Мы подвезем тебя до Нарвских ворот. И вот тебе подарок.

Он подал книги, перевязанные бечевкой. Газа, взглянув на корешки, прочитал: «Электромашины», «Производство каучука», «Подъемно-транспортное оборудование». И еще книги о производстве серной кислоты, о работе торгового порта, по кораблестроению. Иван Иванович понял: прежде чем ехать на предприятие, надо сначала как следует подготовиться, хорошо изучить дело, которым предстоит заниматься.

— Спасибо, Сергей Миронович,— сказал он.

9

Газа нравилось работать под руководством Кирова. Сергей Миронович был требователен: не оставлял без внимания ошибки или упущения молодого секретаря райкома, но когда указывал на них или журил за что-нибудь, это не вызывало у Газа ни малейшей обиды, а, напротив, ободряло, прибавляло силы.

Иван Газа быстро освоился с огромным районом, знал особенности и нужды предприятий. Всю энергию направлял на укрепление партийных организаций. Так же, как и Киров, он стал приезжать на заводы или стройки незаметно, без шума, порою неожиданно, чтобы не отрывать людей от работы и увидеть предприятие в его естественном состоянии. Заранее подготовившись, начинал беседу с руководителями с деловых вопросов, глубоко вникая в суть дела.

Беря пример с Кирова, он организовал строгую систему своевременных докладов с мест, которая дисциплинировала, улучшала работу руководителей. Однажды парторг Торгового порта Попов, проверявший по заданию райкома работу по проводке иностранных судов, затертых льдами, не позвонил в срок. Газа посмотрел на часы: пора бы. Но телефон молчал. И вдруг в дверь постучали; вошел запыхавшийся Попов:

— Извините, бежал, как спринтер.

— Только так, Николай Васильевич. Нам медлить нельзя,— сказал Газа.— Садитесь, докладывайте.

Как и Киров, Газа был строг. Если кто-нибудь не выполнил своего обещания или обманул — пощады не жди. Обещал — выполни во что бы то ни стало. О выполнении обязательно доложи. Не доложишь — проверит и взыщет.

За очковтирательство, личную корысть Газа требовал наказывать или снимать с руководящих постов и даже исключать из партии. Не терпел чванства. Едко высмеивал чинуш, приросших к мягкому креслу. Раз он приехал на одну из фабрик. Директор водил, водил его по цехам, а обратно никак дорогу найти не мог. Хотел справиться у работницы. Иван Иванович взял его под руку и повел, приговаривая:

— Как вам не стыдно! Какой позор!

Газа не любил учинять разносы, не позволял этого и другим. Как только узнавал, что кто-нибудь срывается на крик, вызывал к себе и говорил:

— Требуйте, но не запугивайте, не оскорбляйте людей. Запуганный человек — плохой работник. А нам надо дело делать.

Высокая требовательность сочеталась у Газа с чуткостью к людям. Хозяйственники часто обращались к нему за помощью, и он звонил в разные инстанции, даже С. М. Кирову. Запросто беседовал с рабочими, защищал их законные права.

За короткое время Газа стал известен как умелый партийный работник и отзывчивый человек всему рабочему населению не только Нарвской заставы, где он вырос, но и Московской. «Иван Иванович — наш!» — любовно отзывались о нем рабочие завода подъемно-транспортного оборудования. «Душевный человек, простой»,— говорили о Газа работницы «Красного треугольника».

Во многих механических мастерских заводов не хва-

тало рабочих. Иван Иванович обратился к женщинам: «Помогите!» Через некоторое время у слесарных верстаков, токарных и шлифовальных станков появились работницы в красных платочках. Газа радовался их успехам, организовал на предприятиях строительство детских садов и яслей, привлекал женщин к общественной работе, выдвигал их на руководящие посты.

«Мы никогда не забудем,— писали о нем работницы Нарвской заставы в «Ленинградскую правду»,— с какой любовью и вниманием выпестовал товарищ Газа наши женские делегатские собрания, с какой настойчивостью и большевистской смелостью он выдвигал нас, работниц от станка, из коллектива на руководящую работу». Письмо переслали в Смольный. Киров зачитал его на одном из совещаний секретарей райкомов, сказав при этом:

— Хорошая инициатива. Женщины работают не хуже мужчин.

Накануне двенадцатой годовщины Великого Октября ряд заводов и фабрик Московско-Нарвского района выполнил план первого года пятилетки. Трудящиеся «Красного треугольника» выступили с призывом «Даешь пятилетку в четыре года!». Иван Иванович распространил этот почин на другие предприятия. Поднялась новая волна социалистического соревнования.

Киров был доволен секретарем райкома. В воскресенье он неожиданно приехал к Газа домой. Иван Иванович очень обрадовался. Одно его смущало: нечем было угостить Мироныча.

Газа ввел Кирова в комнату. Клавдия Ивановна, одетая по-домашнему, смущенно улыбавшаяся, вышла из кухни вместе с пятилетней дочерью. Сергей Миронович сказал, что давно хотел навестить семью лучшего секретаря райкома и очень рад видеть его жену и детей. Клавдия Ивановна подала ему руку и предложила сесть. Киров приветливо улыбнулся. Девочка с алым

бантом в волнистых волосах, стоя подле матери, не спускала глаз с Сергея Мироновича.

Иван Иванович, оставив Кирова с женой и дочерью, прошел в другую комнату и скоро вернулся с двумя сыновьями: высоким, не по годам серьезным, четырнадцатилетним Борисом и худеньким восьмилетним Костей.

— Ого, какие у тебя молодцы растут! — воскликнул Сергей Миронович. И, гладя по темным волосам Костю, спросил:

— Ну а в школу ты ходишь?

— Я скоро пойду в первый класс,— смущенно ответил мальчик.

Киров посмотрел на Бориса:

— Как учишься?

— Отлично,— ответил Борис.

— Ну а кем хочешь стать?

— Командиром Красной Армии,— отчеканил Борис.— Я могу идти?

— Не торопись,— сказал Киров.— А в футбол играешь?

— Да, вот и тороплюсь на тренировку.

Сыновья ушли. Клавдия Ивановна с дочерью направились на кухню. А Иван Иванович подвел Кирова к своей библиотеке. Кроме шкафа, книги занимали теперь ряд полок во всю стену.

— Ого! — удивился Мироныч.— Новинки художественной, политической и технической литературы! А читать успеваешь?

— Прочитано все, что здесь стоит,— тихо покашляв, сказал Иван Иванович.

— Молодец! А то ведь некоторые товарищи до того заработаются, что книг не читают, в кино и театр не ходят. Выполним, говорят, пятилетку, тогда уж... А пятилеток-то будет много.

Клавдия Ивановна принесла поднос с чашками чая,

вазы с сахаром и вареньем, тарелку с печеньем. Позвала мужчин к столу.

Киров, выпив чаю, пригласил хозяев в Мариинский театр на оперу «Князь Игорь» и вручил им билеты. В театре он познакомил семью Газа со своей женой.

Случалось, Сергей Миронович делал Газа строгие внушения. Одно из них Иван Иванович получил в начале сентября 1929 года. В воскресенье Газа, как всегда, отдыхал с семьей. Смотрели кино, потом с малышами поехали в зоологический сад. А когда вернулись домой, Иван Иванович прилег на диван и взял газеты. Развернул «Правду». Тревожные известия! О недостатках хлебозаготовок... На КВЖД пахнет порохом: Блюхер уже вступил в командование Особой дальневосточной армией... На третьей странице в разделе «Партийное строительство» «Правда» поместила материалы об ослаблении самокритики в Ленинграде, о зажиме критики в Севзапторге и в отделе коммунального хозяйства Леноблисполкома. Газа встал, сел за письменный стол. Он понимал цель критических выступлений «Правды» — нужно поднять организаторскую работу в массах на уровень стоявших задач.

Статьи в «Правде», написанные сдержанно, предостерегали от огульного обвинения областного комитета партии и всей Ленинградской организации. Иван Иванович просмотрел «Ленинградскую правду», «Красную газету» и «Смену». Во всех газетах были опубликованы материалы о зажиме критики и бюрократизме в некоторых учреждениях города.

Весь остаток дня и вечер Газа напряженно думал. Работа партийного руководителя сложна, не терпит шаблона. Особенно, когда надо решать в короткие сроки большие задачи: все видеть, вовремя подмечать ошибки в работе общественных и государственных организаций, распространять передовой опыт. Иван Ива-

нович знал, что залог успеха всякого дела — люди, кадры. В последние годы обком и горком подбирали их тщательно, воспитывали, выдвигали. Но вероятно, на некоторые посты удалось проникнуть зиновьевцам и троцкистам.

Утром Газа позвонил в горком и обком. Киров находился в отпуске. Оставшиеся за него секретари заседали, обсуждая создавшееся положение. А из парткомов заводов и фабрик непрерывно звонили, спрашивая, что делать. Иван Иванович дал указание обсудить критические статьи газет на партийных активах, а вечером собрал пленум райкома партии.

Коммунисты с возмущением говорили о зажимщиках критики. Пленум принял решение сменить руководство облисполкома.

А 3 сентября вернулся из отпуска встревоженный Киров. По его указанию бюро обкома создало комиссии по проверке фактов, о которых писали газеты. Некоторые из них подтвердились. В крупнейшем городском учреждении — в отделе коммунального хозяйства процветали семейственность и круговая порука. Штаты были раздуты. Среди сотрудников работало много чуждых элементов. Когда секретарь партбюро восстал против подбора кадров по семейным и приятельским отношениям, его сняли с работы. Результаты проверки заслушали и обсудили на пленуме обкома. Выступавшие резко осудили бюрократизм, кумовство и семейственность в служебных делах. Газа огласил решение пленума Московско-Нарвского райкома партии о смене руководства облисполкома.

Во время перерыва к Ивану Газа подошел Киров.

— А не кажется ли тебе, что вы приняли поспешное решение? — спросил он.— Ведь Комаров и Кондратьев — преданные партии коммунисты.

— Но они допустили грубые ошибки,— ответил Иван Иванович.— Под их крылышком пригрелись чуждые люди.

— Вот чуждых и надо выгнать. А честным коммунистам надо помочь исправить ошибки,— убежденно сказал Киров.

— Они проявили политическую слепоту, плохо работали с кадрами,— стоял на своем Газа.

— А вы, не дожидаясь результатов проверки, приняли решение. В таких делах надо сначала тщательно разобраться. Иначе можно наломать дров.

10

Иван Газа продолжал настойчиво, твердо и принципиально работать. Не забывал и свой родной завод. «Красный путиловец» из месяца в месяц увеличивал выпуск тракторов. В январе 1929 года он дал 125 машин, в феврале — 190, в марте — 250, в апреле — 300. За год завод выпустил свыше пяти тысяч «фордзонов». Была значительно снижена их себестоимость.

На второй год пятилетки планом был предусмотрен выпуск десяти тысяч машин. Рабочие с энтузиазмом отнеслись к этому заданию. Но руководство завода, возглавляемое вернувшимся из Америки Грачевым, проявило некоторый холодок. Иван Иванович, узнав об этом, сразу приехал на завод. Секретарь парткома Иван Алексеев доложил о создавшейся ситуации. Говорил он взволнованно, немного нервничая.

— Понимаете, обидно. Рабочие хотят трудиться, рвутся вперед, а начальство тянет назад.

— Пошли к директору,— сказал Газа.

Грачев стал оправдываться:

— У нас устаревшее оборудование,— сказал он секретарям партийных организаций.— В литейной и кузнечной мастерских недостаточно высокая произво-

дительность труда. Не хватает квалифицированных рабочих.

— Значит, вы считаете, что правительственное задание невыполнимо? — в упор спросил Газа.

— Нельзя так ставить вопрос, Иван Иванович,— смутился Грачев.— Мы можем его выполнить, если в 1930 году завершим коренную реконструкцию завода.

— А если с реконструкцией не успеете? — спросил Иван Иванович.

— Есть другой выход,— сказал Грачев, чуточку помедлив.— Можно значительную часть важнейших узлов и деталей купить у Форда, а у нас производить сборку тракторов.

С этим предложением Газа согласиться не мог. Превращение некоторых мастерских завода в цехи для сборки тракторов из фордовских деталей шло вразрез с планами Советского государства, стремившегося покончить с экономической зависимостью от иностранных фирм.

Иван Иванович обратился за советом к Кирову. Сергей Миронович, подумав, сказал:

— Давай послушаем рабочих.

Совещание проходило в переполненном зале тракторного цеха. Приехали Куйбышев и Киров. Газа сидел в президиуме рядом с Сергеем Мироновичем.

Некоторые хозяйственники, в том числе и начальник тракторного отдела, старались доказать невозможность выполнения задания по выпуску десяти тысяч тракторов. Но рабочие выдвинули встречный план: изготовить в наступающем году не десять, а двенадцать тысяч тракторов.

Однако некоторым этот план показался нереальным. Все помнили, с каким напряжением пришлось работать в прошлом году, выполняя значительно меньшую программу.

На трибуну поднялся технический директор Саблин.

Ивану Ивановичу хотелось услышать от этого опытного специалиста что-нибудь дельное. Однако Саблин, тяжело вздыхая, сказал:

— Брать обязательство сделать двенадцать тысяч машин неразумно. Мы при всем желании не сможем с ним справиться.

Грачев молчал, выглядел растерянным, усталым и, видимо, колебался, не хотел выступать. Когда же ему предоставили слово, он тоже сказал, что изготовить двенадцать тысяч тракторов будет трудно. Собравшиеся зашумели, со всех сторон послышались крики:

— Хоть и трудно, а надо сделать!

На трибуну поднялся пожилой токарь Михаил Филатов, которого Газа хорошо знал. Он поднял руку:

— Товарищи! Я работаю на заводе тридцать лет с гаком. Я точил детали и для первых тракторов, было ой как трудно! Ведь плакался ты, Саблин, и тогда, говорил: трудно. Ясно, трудно, а ведь сделали ж! Вот ты говоришь: «Легко, мол, вам лозунги кидать». А скажи, кто их будет выполнять, если не мы?!

Он замолчал, хотел что-то добавить, но только укоризненно покачал головой и сошел с трибуны.

— Правильно, товарищ Филатов,— сказал Куйбышев, сидевший в президиуме рядом с Кировым.— Даешь двенадцать тысяч тракторов!

— Даешь!!! — гулко прокатилось под сводами помещения. Люди встали и дружно зааплодировали.

Выступавшие рабочие вскрывали недостатки в деятельности администрации, говорили о бесплановости и волоките. Газа согласился с их критикой, но сказал:

— Тем не менее двенадцать тысяч — наша боевая программа.

Сергей Миронович тоже поддержал встречный план:

— Не знаю, как технически, а по-коммунистически вы можете и должны дать двенадцать тысяч тракторов.

Он предложил создать комиссию по изучению реальных возможностей выполнения программы. В резолюции совещания говорилось: «Мы, рабочие тракторной мастерской, считаем, что для выполнения пятилетки в четыре года необходимо в текущий хозяйственный год выпустить двенадцать тысяч тракторов. Администрации тракторной мастерской предлагаем в самый кратчайший срок уничтожить все неполадки, на которые указывали товарищи в прениях. Проследить за выполнением этого решения поручить цеховому производсовещанию».

Газа уходил с совещания взволнованный и довольный. Рабочие решительно сказали свое слово. Иван Иванович шел вместе с Кировым и Куйбышевым мимо полыхавших ярким заревом окон мартеновской и прокатной мастерских. Перспектива была ему ясна. А Сергей Миронович говорил:

— Принять решение — это еще не все. Главное — выполнить. Ты возьми это дело под неослабный контроль.

— Хорошо, Сергей Миронович,— ответил Газа...

Несмотря на самоотверженную работу коллектива, сборку тракторов часто лихорадило из-за отсутствия какой-нибудь детали. Иногда возникали простои. Петр Никитин собирал производственные совещания. Рабочие критиковали администрацию, но перебои устранить не удавалось.

Иван Газа, приехав на завод, потребовал от Грачева навести порядок в тракторном цехе.

— А что я поделаю? — развел руками директор.— Я предупреждал вас.

— Почему Иванов и Саблин самоустранились от работы? — строго спросил Газа.

— Они выполняют мое задание. Составляют заявку на импорт готовых деталей.

Иван Иванович потребовал заявку. В ней было

две тысячи наименований на 2,5 миллиона золотых рублей.

— А нельзя ли эти детали сделать у себя? — спросил Газа.

Грачев пожал плечами:

— Займет много времени, а план горит.

В это время комиссия по изучению реальных возможностей программы, созданная по предложению Кирова, закончила работу. Она пришла к выводу, что заявка на две тысячи деталей невыгодна: «При ликвидации неполадок и ненормальностей, выявленных в процессе работы комиссии, при мобилизации всех рабочих, административно-технического персонала и внутренних ресурсов выполнение и перевыполнение 12-тысячной программы вполне осуществимо и возможно».

Но и после этого администрация не приняла мер для налаживания производства тракторов. В январе возникла угроза срыва месячной программы. Газа доложил Кирову:

— Неудачи во многом объясняются тем, что Грачев не имеет технической подготовки.

Иван Иванович предложил сменить руководство завода. Киров дал согласие. Новым директором «Красного путиловца» назначили Карла Мартовича Отса — человека крепкой закалки, умелого, инициативного хозяйственника, хорошо проявившего себя при работе над заказами для Волховстроя. Он решительно взялся за дело, без колебаний, по-большевистски. Газа помогал ему. Каждое утро он спрашивал по телефону:

— Ну, как вчерашний день прошел? Что сегодня задерживает?

На заводе поднялась новая волна социалистического соревнования. Постепенно дело с выполнением встречного плана наладилось. Краснопутиловцы сдержали свое слово: в 1930 году дали стране двенадцать тысяч тракторов.

Как бы Газа ни был увлечен работой предприятий, он никогда не забывал о юном поколении. По его предложению в районе построили прекрасный детский дом для беспризорников. Он занимался организацией пионерских лагерей, комплектованием детских библиотек. Для ребят ставились спектакли.

28 мая 1929 года на бюро райкома обсуждался вопрос о готовности школ к новому учебному году. Докладывал заведующий районо. Сказал, что школ не хватает. Если даже все школы станут, как положено, односменными, восьми тысячам ребят негде будет учиться. И даже при двухсменной работе тысяче школьников не хватает мест. Строительство новых школ затянулось, а до начала учебного года осталось три месяца.

Расстроенный и мрачный, Газа поехал за Нарвскую заставу, где на проспекте Стачек заканчивалось строительство шестиэтажного дома. Пока шел до вагончика строителей, припоминал первую встречу с нынешним бригадиром Алексеем Степановичем Парамоновым, когда этот дом еще только закладывали. Короткая, ничем вроде не примечательная встреча, а завязала меж ними узелок дружбы. Что-то очень правдивое чувствовалось в словах и поступках Парамонова. Участник боев с Юденичем, Алексей Степанович потом строил в районе дома, магазины, детские садики. Тогда, при первой встрече, он обронил запавшие Ивану Ивановичу в душу слова: «Чего не ищешь, того не сыщешь».

Рабочие трудились на своих местах: кто оклеивал обоями стены, кто красил белилами окна и двери, кто заканчивал электропроводку. Парамонов за столом вырезал алмазом стекло для форточки. Кепка сдвинута на лоб, ворот рубахи расстегнут. Узнав вошедшего, бригадир глуховато сказал:

— Здравствуй, Иван Иванович. Проходи, садись.

— Привет строителям! — Газа присел к столу и рассказал о школах, ребятишках:

— Ты, Алексей Степанович, в строительстве большой мастер. Посоветуй, что делать.

— А чего ж тут говорить,— отозвался Парамонов.— Строить надо. Фундамент школы в соседнем квартале давно заложен. К началу учебного года не успеем, а к 1 января сдадим.

— Нет материалов,— тяжело вздохнул Иван Иванович.

— Можно построить из отходов и сэкономленного кирпича. Только цемента и кровельного железа надо бы раздобыть,— сказал Парамонов.

— Попытаюсь. Ну а деньжат для школы попрошу у Кирова. Начинай, Алексей Степанович! С твоим начальством я договорюсь.— Иван Иванович крепко пожал широкую ладонь бригадира.

А. С. Парамонов начал с того, что установил на стройплощадке щит с надписью: «Стройку ведет бригада Парамонова. Начало строительства 1 июня, окончание — 28 декабря».

За те шесть месяцев, что строилась школа, Газа побывал здесь много раз, приходил и днем и поздно вечером. И он, конечно, мог убедиться в правоте слов бригадира: «Чего не ищешь, того не сыщешь». Каменщики, собрав со всего района остатки кирпича, работали слаженно и быстро.

Когда бы ни появлялся на стройке Газа, его всегда встречал Парамонов. Они обсуждали с Газа вопросы строительства, иногда просто беседовали...

Разумеется, секретарь райкома приходил не за тем, чтобы полюбоваться слаженной, дружной работой, а чтобы помочь. Когда начали кладку второго этажа и стали отделывать первый, вдруг не подвезли цемент. Газа сейчас же принял меры, и в тот же день машина

привезла материал. Потом потребовались доски для пола, гвозди, рамы. И этим Иван Иванович обеспечил стройку. В начале декабря ему удалось получить в тресте обогревательные батареи. Насчет труб он договорился с директором «Красного путиловца». Конечно, поздновато! Печники уже начали класть печи. Придется разбирать. Предстоит неприятный разговор. Как им лучше объяснить, почему так получилось? Газа решил посоветоваться с Парамоновым.

Утром Иван Иванович специально встал пораньше, вышел на улицу. Холод сразу опалил лицо. Подняв воротник пальто, Газа пошел отмахивать широченными шажищами. Обогнув Нарвские ворота, вышел на проспект Стачек. Кончились шестиэтажные новые дома, потянулись ряды старых деревянных строений; скоро они пойдут на слом. Газа остановился возле строившейся школы. Во дворе стоял знакомый вагончик строителей — сладковато и пряно пахло березовым дымком. «Парамонов уже здесь. Неугомонная душа. Ему никакой мороз не страшен»,— подумал Иван Иванович.

Узнав, зачем пришел секретарь райкома, Парамонов почесал в затылке.

— Ладно, поговорю с печниками, все объясню. Только привозите быстрее трубы и батареи.

Печники восприняли весть о ломке печей без энтузиазма. Особенно возмущался молодой. Что ж, упреки законные!

Иван Иванович быстро зашагал обратно. Надо быть к девяти часам в райкоме партии, где его ждали люди.

И вдруг он почувствовал резкую боль в левой стороне груди, в том месте, где была зарубцевавшаяся рана, полученная в бою под Двинском. Боль такая острая, что пришлось остановиться. Газа закашлял и, прислонившись к столбу, проглотил таблетку термопсиса.

Это был уже второй такой приступ боли в том го-

ду. Первый случился в марте на «Красном путиловце», когда Иван Иванович, подгоняя выпуск тракторов, не спал несколько ночей. Тогда боль утихла после того, как он принял кодтерпин. Сейчас у него этого лекарства не было...

Прошло девять месяцев. Жизнь Газа, стремительная и яркая, была заполнена до отказа чрезвычайно нужными для народа делами. Все находилось в таком быстром движении, что он даже не заметил, как пролетели эти месяцы. Вообще, спокойный, размеренный ритм жизни был не для него. Он спешил жить и торопил других. Спал мало. Часто до глубокой ночи сидел, склонившись над книгой. За это время проработал «Немецкую идеологию» К. Маркса и Ф. Энгельса, «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина, написал около десятка статей в журналы и газеты. Летом товарищи один за другим уходили в отпуск. Газа отпускал их на отдых, добывал им санаторные путевки. Их работа ложилась на его плечи. Осень и зиму Иван не любил: болело горло, мучил кашель. Эта осень прошла благополучно, но зиму он встретил с опаской. Ему было тяжело даже самому себе признаться, что силы с каждым днем убывают.

...Почувствовав некоторое притупление боли, сдерживая кашель, Иван Иванович пошел к своему дому. Там его уже поджидала машина. Газа приехал в райком без пяти девять и сразу потребовал сводки о работе предприятий за минувшие сутки. Сводки он не просто читал, а делал из них определенные выводы. Затем звонил в парткомы заводов и фабрик, нацеливал каждую парторганизацию на выполнение и перевыполнение производственных планов. Потом поехал на «Красный треугольник» — проверять работу партийного бюро шинного завода. Почему-то оно проявляло мало заботы о повышении производительности труда...

К четырем часам Газа вернулся в свой рабочий кабинет и стал принимать многочисленных посетителей. Эти встречи помогали ему глубже узнать положение дел на местах. Непосредственное общение с трудящимися, их деловые советы давали очень многое.

И письма Иван Иванович читал с интересом. Это был канал живой связи с массами. Чуткое, внимательное отношение к сигналам с мест, к просьбам и предложениям граждан Газа считал своим долгом.

...Пришел заведующий орготделом. Район недавно разделили на Московский и Нарвский. Иван Иванович стал секретарем Нарвского райкома партии. Требовалось заново формировать некоторые учреждения, готовить партконференцию, выборы в районный Совет...

В конце рабочего дня состоялась встреча с председателем райисполкома. Иван Иванович предложил ему перейти на работу в Нарвский район, и тот согласился.

Как обычно, домой Газа приехал к двенадцати ночи, когда дети уже спали. Клава поджидала его. Переступив порог, он тяжело, надсадно закашлял. Жена подошла к нему:

— Что с тобой?

— Не беспокойся, Клавушка, пройдет,— сказал он.— Согрей молока и дай мне аспирину.

Он пролежал в постели три дня и, еще не выздоровев окончательно, вышел на работу. Его ждали дела.

12

10 декабря 1931 года состоялся объединенный пленум обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б), который одобрил решение бюро обкома, утвержденное ЦК ВКП(б), о выделении в пределах Ленинградской области города Ленинграда в самостоятельную административно-хозяйственную единицу. В связи с этим

в Ленинграде произошла реорганизация партийных органов. С. М. Кирова избрали первым секретарем областного и городского комитетов ВКП(б). Иван Газа стал секретарем Ленинградского городского комитета партии.

Киров поручил ему возглавить идеологическую работу, возложил на него шефство над «Красным путиловцем» и назначил своим помощником по реконструкции города.

Перед Газа открылось еще более широкое поле деятельности. Он был счастлив, что снова работает вместе с Кировым.

По совету Сергея Мироновича Газа сначала проштудировал в библиотеке Смольного труды Маркса, Энгельса, Ленина и решения съездов партии по идеологическим вопросам. Политическая и правовая пропаганда, нравственность, религия, наука, философия, искусство — все интересовало его.

Спустя две недели Иван Иванович подготовил и поставил на заседании бюро горкома партии вопрос о повышении идейного уровня и действенности пропаганды. Он резко критиковал всевозможные «политбои», «политоблавы», «политудочки» и другие надуманные формы пропаганды. Киров, горячо поддержав его, обязал секретарей парткомов лично руководить партийным просвещением, глубоко вникать в дело, обеспечить высокий научный уровень пропаганды и агитации, усилить их связь с решением хозяйственных и политических задач.

Иван Иванович с группой работников проверил деятельность Дома партийного просвещения (в городе Пушкине) и потребовал улучшить качество преподавания, усилить связь лекций с жизнью. Выступил перед слушателями с докладом о международной обстановке. На следующей неделе провел семинар работников печати и радио.

Затем стал объезжать институты, театры, Дворцы культуры и знакомиться с людьми. Среди преподавателей, младших научных сотрудников и администрации выявил бывших белогвардейских офицеров, троцкистов, зиновьевцев. По настоянию Газа всех их немедленно удалили из учебных заведений и культурных учреждений. Затем по его инициативе создали комиссию для изучения репертуаров ленинградских театров. Они были значительно обновлены, более тесно увязаны с современностью.

Бывая в театрах, Иван Иванович заходил во время антрактов за кулисы, беседовал с актерами, интересовался всеми вопросами, даже декорациями. Потом он высказал Кирову несколько важных соображений. Сергей Миронович после соответствующей проверки дал указание Ленгорисполкому представить в Москву смету на ремонт академических театров. Нужные материалы и денежные ассигнования были получены.

Газа интересовался и живописью. Он посещал все художественные выставки, организовал их обсуждение в горкоме партии, принимал участие в обновлении работы художественно-промышленного техникума.

Техникум выпускал художников, мало знакомых с промышленным производством, и они в большинстве случаев оставались без работы. Положение осложнялось тяжелыми условиями жизни и быта учащихся. Стипендий давали мало, размер их был невелик. В общежитии было сыро и холодно, не хватало постельных принадлежностей. Иван Иванович поехал в техникум, во всем тщательно разобрался и доложил С. М. Кирову. Директора техникума вызвали в Смольный. Горком принял меры. Учебную программу тесно увязали с производством. Гороно увеличил количество и размер стипендий. Для общежития выдали постельные принадлежности и топливо.

В этот период у рабочих Металлического завода возникла идея создать свой втуз. Они пришли в Смольный. С. М. Киров принял делегацию. На беседу с рабочими он пригласил Газа. Иван Иванович, ознакомившись с предложениями рабочих, сказал:

— Чтобы строить крупные турбины, заводу нужны свои опытные инженеры.

С. М. Киров дал согласие, и вскоре на базе Металлического завода был создан институт.

Иван Иванович встречался с крупными ленинградскими учеными: академиками С. В. Лебедевым, И. П. Павловым, А. А. Чернышевым, помогал становлению научных институтов и лабораторий.

Каждое утро, выезжая из дома в Смольный, Газа, так же как и Киров, объезжал новостройки. Их было много. Благоустраивались сады и парки, облицовывались берега Фонтанки, Мойки, каналов. Реставрировались архитектурные шедевры Растрелли, Захарова, Росси, Воронихина, Кваренги. Возводились Дворцы культуры, жилые дома, школы, фабрики-кухни, больницы, бани, строился крупнейший мукомольный комбинат, шагнул через Неву Володарский мост...

Каждый день маршрут был иным. Часто Газа останавливал машину, беседовал с рабочими, осматривал строившиеся объекты. А приехав в Смольный, по телефону связывался с руководителями строек и указывал им на замеченные недочеты, на жалобы рабочих...

Иногда Иван Иванович вставал раньше обычного и ездил в Смольный на трамвае. Вагоны были переполнены. Люди висели на подножках. Как-то он стал свидетелем аварии, произошедшей на Лиговском проспекте. Несколько человек получили травмы. Газа рассказал об этом Кирову. Сергей Миронович нахмурился:

— Что ты предлагаешь?

— Давайте обсудим вопрос о работе транспорта на бюро горкома.

Киров поддержал это предложение. Докладывал председатель Ленгорисполкома. Он жаловался на неповоротливость руководителей Лентрамвая, на изношенность трамвайного парка и отсутствие денежных средств. После бюро Сергей Миронович обратился к правительству с заявкой: дать Ленинграду 370 автобусов, 500 грузовых автомобилей и столько же легковых такси, 270 автомашин специального назначения. Одновременно запросили трамвайные рельсы, цемент и другие материалы. Просьбу удовлетворили. В Ленинграде наладили производство четырехосных трамвайных вагонов, построили новые трамвайные пути, ввели дополнительные маршруты, значительно пополнили автобусный парк.

Газа по-прежнему часто бывал на «Красном путиловце».

Он с волнением обходил знакомые с юношеских лет мастерские и почти в каждой встречал старых друзей. Особое внимание уделял тракторным цехам, которые в 1931 году выпустили 34 тысячи машин и таким образом выполнили пятилетний план за три года и семь месяцев.

На 1932 год коллектив взял еще более высокие социалистические обязательства. 7 февраля 1932 года на завод поступило правительственное распоряжение. «Красный путиловец» привлекался к созданию танков Т-26.

Узнав об этом, Газа приехал на завод. В кабинете директора спешно собрались на совещание руководители цехов и отделов. Иван Иванович напомнил о международной обстановке и призвал приложить максимум энергии для выполнения правительственного задания.

Задача оказалась сложной. В текущем году предстояло изготовить три тысячи комплектов ходовых частей Т-26. Основная тяжесть выполнения програм-

мы легла на турбинный цех. Значительную часть работы поручили тракторным цехам.

Для обработки танковых деталей потребовалось около 700 станков, свыше тысячи различных приспособлений, новые сорта стали. Москва не могла дать все это сразу. Пришлось строить фасонно-сталелитейную мастерскую, электропечи, устанавливать новые краны.

Иван Иванович ходил по цехам, беседовал с рабочими, разъяснял, почему танковое производство именно сейчас особенно необходимо для страны. По его совету этот вопрос обсудили на расширенном пленуме парткома. Газа, выступив на нем с докладом, поставил четкие задачи перед собравшимися.

— Необходимо мобилизовать все силы и возможности,— сказал он в заключение.

Приступили к работе. И все же, несмотря на все усилия, с подготовкой производства танков завод запоздал на полтора месяца. Кроме внутренних неполадок сказывалось плохое снабжение. Горком партии обратился в Наркомат тяжелой промышленности. 13 апреля 1932 года Серго Орджоникидзе издал специальный приказ об улучшении поставок для «Красного путиловца».

Долго не получалась хорошая броневая сталь для танка. Инженер центральной заводской лаборатории Семен Баранов провел сотни опытов. И наконец нашел! По его предложению на заводе освоили броневую кремнехромистую сталь, которая заменила дорогостоящую высоколегированную. Из новой стали изготовили броневые щиты, вывезли их на полигон. Рабочие выкатили пушку. На испытания приехали Киров и Газа.

Первые выстрелы сделали по щиту из старой стали. Он остался невредимым, поблескивая на солнце. Затем стали бить по «новичку». Выпустили пять снарядов, но и он остался целехоньким.

Баранов предложил:

— Сократим дистанцию на сто метров.

Один из испытателей возразил:

— Стоит ли? И так близко.

— Стоит,— сказал Иван Иванович.— В бою приходится стрелять с разных дистанций.

Пушку приблизили к щитам на 350 метров. Опять выстрелили по старому стальному щиту: в нем появилась пробоина.

— Теперь по соседнему,— сказал Киров, смотря в бинокль на щиты.

Через секунду снова грохнул выстрел. Снаряд отскочил от щита из новой брони.

По щиту дали еще пятнадцать выстрелов. Выстоял!

Сергей Миронович, смеясь, сказал:

— Неколебимый, как Россия!

Иван Иванович добавил:

— Если бы такая броня была на бронепоезде № 6, мы не понесли бы больших потерь.

Дело с производством танков быстро двинулось вперед. А когда завод выполнил намеченную программу, группу ударников премировали поездкой на пароходе вокруг Европы. Рабочие и работницы побывали в Турции, Италии, Англии и Германии.

Газа порекомендовал парткому организовать их выступления в цехах.

— Пусть расскажут, что видели.

А видели путешественники многое: остановившиеся заводы и фабрики, поставленные на прикол суда. В Гамбурге и Лондоне — толпы безработных, стоявших в очередях в ожидании тарелки супа. Рассказы рабочих рассеивали мифы о капиталистическом рае, о котором трубила буржуазная пропаганда.

Особенно хорошо выступала штамповщица тракторной мастерской Анна Архипова. На заводской партийной конференции она сказала:

— Во что бы то ни стало надо выполнить наш промфинплан. Буржуи там радуются, когда у нас бывает прорыв...

Иван Иванович, выслушав ее выступление, сказал:

— Да, товарищи, несколько лет тому назад буржуазные экономисты предвещали нам кончину. Они разглагольствовали, что пятилетка — это предсмертные судороги большевиков.

Иван Иванович на секунду остановился, обвел чуть прищуренными глазами переполненный зал и под аплодисменты продолжил:

— Мы еще тогда заявили, что пятилетку выполним досрочно...

С большим удовлетворением Газа рассказал рабочим о плане застройки Нарвского района:

— Рабочие, веками жившие в конурах, должны и будут жить в благоустроенных домах, на светлых улицах, окруженных садами и парками.

Уверенность, звучавшая в его словах, передалась слушателям.

План застройки Нарвской заставы начал осуществляться уже в следующем году.

Но Ивану Ивановичу не суждено было увидеть заставу такой, о какой он мечтал.

13

В середине августа Газа тяжело заболел. Поднялась температура, усилился кашель, появилась сильная головная боль. Он сообщил С. М. Кирову, что не может приехать на работу, и лег в постель. Клавдия Ивановна вызвала врача. Тот, осмотрев больного, поставил диагноз: очаговое воспаление правого легкого.

— Простудился? — спросил Иван Иванович.

— По-видимому,— ответил врач.— Но не исключено, что это дает себя знать старое ранение. Придется

недельки две полежать. Нужен покой, лечение и усиленное питание.

Несколько дней Иван Иванович лежал и послушно глотал лекарства. Клавдия Ивановна сварила куриный бульон, готовила паровые котлеты. Но здоровье мужа не улучшалось.

Ежедневно звонил С. М. Киров, потом приехал навестить Газа. Ласково поздоровался с Клавдией Ивановной, детьми и подошел к лежавшему в постели Ивану Ивановичу. Тот хотел встать, но Киров взял его за плечи и, легонько надавив, уложил в постель.

— Лежи, лежи,— сказал он, садясь на стул и пожимая руку Газа.— Как самочувствие?

— Неважное,— хриплым голосом ответил Иван Иванович.— Грудь давит, кашель замучил.

— Ну а что говорит врач? Чем лечит?

Газа, откашлявшись, стал рассказывать. Киров выслушал его, потом посоветовал:

— В больницу надо. В Детском Селе есть хорошая больница для легочников: опытные врачи, стационарное лечение, хороший уход. Быстрее поправишься.

Иван Иванович, надеявшийся на выздоровление в течение двух недель, молчал. Сергей Миронович предложил:

— Поедем сейчас.

— Может, не надо,— слабо возразил Газа.— Так пройдет.

— Надо, необходимо,— сказал Киров.— Эта болезнь к тебе давно подкрадывалась. Так что давай собирайся. Я отвезу.

Иван Иванович согласился лечь в больницу, но не хотел утруждать Сергея Мироновича.

— Незачем вам тратить время,— сказал он.— Я вызову свою машину. Клава проводит меня.

— У нее дети,— возразил Киров.— А мне как раз надо ехать в тот район. И я поговорю с врачами.

Клавдия Ивановна одела мужа. Киров помог ему спуститься с лестницы и сесть в машину.

Больше месяца пролежал Газа в детскосельской больнице. Врачи порекомендовали ему поехать на Кавказ, в Хосту.

— Не стоит,— начал отговариваться Иван Иванович.— Я практически здоров. И так долго завалялся. Надо работать.

Он не знал, что вопрос о курортном лечении уже согласован с С. М. Кировым. Поехал с неохотой. Через два дня Газа уже был на берегу Черного моря, в специальной курортной поликлинике для больных с заболеваниями органов дыхания. Старинный каменный дом на склоне горы. Внизу полоска железной дороги. За ней синеет неоглядная морская ширь, воздух дышит свежестью. На берегу, среди яркой субтропической зелени, вырисовываются дома и улицы Хосты. Вокруг громоздятся серо-зеленые горы, придавая особую прелесть побережью. И над всем — великолепное южное солнце. Ивану Ивановичу назначили лечебные процедуры.

— А главное — больше бывайте на воздухе, глубже дышите,— сказал лечащий врач.— Здешний воздух — замечательный лекарь.

Погода стояла прекрасная, теплая. Иван Иванович гулял, принимал лечебные ванны, спал на свежем воздухе. Через неделю ему разрешили загорать и купаться в море. Он стал заниматься гимнастикой.

Незаметно подходил к концу еще недавно казавшийся бесконечным срок пребывания на курорте. И Газа все больше думал о будущем: о встрече с семьей, Кировым и другими товарищами, которые его ожидали; о предстоящей работе. Он тосковал по Ленинграду, много думал о преобразовании родной Нарвской заставы, о «Красном путиловце». Сколько там произошло разных изменений, пока он лежал в больнице и

отдыхал в Хосте! Товарищи, жена, дети, ждавшие его возвращения, часто писали об этом.

Когда болезнь начала отступать, он старался побольше читать: и на пляже, и во время прогулки, и в очереди на процедуры. Читал и газеты, и журналы, и новые романы, и теоретические произведения.

«Мне уже не тридцать, а тридцать девять,— думал он.— Надо экономить время. Хочется еще многое сделать».

За три дня до отъезда он стал собираться домой. Съездил в Сочи и Адлер, купил подарки жене, детям. Для Сергея Мироновича купил красивую трубку и душистого табаку.

Когда вещи были уложены в чемодан, вдруг принесли телеграмму от Кирова: «Погода в Ленинграде безобразная. Решили продлить тебе отпуск до 20 октября, что по ходу работы вполне возможно». Иван Иванович сел, задумался. Что делать: продлить лечение или ехать домой? Раздумывал недолго. Срок путевки истек. Чувствовал себя хорошо. В Ленинграде его ждут семья, работа, товарищи. Сергей Миронович, конечно, пожурит.

Поехал...

Действительно, Ленинград встретил его дождями, туманами и холодным северо-западным ветром. Организм, привыкший к мягкой погоде, не смог сразу акклиматизироваться. Через три дня снова поднялась температура, начался кашель и опять пришлось лечь в постель. С. М. Киров, конечно, был огорчен. Иван Иванович виновато оправдывался:

— Ничего, пройдет. Легкие у меня здоровые.

Через несколько дней он поправился и вышел на работу. Самоотверженно трудился почти целый год. Но болезнь продолжалась, то затихая, то обостряясь. Он мужественно сопротивлялся, не подавая вида, как ему тяжело, и только тогда, когда становилось совсем

невмоготу, отлеживался, вызывал врача, глотал лекарства. На советы жены и Сергея Мироновича лечь в больницу, улыбаясь, отвечал:

— Там я хуже заваляюсь... Пройдет.

Однако болезнь не отступала. Кашель усиливался, часто повышалась температура, появились боли в боку. При ходьбе возникала одышка. Осунулся, похудел...

9 сентября утром он оделся и собрался ехать в Смольный. Машина уже у подъезда. Клавдия Ивановна видела, как он подошел к шоферу, стоявшему у машины. Сидела у окна, прислушиваясь к его голосу, долетавшему с улицы. Вдруг Иван Иванович схватился руками за грудь и зашатался. Шофер едва успел подхватить его.

Клавдия Ивановна выбежала на крыльцо. Навстречу ей шофер и какой-то мужчина вели Газа под руки. Клавдия Ивановна подбежала к мужу и увидела, что прежде строгое и решительное выражение его лица сменилось виноватым и покорным:

— Извини, Клавушка,— тихо сказал он.— Мне что-то плохо.

Ему помогли подняться по лестнице, уложили в постель. Клавдия Ивановна позвонила Кирову.

— Немедленно в Детское Село,— распорядился Сергей Миронович.— Я, как только освобожусь, приеду туда.

Сыновья были в школе. Иван Иванович простился с дочерью:

— Слушайся маму,— сказал он.— Я, наверно, надолго.

Печальным взглядом окинул книги, плотно стоявшие в шкафу и на полках, закашлялся. Жена и шофер подхватили его под руки и повели.

В больнице сделали обезболивающий укол, начали обследовать. Газа держался мужественно, успокаивал жену, уверял ее, что все будет хорошо.

В больницу приехал С. М. Киров. Молча и сосредоточенно выслушал рассказ Клавдии Ивановны, поговорил с Газа. Сдвинул брови, потер ладонью лоб. Потом улыбнулся, тронул рукой плечо Ивана Ивановича:

— Крепись, друг мой. Мы еще повоюем.

Посидев несколько минут, пошел к главному врачу.

— Поздно,— сказал тот.— У него развились пневмосклероз и эмфизема. От легочной ткани мало что осталось. Надежды на исцеление нет.

— А вы сделайте невозможное,— горячо просил Сергей Миронович.— Это такой человек! Ему надо жить и жить.

— Сделаем все, что от нас зависит. Но болезнь зашла так далеко, что мы бессильны...

День и ночь возле Газа дежурили Шмай, Никитин, Майлов и другие его товарищи. Часто навещал его С. М. Киров. Ежедневно приезжала жена.

2 октября Клавдии Ивановне позвонил лечащий врач:

— Ему сегодня лучше,— сказал он.— Приезжайте с детьми. Он зовет вас.

Она быстро собрала детей и поехала. Когда Клавдия Ивановна с сыновьями и дочерью вошла в палату, муж лежал приподнятый высоко на спине, крупные, покрытые узловатыми жилками руки его покоились на одеяле. Большие впалые глаза глядели прямо на жену и детей. Клавдия Ивановна подошла к нему, поцеловала и опустилась на стул у изголовья. Борис пожал руку отца. Костя и дочь прижались к матери.

— Как ты себя чувствуешь, Ваня? — спросила Клавдия Ивановна, ласково и печально глядя на него, стараясь угадать, зачем он позвал.

— Сегодня мне лучше,— слабым голосом ответил Иван Иванович.— Захотелось еще раз увидеть тебя и детей. Спасибо, что привезла их.

Он посмотрел на сыновей и спросил, как они учат-

ся, потом погладил по голове дочь и утомленно закрыл глаза. По всему было видно, что ему опять стало плохо. Клавдия Ивановна, неотрывно глядевшая на него, подумала, что он кончается, и хотела позвать врача. Борис тихонько сказал:

— Папа!

Иван Иванович вдруг открыл глаза и чуть слышно произнес:

— Помогай маме, Борис... дети, берегите ее...

Он закашлялся. Кашлял долго, с надрывом. Прибежал врач и, пощупав пульс, велел всем уйти:

— Он утомлен.

Последнюю ночь возле Газа дежурил Петр Никитин. Иван Иванович проснулся на рассвете и вдруг ясно сказал:

— Завидую тебе, Петр Дмитриевич. При социализме жить будешь. О нем мечтали лучшие умы человечества...

— Зачем завидовать, Иван Иванович,— сказал Никитин.— Вместе будем жить.

— Нет, мне уже не выкарабкаться,— с сожалением сказал Газа.— Чувствую, скоро конец.

Он умер после полудня 5 октября 1933 года. 8 октября Ленинград провожал его в последний путь. Был по-осеннему хмурый, но не дождливый день. Рабочие «Красного путиловца» настояли на том, чтобы гроб с телом установили возле завода. «Здесь Иван Газа стал большевиком,— говорили они,— отсюда, раз уж пришлось, и пойдет к своей могиле».

Проспект Стачек был запружен народом. Приспущены траурные флаги. Масса венков. В почетном карауле стоял печальный С. М. Киров. Под звуки скорбной музыки гроб трижды медленно подняли над головой, совершая обряд прощания. Сергей Миронович и другие соратники Газа выступили с речами.

Когда стало темнеть, показался артиллерийский ла-

фет, запряженный четверкой белых лошадей. На него установили гроб с телом, и процессия двинулась через весь город.

Рядом с заплаканной Клавдией Ивановной и сыновьями Газа шел С. М. Киров, за ним — бывшие бойцы легендарного бронепоезда № 6, многотысячный коллектив «Красного путиловца».

Прах Газа приняла земля Марсова поля. На могилу была положена белая мраморная плита.

* * *

Светлый образ Ивана Газа навсегда остался в сердцах благодарных ленинградцев. Каждый год в день его смерти сюда приходят седые ветераны и молодые рабочие, пионеры и комсомольцы, чтобы поклониться его могиле, положить на нее цветы.

Народ увековечил память Ивана Газа. Его именем названы Старо-Петергофский проспект, бывший Шелков переулок и Дворец культуры объединения «Кировский завод». В сквере у Дворца культуры на гранитном постаменте установлен бронзовый бюст Газа. Иван Иванович, точно живой, глядит на родной завод. Там трудятся рабочие, принявшие от Ивана Газа эстафету строительства социализма и коммунизма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ КОМЯКОВ

ИВАН ГАЗА

Документальная повесть

Заведующий редакцией *Ю. А. Васильев.* Редактор *Г. П. Тихонова.* Младший редактор *М. В. Тоскина.* Художник *И. Г. Архипов.* Художественный редактор *И. З. Семенцов.* Технический редактор *В. И. Демьяненко.* Корректор *Г. П. Гуренкова*

ИБ № 2718
Сдано в набор 27.06.84. Подписано к печати 26.12.84. М-13971. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. «Балтика». Печать высокая. Усл. печ. л. 14+вкл. Усл. кр.-отт. 15,14. Уч.-изд. л. 14,53. Тираж 50 000 экз. Заказ № 592. Цена 65 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Комяков В. А.

К63 Иван Газа: Документальная повесть.—Л.: Лениздат, 1985. — 333 с., ил.

В кинге, напнсанной в форме документальной повести, рассказывается об основиых этапах жизненного пути и революциоиной деятельности потомственного путиловца большевнка И. И. Газа, активного участника Февральской революцнн и Октябрьского вооружеиного восстания, стойкого борца аа проведение генеральной лиинии партии. Отдельная глава посвящена участню И. И. Газа в гражданской войне в качестве комиссара бронепоезда № 6 имеин В. И. Ленина.

Рассчитаиа иа шнрокнй круг чнтателей.

К $\frac{0902030000-234}{М171(03)-85}$ 78—84 66.61(2)8

В 1985 г. в Лениздате в серии «ЖИЗНЬ СЛАВНЫХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ-БОЛЬШЕВИКОВ» выйдут:

документальная повесть Ф. К. Гордеева **«Память о ключевой воде»**, посвященная жизни и революционной деятельности Я. А. Калинина — одного из вожаков питерского пролетариата;

книга Л. А. Киршнера **«Колокол громкого боя»**, рассказывающая о советском военном и государственном деятеле, активном участнике Великой Октябрьской социалистической революции, талантливом организаторе, председателе Центробалта П. Е. Дыбенко.



65 коп.

Иван ГАЗА

Иван Иванович Газа
(1894 — 1933) —
потомственный путиловец, большевик,
участник Февральской революции
и Октябрьского вооруженного
восстания.
В годы гражданской войны
был комиссаром бронепоезда № 6
имени В. И. Ленина.
До 1925 г. —
военком Красной Армии.
С конца 1925 г. —
на партийной работе в Ленинграде,
в 1931 — 1933 гг. —
секретарь Ленинградского
городского комитета ВКП(б).

ЛЕНИЗДАТ·1985

В.А. Комяков

Иван ГАЗА